

С. СОМ

КАТАКОМБНЫЙ МЭЙНСТРИМ,
КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ:

КАМНИ ВНЕ ВРЕМЕНИ
И ПРОСТРАНСТВА

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ВРЕМЯ

Объяснение

Частный некролог

Каунас

Эмиграция

Газетное возвращение

Несостоявшиеся поминки

Зелёный и Крыса, Колокольчик и Клетчатый

Мастер Дима

Частный мартиролог

Притоки одиночества

Высшая математика

Правда о Ебазаре

Солнечная Система

Никитские хроники

ПРОСТРАНСТВО

И свет, и тьма у нас едины

Приблизительный реестр

КАМНИ

О, безумное искусство телесъёмки...

Борзо писание...

Быки и юпитеры

Обыкновенный росизм

Светлое дополнение

Но мы-то знаем, какая власть...

Фотопамять

Констатация

СОДЕРЖАНИЕ:

ВРЕМЯ	4
Объяснение	4
Частный некролог	10
Каунас	24
Эмиграция	29
Газетное возвращение	73
Несостоявшиеся поминки	89
Зелёный и Крыса, Колокольчик и Клетчатый	114
Мастер Дима	136
Частный мартиролог	148
Притоки одиночества	150
Высшая математикА	169
Правда о Ебазаре	180
Солнечная Система	196
Никитские хроники	200

ВРЕМЯ

ОБЪЯСНЕНИЕ

*«Время разрушать и время строить...
Время разбрасывать камни,
и время собирать камни»
: Екклезиаст*

Когда “Спелеопенталогия” была предъявлена интернету, думать не мог, что получу какие-то отзывы. И хоть, судя по счётчикам просмотров и скачиваний, число моих читателей превысило 10.000, эпистолярной активности не ждал. Потому что сам, например, не страдаю оной – да и рассчитаны мои слова были не на тот контингент, что заполняет чарты, ЖЖ и ‘сисько-пиписькомерные’ форумы. Разве *некто* порадует бранью, ибо были в написанном моменты, что, конечно, кое-кто мог принять за “запоздалое сведение счётов”, –

: Конечно, никакого “сведения” не было — как не было желания показаться слаще, чем есть на самом деле, а заодно реальную историю нашу изобразить таким условно-красивым лубочком.

В общем, об иных отзывах не мечтал.

Но они последовали. И несли не только слова благодарности, но серьёзные и доброжелательные замечания – когда Читатель видел, что я действительно в чём-то ошибся. Или источники подвели. Или односторонняя моя информированность.

Или неприятие кем-то избранного мной стиля повествования.

Отзывов было очень много – на форумах, по электронной почте, по ICQ, по ЛС, и просто по телефону или в дружеском общении; от одного питерского издательства даже поступило предложение напечатать “Пенталогию” в официально-бумажном варианте (причём, что было лично мне удивительно, с полным сохранением моего нетрадиционного синтаксиса и всей ненормативной лексики, да ещё “в очень красивой обложке”) – но увы, “за счёт автора”. Или спонсора, готового выложить за издание каждой из частей “всего каких-то 80.000 рублей”. С возможной финансовой отдачей.

: за все эти отзывы я благодарен, и благодарность свою выразил неоднократно не только при электронном общении со своими корреспондентами, но и на наших спелеофорумах. Тем не менее, с особенным удовольствием хочу ещё раз поблагодарить Юру Долотова и Сергея Заграевского за обильные исторические и геологические консультации, а Илью Атамана и Дхатю за истинно профессиональные консультации в области психологии и

выявление всех допущенных мной неточностей и ошибок в главе о спелеофрустрациях и спелеострессе.

Конечно, я постарался учесть все предъявленные мне замечания. Что неизбежно привело к новой редакции “Пенталогии” — и редакции настолько принципиальной, что отдельные главы не просто переписывались заново, — изымались из сюжета или заменялись иными. В других уточнялись цифровые данные и термины, переписывались абзацы и появлялись дополнения, вызванные новыми подземными открытиями и находками.

Исключению подверглись достаточно пространные моменты, повествующие о моём личном приходе в мир Подземли и нашей относительно недавней спелестологической истории.

Хотя бы потому, что говорить об этом следовало иначе. И не короче, а значительно подробнее.

: исторические экскурсы оставил лишь в той мере, без которой было не обойтись.

В конечном итоге это привело к тому, что четыре части “Пенталогии”, описывающие наши подземные теории и практики, выделились в независимое и самодостаточное повествование под названием “Катакомбный Итог”. Всё прочее было отправлено “за литературный борт”, — отложено “на потом”.

— Когда работа была завершена, понял: как много осталось недосказанным, недообъяснённым, — неповеданным вовсе.

Да и друзья укоряли: вот, написал ты о том-то и том-то, а об этом почему не сказал? А почему о наиболее неприятных моментах, что тебе самому немало крови испортили, до смешного сжато поведал, — подзабыл, что-ли, или простил былых наших опекунов-затейников?

: Не простил. Это не в моей компетенции. Всего лишь не хотел, чтобы написанное несло слишком большую дозу чернухи.

«Но ты ведь и о стольком хорошем не написал! О той же Старице почему умолчал?..»

А потому, что невозможно обо всём сказать одновременно и сразу.

Да, о Старице не сказать было нельзя — потому начал писать о ней отдельную книгу. Пребывая в ‘творческой непонятке’: коль “катакомбный итог” подведён и появление ещё одной книги в его конструкции неуместно — как быть?

Решил, что вначале допишу, а потом оно как-то определится.

При этом “Человеческий фактор подземной судьбы”, изначально написанный для “Пенталогии”, после последней её редакции был удалён, ибо к итогам развития нашего жанра точно не относился — но требовал своего продолжения...

А тут и брань давно ожидаемая последовала, да в столь базарной форме, что не определиться было трудно. Вначале нашёлся “как бы друг Виктора Шагала” с удивительными по силе амбициями — не сомневаюсь, что Витю он знал при жизни лучше, чем я, и истерическая брань его имеет под собой какие-то основания. Однако — ни разу на наших ежегодных поминках Вити замечен не

был; не подозревали об его существовании также ни родители Вити, ни его товарищи по “РИФам”. Памятника Вите он не ставил, родителям и жене Вити после его смерти не помогал, даже звоночком телефонным не обозначившись, и в тот трагический никитский день присутствие его никем замечено не было.

30 лет молчал, ничем себя не обнаруживая. А тут вдруг...

: бывает. Простительно. Возможно, дело в лишнем стакане спиртного и в том, что интернет по природе своей провоцирует анонимное хамство. В основе которого чуть-ли ни детская обида: а почему это он обо всех написал, а обо мне, хорошем, ни слова?

А потому не написал, что ни сном, ни духом не ведал о существовании. Хотя достаточно одиозный спелеоник данного “друга Шагала” в середине семидесятых встречал в настенных пещерных росписях.

Да только не в связке со столь близким мне Именем.

: Просто на стенах.

Посоветовавшись с Володей Брагиным, Кузнецовым Геной, Серёжей Альбовым, Володей Капгером и Лидией Ефимовной, по их совету принял решение: не обращать внимания.

Затем из-под пары анонимных виртуалов (также достаточно одиозных) обрушился на меня на форуме “caves.ru” один из главных героев заказной комсомольской статьи и по совместительству начальник того самого “спасотряда”, что первым осмотрел Никиты с целью поиска тела И. Шкварина и безапелляционно заключил: «НИКАКОГО ШКВАРИНА В НИКИТАХ НЕТ И НЕ БЫЛО!»

Добро б — поймал на действительных неточностях или каких-то ошибках...

Добро ещё — действительно оспорил какие-то мои слова “с цифрами и фактами в руках”,—

: чего не было, того не было.

Вместо этого оппонент предъявил “городу и миру” лишь ударные вопли в лексике и стиле упомянутой статьи.

Но в дискуссию о статье “Лабиринт” включился Андрей Кувиченский — реальный свидетель той далёкой “спасаловки”. И поведал мне подробности, которых я не знал,— как и прочие никитяне. Хотя в каком-то смысле догадывался. Уж слишком много было в “комсомольской статье” логических нестыковок.

После обмена электронными письмами с Андреем пришло понимание: хочу я того или нет, но к ряду ‘опущенных для краткости моментов’ вернуться придётся.

Потому что хоть отвечать на базарную брань бессмысленно, *написать правду нужно*.

Я поднял письма и дневниковые записи своих друзей, а также Никитские Журналы тех лет. Опросил всех, кого можно было опросить по всем затронутым в полемике эпизодам.

Частично ответил в интернете — за что получил очередную порцию брани.

: Колода пошла раскачиваться...

К брани естественно подключились те, кто меня и Никитский Круг вообще недолгоблывал по жизни. Кто слишком уж ревностно относится к успехам *иных*,—

Или к свершениям, суть которых понять не могут.

Пусть их немного — в Интернете голоса их достаточно громки.

А тут пара свежих скандалов подоспела, более на провокации похожих. По принципу “кидай дерьмо, что-нибудь да прилипнет” организованных.

В результате чего появился на свет “Катакомбный мейнстрим и турбулентность”. Аргументированный, надеюсь, достаточным количеством цитат и перекрёстных свидетельств.

Но даже в нём многое осталось недосказанным. Отчасти по сюжетным соображениям, отчасти потому, что так или иначе уже было описано мной и опубликовано на спелеосайтах и в бумажной периодике.

Иногда опубликовано без моей воли; иногда с моего согласия и даже (примерно в двух случаях из 10) без уничтожающих смысл написанного ‘вредакционных расправок’. Но тем не менее, к моему полному современному неудовольствию.

Сюжетное поле “Катакомбного мейнстрима и турбулентности” закончилось эпохой ‘катастрофы и глстнсти’; географическое поле было ограничено Никитами и отчасти Володарами и “Сокольниками”.

Но потом было наше освоение Сьян и “эпоха Старицы”, которая заканчиваться пока не собирается.

Была первая, а за ней и вторая попытка организации РОСС,— старицкая спелестологическая конференция и многие иные события, что определили облик современной спелестологии. И продолжают определять.

Были экспедиции в Каунас и Подолию, на Урал и в Среднюю Азию; вскрытия новых пещер и приходы новых людей. Были удачи и неудачи, находки и потери.

И случались в нашем Подземном Мире такие турбулентности, что впору не руками разводить, смеяться иль плакать — санитаров вызывать.

: Пипифаксно-газетный мир не изволит молчать — совок умер, но вонючее тело его до сих пор ‘живее всех живых’. И периодически пахнет так, что вышибает слёзы из глаз,— слава Богу, пока от смеха. Ибо эпоха пока достаточно мягкая.

Жаль лишь, что смех этот большей частью не радостный.

Власть тоже не забывает о нас — радуется каждой весной или осенью. Как обострится мозговая болячка. То о регламентации нашего подземного хождения задумается, то о ликвидации входов в норки-каменоломни,— то об организации официально-экскурсионного подземного туризма со снятием “лёгкого верхового бабла с неорганизованных спелестологических масс”,— то о безопасности нашей, то об экологии подземной.

: Заботливые — хоть святых выноси.

Но что удивительно: пусть описанная в “Катакомбном Мейнстриме и турбулентности” эпоха канула в лету, газетно-телевизионная дурь и не менее

умные деяния власти по-прежнему объединяют нас крепче, чем пресловутые “общие подземные интересы”.

Которые на деле никакие не общие – ибо каждый из нас видит и ощущает Мир Подземли очень по-своему. Что, конечно, иной раз приводит к весьма неприятным конфликтам. Усиленным ‘интернетной эпохой’ и плавно-медленным скольжением современного российского кейвинга в сторону если не отмороженного на всю голову экстрима, то общества тотального потребительского развлечения.

И пусть на исторический киот современной спелестологии взглянуть можно будет не ранее, чем лет через десять – какие-то опубликованные с искажениями (или оставшиеся неопубликованными вовсе) мои статьи и рассказы можно свести под одной обложкой, назвав этот сборник “Камни вне времени и пространства”. < Помните, альбом какого любимого под землёй музыканта назывался похожим образом?.. >

И пусть это будут не только камни, что носят за пазухой, – иногда собирая, иной раз разбрасывая без оглядки на следствия, – но те камни, что сложили нашу подземную судьбу и продолжают складывать её.

: Камни, вне бытия в которых спелестология просто не может быть.

И которые — действительно: вне Пространства и Времени.

А также камни, обозначающие опасные мели и рифы наших подземных плаваний.

С одной стороны это своего рода предупреждение, – не советы по навигации в наших спелеоходах или подробные лоции, но почти условные маячки. [Если *хотя бы половина* из моего предупреждающе-мрачного ворчания окажется бессмысленным пшиком – буду только рад.]

С другой стороны, мейнстрим нашего катакомбного бытия продолжается – и частичное его описание можно сделать уже сейчас. Задуматься о выводах из недавних событий и оценить направление невольных ветров, турбулентностью наших подземных потоков ведающих. А ещё – поделиться радостными открытиями и творческими свершениями, посетовать на случившиеся неудачи. Доверить Читателю личную боль потерь и ошибок.

Задать вопросы, на которые ответ пока не известен.

Пусть всему этому послужит финальная часть моих документальных писаний, являющаяся и дополнением, и продолжением “Пенталогии” / “Катакомбного Итога” – а также ответом на просьбы их читателей.

Как, собственно, “Катакомбный мейнстрим и турбулентность” и “Книга Старицы”. А также “Человеческий Фактор Подземной Судьбы” –

– которые можно рассматривать, как независимое повествование, обособившееся от теоретическо-научных или ориентированных на реальную практику первых четырёх повестей — “Теоретической спелестологии”, “Практической спелестологии”, “Кейвлайвинга” и “Пещеры/Человечество/Космос”.

А значит – пусть плывут к новым и старым читателям парой условно независимых четырёхкнижных повествований:

Одно – об истоках нашего катакомбного мэйнстрима и нас в нём.

Другое – о том, что этот мэйнстрим дал для нашего понимания Мира и демиургии его.

Или мог дать.

* * *

А ещё я хочу поблагодарить Алексея Гунько, администратора замечательного спелеосайта “PRO speleo”, – не только за размещение первых версий “Пенталогии”, но и за толерантно-добрую критику моего литературного языка и стилистики изложения, “не вполне совместимых с литературно-научным мэйнстримом”. И хоть его замечания, а также аналогичные замечания Юры Долотова и Сергея Заграевского, касающиеся моего литературного языка, я смог учесть лишь в малой степени (тем не менее, благодаря их доброй критике снял литературно-стилистические шероховатости и нецензурную брань там, где это было возможно и действительно необходимо сделать) — приводить *весь текст* к “общепринятым в определённых кругах нормам” нужным не счёл. Ибо и нормы эти относительны, и не соотношу я себя с академическо-чопорными “кругами”. Вот с Никитским Кругом — вполне, и уже лет 30. А потому соотнестись с прочими не получится.

Тем более – в повестях, об этом самом Круге рассказывающих.

В оправдание могу привести цитату из Михаила Зощенко: «Конечно, учёные мужи, подобострастно читающие историю через пенсне, могут ужасно рассердиться...»

— надеюсь, до реальных обид не дойдёт, и “Катакомбный Итог” с “Катакомбным Мэйнстримом” своевременно появятся на упомянутом сайте. А также на сайте Константина Борисовича Серафимова “Сумган” (которому – отдельное благодарение за всё, что соединяет нас в вечной пещерной ночи и гораздо более тяжких сумерках наземного мира) и тех сайтах, что поддержали меня публикацией моих повестей, статей и рассказов.

А там и о бумажном варианте подумаем. Ибо за первым предложением поступили иные.

— И ещё. Прочитавший “Пенталогию” обнаружит в “Катакомбном Мэйнстриме” отчасти знакомые эпизоды. Это не повторение: как я уже написал, они изъяты оттуда, где им не было места. Сделано это, опять же, по вашим просьбам, и мне досадно, что их тамошнюю ненужность я не понял сам – понадобились ваши советы.

Надеюсь, в данном повествовании они присутствуют органично.

* * *

Говорят: Радость, разделённая с другом – Радость вдвойне.

Говорят: разделённая Печаль становится меньше.

— Так хочется в это верить...

... мы провожаем уходящих друзей поминальным пламенем свеч. Делимся своим огнём,— своим теплом, светом. Хочется верить, что там, куда уходят души, он освещает им продолжение земного пути.

Старинная легенда гласит: где-то есть Пещера, в которой горит множество свечей — каждая из которых загорается тогда, когда рождается человек. Когда приходит финал его земной жизни, Смерть задувает эту свечу. Возможно, от этой легенды происходит спелестологическая традиция зажигать на месте гибели друга Поминальную Свечу.

Считается: как горит зажжённая тобой Свеча — такой и будет твоя жизнь.

В справедливости этой приметы я убедился не раз.

: пусть мои воспоминания об ушедших друзьях станут своего рода литературными свечками —

Горящими ясно и долго.

ЧАСТНЫЙ НЕКРОЛОГ

*“Я подношу ко рту
Снег, тающий в горсти...”*

: Юрий Лорес

... несколько раз я пытался написать какие-то связные строки о Саше — значащего для меня и всей моей подземной судьбы столь много, что даже сравнение с маяком, путеводной нитью и Учителем ничего, по сути, не передаёт,— пытался и отступал в бессилии душащих эмоций, шор личного пристрастия,—

: Поскольку эмоции оказались плохим “диктатором текста” — убираю их.

Оставляя лишь конспективную суть, фабулу жизни:

Александр Игоревич Морозов родился 16 августа 1937 года. В Мир Подземли пришёл на заре шестидесятых с освоения подмосковных каменоломен,— его руками была пройдена ранее непроходимая, заваленная бутом сбойка меж Третьей и Четвёртой системами Силикат. Именем одного из его сподвижников — Юры Франца — названо море в той же Системе, до сих пор служащее источником питьевой воды¹. В компании со своими ближайшими

¹ Что интересно, Юра Франц сейчас занимается спелеоподводными исследованиями пещер бассейна р. Пинега; сыграло-ли в том роль “привязывание” его имени к не столь глубокой силикатовской обводнёнке,— не знаю. “Тут можно долго философствовать...”

друзьями Ю. Францем и Г. Лютковским² Саша обратился “по объявлению” в “школу официальных спелеологов”, возглавляемую В. Илюхиным – где познакомился и близко сошёлся с замечательным человеком и спелеологом Д. Усиковым (уже тогда бывшим “в чине” официального спелеоинструктора). Однако принципы Илюхина быстро пришли в катахрезу с представлениями Саши и его товарищей о спелеологии — в результате чего его компания покинула ряды “официальных советских спелеологов”, предпочтя организаторской возне и “тренировочным” играм в футбол/волейбол не скованную партийными установками настоящую исследовательскую спелеологию. Причём вместе с ними официальную секцию покинул инструктор Даниэль (Данила) Усиков. < На вопрос о своём статусе, как спелеолога, Данила с гордостью отвечал: «Я – частный спелеолог!» Предпринять такой филологический демарш *в стране торжествующего коллективизма* мог в те годы далеко не каждый, – слово “частник” являлось столь же уничижающе-бренным, как “антисоветчик” и “верующий”. >

В этой “частной” спелеологии, позже названной “теновой”, Саша занимался разработкой и конструированием отсутствовавшего на то время в нашей стране спелеологического снаряжения, – в том числе “русского петромакса”, непромокаемых и удобных для подземной работы комбинезонов (“гидры”, применяемые аквалангистами, к условиям Подземли абсолютно не пригодны), всевозможного верёвочного и тросового ‘железа’, удобных для длительного подземного пребывания ПБЛ. Именно Саша разработал и впервые применил на практике единственно в настоящее время результативную стратегию прохождения и исследования обширных подземных полостей, основанную на “тихой”, “неспешной” спелеологии. То есть – на долговременном пребывании под землёй, – вне суеты и спешки спортивной рекордомании. Что отчасти подпадает под определение спелеонавтика.³ Многие из конструируемого

² С Францем Саша работал в редакционно-издательском отделе ГИАПа; с Георгом Лютковским Сашу свёл “старина велосипед” – вдвоём в начале шестидесятых они предприняли рискованное велопутешествие “в Крым и обратно”. Сейчас подобного рода акции организуются при весомой поддержке средств масс-медиа и всяческих банков; тогда им это не показалось чем-то из ряда вон выходящем. Хотя велосипеды были совсем не те, что сейчас. Как и дороги.

³ Здесь можно усмотреть сходство с пребыванием Мишеля Сифра – с трудами которого Саша был безусловно знаком, – но даже на Западе Сифр никогда не считался спортивным спелеологом; все его подземные пребывания посвящались не исследованию, поиску и первопрохождению Систем – но изучению, в первую очередь, поведения человека под землёй. Есть разница. Потому и слово для обозначения своих занятий Сифр выбрал иное: спелеонавтика. *Морозов соединил методики Сифра и собственно спелеологию в одно целое; не последнюю очередь в этом объединении сыграл, конечно, опыт сашиных “спелеотуристических походов” в подмосковные каменоломни – кайф неспешного общения с Миром Белого Камня, что даровали они,*

Сашей ‘железа’ не имело достойных западных аналогов (те же спелеогидрокостюмы, что и сейчас, спустя 30 лет вызывают восхищение западных спелеологов),— как не имела никаких принципиальных аналогов на Западе избранная им тактика не стремительно-спортивных, а нарочито растянутых, неспешных подземных пребываний.

: Противостояние “тихой”, “частной спелеологии” по-Морозову и илюхинского “дранг-нах-штурма” пещер вылилось в “первую российскую спелеореволюцию”,— точнее, “московский переворот 1979 года.” Саша по праву занял высочайший пост в официальном спелеодвижении,— не его вина, что смена декораций на сцене не привела к смене театрального репертуара. Что мог, он сделал. И сделал столь много...

«С приходом в 80-м году к руководству Центральной комиссией спелеотуризма Александра Игоревича Морозова, измученный междоусобицами в верхнем эшелоне власти, советский кейвинг, наконец, вздохнул вольным воздухом...» [«Экспедиция во Мрак», К. Б. Серафимов.]

: Если бы не он, не его помощь первым моим спелеонавтическим пребываниям, помощь Саше Мишину в организации спелеосекции клуба “Сокольники” — и точно такая же, ни чем не измеримая помощь десяткам и сотням спелеологов по всей стране — говорить о понятии “спелеология” применительно к России можно было бы исключительно в уничижающих интонациях.

При этом Саша одним из первых принёс в нашу страну прогрессивную западную “технику SRT” — Технику Одной Верёвки. И если “практика неспешных погружений” в пещеру, что исповедовал Саша, “просто противоречила” безмозгло передранной с Запада тактике спортивного нахрапа — что 20 лет насаждалась Илюхиным и к^о с упорством истинных идиотов — то попытка пропагандирования “отказа от страховки под землёй” вызвала практически у всех тогдашних “вертикальщиков” состояние, аналогичное шоковому. О том, как немыслимо-трудно оказалось “переучить” казённую спелеологию на технику SRT,— какими преградами обставлялась эта новация и сколько коричневой суспензии пришлось выхлебать её сторонникам, поведал в своей повести «Экспедиция во Мрак» Константин Борисович Серафимов:

«Единственное, что мы могли реально противопоставить официозу в спортивном туризме — это выход из его рядов. Не хотелось. Долго казалось, что как-нибудь сможем и так...»

«... Если бы КСС-ники обладали властью святой инквизиции времён средневековья (а в чём-то они и являлись ею по отношению к “диким” путешественникам!), не избежать “еретику” Морозову пыточной и костра за крамольные речи о пагубности самостраховки и пользе перехода на одинарную верёвку. Додуматься только! Не ожидавшая такой наглости и такого напора КСС так и осталась с открытым ртом, но позже пропела-таки “анафему” морозовским идеям.

Морозов резко начал, может быть даже слишком резко. Он принимал

оказалось невозможным разменять на “чисто спортивные” подвиги.

удар на себя, используя весь сосредоточенный в его руках (а по сути – эфемерный) институт власти в лице Центральной комиссии спелеотуризма, опираясь на огромный авторитет свой и своей группы, завоеванный действительно впечатляющими успехами в исследованиях Снежной и долголетней практически безаварийной работой. И... успеха не добился. Хотя, как посмотреть. Ведь он посеял сомнение...»

: лишь две цитаты. Цитаты, говорящие о многом. Как и то, что *теперь* спелеолог-вертикальщик, пользующий “по старинке” две верёвки, выглядит, по меньшей мере, анахронизмом.

Здесь нужно сказать, что сашины новации не были “абсолютно самостоятельными”, как у иных спелеодеятелей (не столь предлагающих нечто новое своё – сколь охаивающих, исключительно в силу собственной тупости, всё, приходящее с “гнилого запада”) – как и не были, с другой стороны, “подражательством” старшей спелеологической сестрице. Всё, что Морозов привнёс в российскую спелеологию, диктовалось исключительно его персональным пониманием Мира Подземли. Его видением неразрывности и синкретичности жанра.

: Можно сказать, что если советская спелеология и обязана кому **персонально** за все свои свершения и достижения – то это Саше. Причём, в отличие от многих спелеологов, Саша был весьма разносторонне образованным и интеллигентным человеком — чьи профессиональные успехи не менее значимы, чем спелеологические иль спелестологические. Имея два высших образования (химическое и, кажется, литературное), при этом свободно владея *семью европейскими языками* < “остальными – со словарём” >, он работал ведущим переводчиком в издательском отделе ГИАП — одновременно ведя активную прогрессорскую спелеологическую деятельность.

Так как в те годы был лишь единственный дарованный властью выходной день, на работу Саша и Франц приезжали в субботу с заранее собранными рюкзаками: ГИАП находился рядом с Курским вокзалом, — естественно, по окончании субботнего рабочего дня Саша и Франц устремлялись в Силикаты, которые тогда активно исследовали. Любимой шуткой сотрудников отдела было в обеденный перерыв наложить в их рюкзаки побольше *силикатных* кирпичей (в здании шёл хронический ремонт). Когда Саша, уйдя из официальной городской секции, вывесил объявление, что создаёт на базе института свою, любители хохм по телефону тут же записались в неё под всевозможными фамилиями типа “Тупоумова”, “Деревяшкина”, “Известнякова-Каменева” и так далее. Естественно, на заявленное собрание секции никто не пришёл — Франц кипел негодованием; Саша улыбался. Он был очень добрым и всепрощающим человеком. Кстати: первое (так и не состоявшееся) занятие учреждённой им секции по какому-то странному стечению обстоятельств должно было состояться в том же помещении, и в то же время, что плановый “семинар по марксизму-ленинизму”, — подобными семинарами и собраниями совковая власть занимала свободное послерабочее время наших родителей в шестидесятые/семидесятые годы. Так вот: Саша *изгнал* “семинаристов” в другое поме-

шение — поступок, для советской эпохи не более мыслимый, чем декларирование Усиковым “частной спелеологии”.

— Небольшой штрих: за два месяца Саша успевал полностью выполнить по переводам полугодовой план работы издательства; ещё месяц, к примеру, переводить западную спелеологическую литературу (без какой-либо надежды на её официальное издание-публикацию),— оставшееся время посвящалось подготовке и проведению очередной спелеоэкспедиции.

— *Господи, как он только всё успевал!*

Его комнатка в коммуналке была удивительным сочетанием Спелеомузея, профессиональной и художественной библиотеки, токарной, швейной мастерской и химической лаборатории одновременно,— и как-то там ещё умещалась его семья — семья в самом полном, счастливом смысле этого слова...

В годы торжества казённой “спелеологии от Илюхина” при отсутствии “официального спелеологического статуса” Саша совершил *просто огромное* число первопрохождений пещер — и без всякой тяги к рекордомании (спортивные победы Саше всегда претили, важнее было *реальное пребывание под землёй*) установил ряд мировых и союзных подземных рекордов. Часть которых является рекордами до сих пор. При этом он никогда не стремился “приписать себе” лавры первопроходца — более того: всячески поддерживал и продвигал вперёд тех, кто хоть немного помогал ему в организации и проведении спелеоэкспедиций. В силу чего, конечно, очень большое количество людей могут именовать его теперь своим Учителем и старшим товарищем.

Ещё в шестидесятые годы Саша перевёл на русский язык труды Э. А. Мартеля (до сих пор так и не изданные). Его усилиями многие счастливицы стали обладателями *ценнейшего самиздата* — машинописными копиями переводов тогдашней западной спелеолитературы.⁴ За любой “самиздат” в совке полагалась вполне определённая кара. Тотальное право государства на любую информацию свято блюлось соответствующими инстанциями,— а уж коль информация эта вступала в катахрезу с каким-либо мнением любой из официальных структур... Конечно, разницу меж перепечатками Солженицина, Авторханова, Буковского, Галича — и трудов по SRT-технике понимали даже “в органах”. Оттого, например, меня за мои спелеонавтические и спелестологические “демарши” так и не переехали автомобилем. “Каждому — своё”. Просто изрядно попортили крови. Просто не дали заниматься делом жизни на уровне, о котором робко мечталось...

: Как “портили кровь” эти выродки Саше, знают немногие. Он никогда не выносил на всеобщее обсуждение обиды и горести. Просто делал своё дело — как полагал нужным. Не смотря ни на что.

Увидев, что все его инициативы по официальному развитию спелеологии давятся на корню массой серых бездарностей и спелеокарьеристов, фактически обернулся к той самой “теневой спелеологии”, которой занимался до

⁴ Своим знакомством с трудами и идеями М. Сифра я, например, обязан Саше — и более никому. Так же от Саши впервые узнал о “пещерных легендах народов мира” — в частности, о Дзуликкой.

“московского переворота”. Одновременно номинально оставаясь руководителем спелеодвижения всей страны. Типа английской королевы.

: Вот такая ситуация. Которая не могла не разрешиться крайне трагически...

В последние годы жизни Саша активно исследовал глубочайшую пещеру Союза — Снежную. Пещеру своей судьбы. Никого не удивлю следующим утверждением: без его планомерных ежегодных экспедиций известная глубина её, как и длина, были бы существенно меньше. Одновременно он проводил спелеонавтические экспериментальные пребывания (курировал спелестонавтические исследования Саши Мишина и мои в Никитской Системе); летом 1981 года осуществил трёхмесячное изолированное групповое пребывание в пещере Снежной на глубине в 900 м,— во время которого не только проводились активные исследования Системы, но и медико-биологические эксперименты, геофизические измерения и испытания средств связи и техники. *Данное Пребывание до сих пор не имеет аналогов в мировой спелеологической и спелеонавтической практике.*

: Безусловно, Саша был человеком необычайно высокого интеллекта и нравственности; только при его покровительстве оказалось возможным сделать в нашей стране то, что было сделано в области спелеомедицины и спелеонавтики. Многие годы он (фактически один в Московской, а затем и в Центральной спелеокомиссии) защищал спелестологию от провокационных нападок ГБ и “официальных спелеологических деятелей”...

* * *

∴ С каждым написанным, сказанным — пусть даже мысленно — словом фразы мои начинают буксовать всё больше и больше,— завязываясь сами на себя, повторяясь по кругу...

Ибо написать то, что следует сказать далее, крайне тяжело.

Легче повторить сказанное Константином Борисовичем в его замечательном романе о спелеологии “Экспедиция во Мрак”. Хотя бы потому, что “меня” и “моего” в этом *частном некрологе* и без того слишком много.

* * *

Письмо от Резвана пришло... нет, не неожиданно. Я всегда жду володькиных писем. В Адлере перекрёсток дорог, ведущих к пропастям Кавказа. Поэтому новости от Резвана всегда самые свежие.

Есть письма, которые вскрываешь на ходу — от них не ждешь ничего особенного,— интересного, тонкого общения с заочным собеседником. Другие приятно прочитать в соответствующей обстановке, что называется, со вкусом. Так я читаю письма Резвана. Ну, что там на этот раз?

«Костя, привет. Исчез Саши Морозов – последний раз его 7 февраля видел Аркадий Иванов: он шёл через Снежную, а тройка Саши должна была идти через Межённого, но, видимо, до входа они не дошли...»

Постой, постой... Зимой 1985 года Морозов задумал траверс пещер Снежная и Межённого, соединение между которыми на глубине около –500 метров было открыто ленинградскими спелеологами Владимиром и Олегом Демченко.

«...тройка Саши должна была идти через Межённого, но, видимо, до входа они не дошли. "Спасработы" начались 8 марта...»

Глаза автоматически проскакивают строчки, не воспринимая смысла этих нелепых закорючек. Перечитываю ещё раз, третий... Я ничего не понимаю... Ведь уже март. Март! Март!!!

«... "Спасработы" начались 8 марта. Прилетели из Москвы чиновники и наши: Усиков, Майлянц, Иванов – всего, с учётом сочинских спелеологов, человек 30. Усиков и Капрал спустились в Межённого до Райских ворот, где лежали модули для Саши – их никто не трогал, т.е. в пещере ребята не были. Теперь выяснится всё в июне-июле, после снеготаяния. В эту зиму снега выпало до восьми метров, т.е. вдвое больше, чем обычно.»

Я смотрю на письмо и чувствую, как где-то внутри меня рождается звенящая пустота.

«Последний раз группу Морозова видели в 800-х метрах от входа в Межённого. Однако, до входа группа не дошла. Она исчезла на белом плато со странным названием Хуп-Хуцва.»⁵

Что же случилось? Как такое могло случиться? Группа Морозова одна из надежнейших групп Союза...

Это не спасательные работы – это не так должно называться. Ведь уже март, и надежды нет. Нет? Надежда должна оставаться до конца, до самого последнего предела. Даже наперекор разуму.

И они искали. Искали те, кому не надо было объяснять правила Игры – общественники-спасатели, спелеологи Москвы, Адлера, Сочи. Преодолевая чудовищные тормоза бюрократической системы советов по туризму и штатных туристских контрольно-спасательных служб. А ведь такая служба в бывшем СССР существовала. Более 110 спасательных отрядов, свыше 500 штатных спасателей были раскиданы по всей огромной стране. Не много, но и не мало, – если бы эта служба выполняла всё то, к чему была предназначена. Отправляясь в горы, люди верили, надеялись: если что – их спасут, окажут помощь.

Наивные люди! Как мало надо было знать об этой службе, чтобы всерьёз рассчитывать на помощь. Слабо снаряженные, неукomплектованные квалифицированными кадрами, опирающиеся прежде всего на общественников, туристские спасательные службы были ориентированы прежде всего на

⁵ В. Яковлев «Спасать не обязаны...», – "Собеседник" № 43, октябрь 1985 г.

спасение заявленных, зарегистрированных в официальном порядке туристов. "Диких" спасать не обязаны...

Пусть поймут меня те штатные работники ушедших в Лету КСС, кто на свой страх и риск, не дожидаясь писем и телеграмм, гарантирующих финансирование, начинали спасработы, движимые безусловным пониманием правил Игры. Речь не о них. Такие люди были и есть, они боролись с обстоятельствами и делали, что могли. И то, что не могли, тоже делали.

Но были – и есть! – другие.

6 марта в Сочинскую КСС поступил сигнал о несчастии на Бзыби. В район спасатели вылетели только 9-го! Вдумайтесь. Да, прошел месяц, как ребята пропали. Но пока нет доказательств безысходного – есть и надежда. Есть! И нужно использовать любой, даже безумный с точки зрения банальной логики шанс. И только тогда можешь сказать: "Мы сделали все, что могли". Только тогда можешь уважать себя, смотреть в глаза людям прямо.

Их палатка вытаяла поздней весной. По скудным штрихам, скудным подробностям, сохранившимся с тех дней, можно попытаться восстановить последовательность событий. Все получилось до нелепости просто и страшно.

В тот день, 7 февраля 1985 года, на Бзыби было достаточно тепло и на плато пал туман. Здесь, на Хуп-Хулице, расходятся две тропы: влево на Межённого, вправо – к Снежной. Группы Саши и Аркадия Иванова прощались здесь всего на несколько дней: они должны были спуститься в разные входы пещерной системы и через неделю встретиться у колодца Катаклизм в Анфиладе на соединении некогда независимых пещер. Группа Аркадия ушла к Снежной; Морозов с двумя Алексеями – Корневским и Преображенским, молодыми спелеологами из Москвы, продолжал заброску, перетаскивая челночными ходками экспедиционный груз ко входу в Межённого. В последнюю ходку группа Морозова отправилась уже на исходе туманного дня. То ли туман, сумерки и непрекращающийся снегопад, то ли усталость – что-то заставило Морозова сбиться с пути. Пути, который Морозов, казалось, должен был знать с закрытыми глазами. Группа не дошла до своей временной базы буквально несколько десятков шагов и в кромешной тьме решила встать на ночевку. Тем более, что бивачное снаряжение было под рукой.

Пробившись сквозь коварно мягкую кавказскую погоду, группа Иванова благополучно добралась до входа в Снежную и сходу ушла под землю. Как хорошо в пещере после ненастного зимнего Кавказа! Группа продолжала работу и ровно в условленное время подошла к колодцу Катаклизм. Морозова не было. Не было его и на следующий день, и через неделю. Идти навстречу Морозову через Межённого Аркадий Иванов не мог – не было снаряжения, его должна была навесить группа Морозова. Поэтому они решили возвращаться.

На поверхности первым делом кинулись ко входу в Межённого. И когда увидели, что группа Морозова в пещере так и не была, поняли: случилось непоправимое.

Но шанс был! Ведь никто не видел ребят мёртвыми. Значит, они могут быть живыми. Они должны быть живы! Ведь это Морозов.

И Аркадий ринулся за помощью. Позвонил в Москву, в КСС...

... Они поставили палатку на чуть покато́м склоне где-то на подъёме – пути дальше не было видно, всё вокруг застилала туман, снег и темень. С комфортом расположились на ночлег, забравшись в спальные мешки, чтобы завтра поутру сориентироваться и продолжить работу.

Ночью на палатку Морозова сошел оползень. Небольшая снежная доска съехала по невероятно пологому снежному склону. Лавина на таком склоне – абсурд. Но она сошла. Они были похоронены в снегу и не смогли выбраться.

Их искали. Не единожды поднимались в горы поисковые команды, но отступали ни с чем. Попробуй, пробурав лавинными зондами такое плато! Как потом выяснилось – проходили совсем рядом. Будь у морозовской группы элементарный радиомаяк, нашли бы сразу. Но... Ни радиомаяков, ни радиостанций у нас, спелеологов, не было и нет до сих пор. Нет их и у многочисленных туристов, ежегодно платящих страшную дань лавинам в горных районах бывшего СССР. Почему? Не положено. У альпинистов есть, а туристам – не положено. Тем более, спелеологам.

Незаметно летят дни, с каждым годом все быстрее. Всё больше лет отделяет нас от того страшного дня. В народе говорят: “Кто старое помянет – тому глаз вон!” Мы хорошо помним первую половину этой пословицы. Но вспомним и вторую: “А кто забудет – тому два!”

Я бережно храню пожелтевшие листы октябрьского, 85-го года, “Собеседника”, – строчки, которые не укладываются в сознании. Сколько бы лет ни прошло...

«К пещере спасатели вылетели только девятого. В горах провели всего трое суток, непосредственно поисками занимались всего 8 часов. Прибывшие представители Центрального совета поиски прекратили – лавинная опасность. Несколько дней друзья Морозова в Москве добивались разрешения снова начать спасработы. Добились. Прилетели в Сочи. Оказалось, что решение сюда ещё не дошло! Начальник контрольно-спасательного отряда выдать продовольствие отказался. И ещё три дня продолжалась морока. (Подумайте, Читатель! Три дня бюрократической мороки, когда в горах гибнет ваш сын или муж!) Когда же в горы их всё-таки пустили, то первые двое суток спасатели находились в лавиноопасной зоне без связи, без рации. Рацию Сочинский КСО не выдал по той причине, что Центральный совет, тот самый, работники которого признали район лавиноопасным, не позаботился дать соответствующих указаний.»

Годом позже описываемых событий я присутствовал на семинаре руководителей походов со школьниками в Подмоскoвье. И вот к нам на турбазу “Зеленый бор” приезжает ответственный за безопасность проведения туристских путешествий Центрального совета по туризму и экскурсиям Юрий Худоклинов. Я сижу на лекции по безопасности проведения походов со

школьниками и, мертвея, слушаю Худоклинова. А тот с чиновничьим апломбом посмеивается из-за кафедры, бросая в учительскую аудиторию впечатления от тех спасательных работ на Бзыби. "Представляете, эти спелеологи, они придумали искать в лавине в аквалангах! Мы им говорим – вы ещё ласты бы надели!" И разводит руками, апеллируя к доверчивым слушателям – вот де, какие неучи-профаны ходят по нашим горам! Вот де, кого приходится спасать. А ещё, мол, права качают, возмущаются чего-то!

А я с трудом сдерживал себя, чтобы не устроить скандал, не швырнуть в эту чиновничью физиономию что-нибудь, потяжелее слов... Эх, Юра, Юра, ведь говорят, ты тоже ходил в горы, – как же ты можешь?...

Сдержался, не устроил, смолчал, и несу этот стыд по сей день. Осторожность, вежливость, тактичность и воспитанность – не пахнут ли они, порой, трусостью?

Да, наверно, не все "профаны-спелеологи" верно представляли, как вести поиски в лавине. Кстати, утвержденными ЦС программами спелеотуристской подготовки лекции на эту тему даже не предусмотрены. Нет в них и многого другого, что входит в подготовку туристов других видов путешествий. Что ж с того? Парни шли, рвались в горы на помощь. Потому что так понимали правила Игры. Потому что хотели верить: если когда-нибудь случится и с ними, другие также не станут сидеть по тёплым углам.

А вы, увенчанные креслами и портфелями, иные и сами из нашей среды – чиновники от туризма – что делали вы, "худоклиновы"? И что бы вы сделали, если бы вас не заставляли шевелиться **мы** – вот эти "неучи", для служения которым и созданы ваши портфели и кресла? Потому мы вам так ненавистны, что беспокоим, отвлекаем от личных дел, заставляем принимать решения и брать ответственность, то есть честно отрабатывать свою зарплату.

Мы с вами никогда не поймем друг друга, потому что у нас разные правила Игры. Да и игры разные.

И мы никогда не добьёмся правды, если не сломаем эту страшную машину "ничего-не-делания" на государственную зарплату. Увы.

Трагедия на плато Хун-Хулцва взволновала многих. На работе подходили сослуживцы:

- Там опять про ваших в газете писали. Погиб кто-то. Вы их знали?
- Да, да, знал...
- Как же это возможно: пропали в феврале, а поиски – через месяц?
- Возможно. У нас всё возможно...
- Безобразие!
- А каково родителям?
- Вы, как камикадзе какие-то...

Когда улетал в очередную экспедицию на Кавказ, беспокоились, любопытствовали:

- Туда, где эти ребята?... Поосторожнее там!
- Нет, мы не туда, у нас все просто... Да и снега сейчас нет.
- А если что? Спасатели там есть?

– Ну, разве об этом говорят! Есть, всё там есть. Мы сами себе – спасатели...

Мы – сами себе спасатели. В этом суть всей нашей жизни. И не только в горах.

Мы во Враце, смотрим видеофильмы французских спасателей. И приходится опираться подбородком на кулак, чтобы не отвисала челюсть. А сердце болит, ноет от бессильной белой зависти. Они молодцы, эти французские парни, они такие же, как мы, просто им повезло жить в другой стране – их государство оказалось более внимательным к своим гражданам. Да разве только французы понимают, как должна быть организована служба спасения?

Враца. Международная школа по спасению в пещерах. Один за другим выступают лекторы из разных стран. Обсуждаются какие-то "странные" проблемы. Например, вопросы международного урегулирования спасательных акций на территориях других и третьих стран. Я чувствую себя плохо. Мне стыдно за свою страну. Пока ещё стыдно. Потому что, наверно, пока ещё я люблю что-то в ней.

Пройдёт несколько лет, и я пойму, что больше не могу любить страну, в которой живу. Я люблю эти горы, леса и пещеры, я люблю своих родных и друзей. Но я больше не верю государству, которое всю мою жизнь не считало меня Человеком, которое обирало и обирает меня, обманывает и эксплуатирует, при этом совершенно не нуждаясь в моих способностях, моём опыте и умениях. Что ему с того, что я могу организовать работу спасательной службы целого региона, что умею спасти человека из самых разных ситуаций, что... Что говорить? Мои умения нужны отдельным людям, попавшим в беду, но никак не паразитической надстройке, присвоившей право решать от имени этих отдельных людей, имя которой – Государство: неважно как его называть – СССР, Россия, Казахстан или по другому. Отличительная его черта – этого ненавистного мне государства – безразличие к своим гражданам.

Я не верю ему и не люблю его. И это мое несчастье.

Мир уже давно идёт по пути консолидации, тем более в вопросах спасения. В феврале 80-го года бельгийская экспедиция приходит на помощь полякам, терпящим бедствие в мексиканской пропасти Сотано дель Агустин. Это можно сравнить с помощью нашей казахстанской команде со стороны узбекских спелеологов на Киевской. Но спелеологи Соединенных Штатов постоянно осуществляют спасательные акции в мексиканских пропастях, год от года становящихся все сложнее и глубже.

В Европе первенство в международных спасательных работах безусловно принадлежит французам. В их послужном списке сложнейшие спасательные акции. И не только в пограничной Испании. Всемирно известны поисково-спасательные работы в Польше, когда в сифоне одной из пещер исчез югославский легководолаз. Попытки отыскать товарища со стороны поляков и югославов закончились неудачей. И тогда были приглашены французы. Пото-

му что, пока нет однозначного ответа – погиб, остается сумасшедшая надежда. Как отказаться от спасательных работ, если ничего ещё достоверно не известно? А вдруг потом выяснится, что все это время твой товарищ жил, по невероятной счастливой случайности вопреки всем правилам оказавшись в каком-нибудь воздушном пузыре за сифоном, в снежной пещерке с достатком воздуха и продуктов, в другой непредсказуемой ситуации – и он жил, ждал тебя, так верил в правила Игры! И... не дождался. Не потому, что ты шел, рвался, но не смог. А потому что отступил, не испробовав всё до последнего шанса.

Другую впечатляющую спасательную операцию французские спасатели осуществили в Марокко. В одной из марокканских пещер оказались заблокированы внезапным паводком девять спелеологов. Погода всё ухудшалась, и мутные паводковые воды превратили низкий коридор пещеры в длинный сифон.

На зов помощи откликнулась Французская Федерация Спелеологии. (А мы? Кто бы разрешил нам лететь на помощь в Марокко? Если даже в Армению в страшном декабре 88-го мы вылетали трое суток, и прорвались на свой страх и риск только благодаря родственной протекции... Да и кто бы к нам обратился?)

Французы не мешкали ни секунды. Шестнадцать оснащенных современным снаряжением и оборудованием спасателей блестяще справились с задачей. На каждого спасаемого надевали акваланг, объясняли, как им пользоваться, и сопровождали через сифон к выходу. По ходу дела французы успевали снимать видеофильм, который мне посчастливилось увидеть во Враце, в Болгарии, под аккомпанемент грустных мыслей.

Я смотрю на экран телевизора. А это что? На экране странный прибор, напоминающий торпеду. Нет слов! Это миниатюрная подводная лодка для транспортировки тяжело пострадавшего через сифоны. Человек лежит в специальном металлическом цилиндре, куда подается воздух под атмосферным давлением, есть телефонная связь с внешним миром, обеспечена полная неподвижность поврежденных мест и возможный комфорт. На экране я вижу этот снаряд в действии.

На что рассчитывают наши советские подводники, штурмуя подводные тоннели в глубочайших пещерах Евразии?

Ответ прост. Каждый знает: рассчитывать надо только на себя и своих товарищей. Мы – сами себе спасатели. Таково, увы, главное правило игры в "советский" кейвинг. И можно ли надеяться, что пройдет время, и мы сможем войти на равных в международное сообщество? Чтобы помочь другим. Чтобы верить в помощь коллег. Чтобы уважать себя, в конце концов.

Кейвинг – занятие оптимистов. С угнетенной психикой под землей не место.

На Бзыби, над плато со странным названием Хун-Хуцва, высится скромный памятник: два сложенных из дикого камня столба с металлической перекладиной. На перекладине висят над землей три серебристые пластины.

Каждый год сюда приходят спелеологи. Кем-то из них повешен между пластинами пещерный "куриный бог" – кусок известняка с проточенным водой отверстием. Ветер качает камень, задевает металл. И плывет над плато, над всей Бзыбью удивительно чистый звук. Светлый, как память о друзьях.

*Так случилось, дружище, с судьбою не спорь,
Мы живём – значит, нам повезло.
Над Кавказом звенит наша память и боль
Всем смертям и лавинам назло.*

*Ты прости, что молчу я, струну теребя,
Трудно справиться что-то с собой.
Просто кто-то лавину сорвал на себя,
Ту, что нас ожидала с тобой.*

*Нет, не правда, что смерть только лучших берёт –
Что в том смыслит грохочущий снег?
Кто никчемно прожил – незаметно уйдёт,
А друзей не хватает втройне.*

*Что с тобою? Ты плачешь?
Нет, это не плач:
Майским снегом Бзыбь слепит глаза...
Я прошу, если худо, ты слезы не прячь
И не верь, хоть не верить нельзя.*

*Снег растает, сбежит, как морщинки с лица,
Не для нас протрубили отбой.
Та пещера, что ты не прошел до конца,
Где-то нас ожидает с тобой.*

*Так случилось, дружище, с судьбою не спорь.
Мы живём – значит, нам повезло.
Над Кавказом звенит наша Память и Боль
Всем смертям и лавинам назло!⁶*

* * *

— К чему мы стремимся? Вечное познание бессмысленно, если не находить наслаждение в самом его процессе. Всё обесценивается и в том случае, если узнать, что выше достигнутого – нет уже

⁶ К. Б. Серафимов «Памяти Саши Морозова», Яремча, 1985г.

ничего.

: Достижение конечного также печально, как осознание невозможности достичь бесконечного. Грустно взойти на высочайшую вершину мира; убедиться, что пещера пройдена *до конца* — *Продолжение невозможно*.

* * *

В некотором смысле, смерть Саши *эзотерически знакова*: Снежная окончилась; триумфальное соединение с Межёнова пройдено в его последней завершённой экспедиции.

За прошедшие со смерти Саши 20 лет нижнего продолжения пещеры найдено не было. Лишь пройдено соединение верхней части Снежной с расположенной выше пещерой Иллюзия — в результате чего глубина общей Системы Межёнова-Иллюзия-Снежная “выросла” до 1753 метров.

: Подземля забрала Сашу не внутри — рядом со входом. Смертью его не связав себя в плане очевидном — но в эзотерическом вдвойне: снежная лавина, пещера Снежная...

* * *

... *Крайне неприятный итришок*: до сих пор апологеты официальной спелеологии, как бы ни враждовали меж собой (например, профессора Дублянский и Гвоздецкий) дружно обходят в своих книгах имя Саши молчанием.

Ибо по-прежнему обитают в маразматической виртуальной системе, где реальные заслуги человека и его нравственность — не в счёт; в счёт лишь — его лояльность или нелояльность данной системе.

Заметить на это можно лишь, что спелеология изучает системы иные.

* * *

Уже после написания данных строк мне передали текст замечательной статьи Андрея Пильского о Саше Морозове:

Андрей Пильский "Каким был Саша Морозов"
(<http://www.pereplet.ru/zap/morozov.html>)

А вот статья, опубликованная в альманахе "Ветер странствий", №20. Наверно — единственная прижизненная публикация Саши...

Александр Морозов "Состязание за глубину"
(<http://www.pereplet.ru/zap/statjamorozova.html>)

— «Вот и всё, и добавить мне нечего».

КАУНАС

“Когда над остроглавою Литвой...”
: Стриж

“Шагальный слёт” 1986 года никитяне вновь объявили “большим”. Междугородным и международным. Ибо кроме чехов, Никиты наши стали посещать польские и немецкие спелеологи – волею судеб оказавшиеся в России. И хотя Система была закрыта *для проходящих со стороны* –

– десятилетняя дата обязывала. И конечно, наше неистребимое ‘внутреннее шило’, – та “фига власти”, которую прятать в кармане никто из никитян больше не собирался.

Как обычно, к слёту были изготовлены эмблемы – с 1981 года мы каждый раз печатали их по технологии, разработанной Мишей Сусаниным. Как обычно, печатали не заранее – а в ночь перед выездом. Одновременно с новыми творимыми газетами и подготовкой-настройкой аппаратуры. Которой было “более, чем достаточно” – ибо мы решили не только сделать подзвучку и подсветку выступающих слайдерными прожекторами, но и показать новый слайд-фильм, снятый в Старице. (Под слайд-фильмом я подразумеваю не банальный показ фотокартинок, а именно фильм с соответствующей звуковой музыкально-комментирующей дорожкой.)

— И как в 1982 году, в Девятке была организована “спелеоблинная” с должным звуковым оформлением – наши сборные музыкальные программы из рока, джаза, самодеятельно-авторской песни и классики. Столь прекрасно звучащие под землёй.

Гостей было около 150 человек; помимо никитян присутствовали представители всех остальных подмосковных каменоломен – ибо за прошедшие годы наш слёт Памяти Виктора Шагала стал общим подмосковным спелестологическим слётом Памяти Всех Погибших Под Землёй. Да и “эмигрировавшие” в Кисели и Силикаты никитяне не могли не пригласить своих новых друзей и товарищей.

Были также наши друзья из Ташкента, Самары, Киева, Питера, Твери, Новосибирска, Саратова, Челябинска и Томска. Спелеологи и Авторы. И достаточно народу из подмосковных Балашихи, Зеленограда, Жуковского и Фрязино. И конечно, из близкого Домодедово.

В сумме с Никитским Кругом получалось – под 250 человек. Точно никто не считал, ибо никому не приходило в голову заниматься подобными самопрославляющими подсчётами.

Напечатанных накануне 150 эмблем не хватило — для самих себя и наших близких друзей пришлось потом допечатывать “второй тираж”: ещё в сотню экземпляров.

Если не ошибаюсь, на этом “шагале” впервые возник разговор о Каунасе.

По крайней мере, меня познакомили с Костюковым именно на нём – и тогда он предложил мне всерьёз обсудить с ребятами возможность организации некой *полуофициальной экспедиции* в Каунасские затопленные форты. Якобы – для поисков знаменитой “янтарной комнаты”.

Через поиски “библиотеки Ивана Грозного” и раскопки вороновских подземных ходов под руководством Прокофьева прошли многие спелестологи.

Видимо, новой напасти необжѣгшимся было не избежать.

: Спорить было бесполезно. Как и говорить, что “полуофициальных” мероприятий в нашей стране не бывает –

: Коль в Зеленограде существовал якобы “полуофициальный” молодѣжный клуб “Полином” [сиречь, “Многочлен”] — значит, это было нужно властям. Чужим энтузиазмом и горением ставящим в отчётах комсомольские галочки о проделанной с молодѣжью работе. А заодно собирающим-коллекционирующим “недовольных режимом”, – пусть и в “чисто творческом” отношении.

: Коль в начале семидесятых была предоставлена московским фореиторам КСП возможность “полулегальной” организации слѣтов – за этим последовали регламентация и полная подконтрольность оных, зависимость от предоставляемых аппаратуры, автобусов, – а заодно “освобождение” от ‘диссидентского жанрового балласта’.

Точно так же было с “официально организованной” спелеологией. Ибо кто оплачивает музыку – тот подбирает репертуар. И отвечающих программе лабухов.

Мне было очевидно: раз такая экспедиция организуется – самое малое, кому-то нужно нашими руками потаскать каштанов из прибалтийской печи.

Но в Никитском Кругу никто никому не мог запретить заниматься тем, чем хочется. Как и навязывать своего мнения. Попытки таких навязываний со своей стороны мне лично не хочется вспоминать, – не смотря на то, что по сути я оказывался прав.

: *Нет учителей — есть ученики. И если кому-то суждено пройти этой дорогой — пусть марширует. Главное, не в пропасть.*

Сам я принять участие в запланированной экспедиции не мог, “даже если б захотел” – меня ожидала поездка в Антарктиду, – одновременно рушилась моя первая семья — и мне было не до отговариваний ребят.

Гриша Чѣрт попросил у меня акваланг, коль я ехать с ними не собирался – к тому времени я занялся спелеодайвингом, – на счету было несколько погружений...

: Продав Чѣрту свою “Украину-2”. Редуктор акваланга был защищён специальной решѣткой; ремни перешиты так, чтобы баллон носить на животе, а не на спине: водная Подземля диктует свои законы и правила. Компрессора и воздушного фильтра у меня не было; подсказал, где достать.

Состав экспедиции был довольно сильным – Костюков увлѣк своей идеей

самых серьёзных ребят из Никит и Силикат. Собственно, только из двух этих Систем и можно было отбирать участников такой экспедиции. Ни клубные вертикальщики, ни любители володарского и киселёвского спелеоотдыха не отвечали необходимым требованиям.

Силикатчики привыкли действовать в любой, даже самой загазованной обстановке. И прекрасно разбирались в химии ОВ. Наши были мастерами по разбору завалов и прохождению самых узких шкурников.

: Замечательный состав.

— Два лета экспедиция Костюкова при патронаже ГБ работала в каунаских фортах, заполненных как водой и нечистотами, так весьма неприятной химией и взрывчатыми веществами со времён войны. Жили в палаточном лагере у небольшого пруда; в местечке, по-своему даже красивом.

— ИЗ ПИСЕМ СЕРЁЖИ ЛЕЩИНЫ:

... Мы живём у пруда, где поют лягушки, — отыскав себе стоящую игрушку, ведь вольно свернуть шею за некий Принцип: приколовшись стать то-ль сказочным принцем, то-ль совковым рэмбо в пятнистой шкуре — что кому по вкусу. И всё, в натуре.

... Наш бугор явно псих: одержим Приказом (уверяет — “идеей”, но видно сразу: он не откровенен), — да нам наплевать на это: не ждём иного ответа.

... Здесь Пространство открыто Воображеньем, для чего потребно сиё суждение: то-ли поиски Чаши Святого Грааля, то-ли мы опять не туда попали. Впрочем, в городе недурное пиво: раз в неделю можно пожить красиво (если позволять себе это чаще, очень просто погибнуть в чаще: одиночный рейд по здешнему краю — дело гиблое, как нам обещали).

... Более половины — с белым билетом (остальные просто с приветом). Но народ надёжный, где-то даже чересчур одержимый — а потому здесь есть Начальник Режима. Впрочем, это лирика. А на деле — надоели до смерти колыбели; захотелось то-ли Воздуха, то-ли Тайны, — и себя, как видно, плохо искали.

...: Вроде всё путём — но скажите, братцы, отчего так хочется разобратся: что свело нас вместе на этой Базе и какой обязаны мы заразе —

: я, хоть и не чувствую себя лишним — всё же здесь чужой. Может, даже слишком. Из костра взлетают и гаснут искры, с неба звёздочка падает быстро-быстро, — не надеюсь на скорое понимание, но хочу успеть загадать Желанье...

: Янтарной комнаты не нашли.

Тем не менее, на третий год экспедиция возобновилась.

Хотя никитяне от участия в ней отказались — заподозрив, что их дурачат и водят за нос.

И многие были весьма недовольны военно-казарменным режимом, что железной рукой наводил Костюков.

Сказка о романтических поисках клада выдохлась.

Склизкий Змей и остальные никитские выразили Грише Чёрту презрение — за то, что он, якобы, лизал жопу Костюкову. Гриша, как зампотех руководителя экспедиции, отвечал за их жизни и за работоспособность экспедиционного снаряжения. В условиях каунасской экспедиции романтическая анархия и привычная многим вольница были абсолютно неуместны — жаль, что кое-кто этого не понял.

Серёжа Лещина и Дима Сергиенко с Сашей Шерифом в эту последнюю каунасскую экспедицию всё же поехали. И в этой экспедиции погиб Дима Каштанов — Похмел.

: Он был найден утонувшим в пруду. Точнее, утопленным. До причин смерти никто доискиваться не стал. Экспедиция была свёрнута.⁷

*Над палаточным лагерем
 пьяный закат
 Расплескался в полнеба — гляди да гляди
 Мы сидим у огня
 курим горький табак
 Погоди ещё, не уходи.
 Ах, оранжевый шар
 дорогое тепло
 Мы всё ближе к нему:
 что-то слишком темно,
 Что-то слишком угрюмо
 сгорает закат —
 Слишком низко висят облака.
 Нас не так уж и много
 собравшихся тут
 У разжавшего ночь золотого огня
 Мы всё ближе и ближе
 становимся вдруг
 Этот вечер у нас не отнять.
 ... Догорает огонь
 и чуть-чуть в стороне
 Бесплезные, севшие спят фонари
 Ты ещё по последней
 мне дай закурить*

⁷ На следующий год Костюков, тем не менее, предпринял ещё одну попытку штурма каунассских потерн — и в этой экспедиции погибла девочка-аквалангистка. При столь же загадочных и ещё более необъяснимых обстоятельствах — достаточно сказать, что утонула она в потерне, которая лишь до половины была затоплена водой; партнёр, сопровождавший её в связке, сошёл с ума. Вообще со всей Каунассской экспедицией было связано столько трагических загадок, что впору писать отдельное повествование. Но — не мне.

Нашей грустной работе приходит конец.

По возвращении в Москву мы с Серёжей и Димой встретились у меня дома на Новослободской. Невесёлые подробности были поведаны в полном эмоциональном объёме — но повторять их не хочется. Хотя бы оттого, что сам там не был.

Обращайтесь к Юре Дёмину или Саше-Шерифу — через интернет сделать это не сложно.

Если сочтут нужным, дополнят мой краткий рассказ.

А я завершу его ещё одной цитатой из Серёжи:

— Ну что ж, мой маленький брат,
*Осталось у нас с тобою:
 Кружащаяся листва,
 Да тёплый асфальт вдали.
 А если взглянуть назад —
 За дымкою голубою
 Прощальный салют дают
 Бумажные корабли.*

*Когда ощутит нога шершавую плоскость улиц,
 Прижмёшься немой щекой к прохладному кирпичу
 И глядя на облака, подумаешь: мы вернулись —
 А что уж потом, прости: загадывать не хочу.*

— И можно долго курить
 в объятьях седых скамеек
Не веря больным словам
 про долг
 не поймёшь
 пред кем
Глотать углекислый газ
 с сиропом за шесть копеек
И видеть, как август льёт
 слезу
 по своей
 листве.

*: Так что ж, мой маленький брат,
 Осталось у нас с тобою —
 Кружащаяся листва, пожалуй, милей всего...
 А если взглянуть назад...
 Но, впрочем, ты прав: не стоит.*

Ведь всё это в нас, а сверх —

НЕ НАДОБНО НИЧЕГО.

ЭМИГРАЦИЯ

“Встречайте нас цветами и овациями!..”

: Старинная Спелестологическая Песня

Осенью 1986 года в ГРМЦ⁸, где я тогда работал, пришла ритуальная параша из КГБ. В которой начальству не вменялось в обязанность создавать мне нормальные условия для работы,— а вменялось нечто обратное. В принципе, такое письмо сопровождало меня на каждой моей работе; кажется, у гэбэшников подобное издевательство над теми, кто был как-либо уличён в диссидентской деятельности, именуется “превентивной работой”. Врагов, видимо, не хватало — настоящих, люто-озлобленных — вот и трудились над созданием. Как могли. Тоскуя о сталинских временах, когда меня, наверное, можно было просто взять среди ночи из тёплой постельки — и через недельку-другую мудоханья шлёпнуть в подвале. А теперь приходится тратить силы, растить/провоцировать... < Помните пример из книги В. Буковского “И возвращается ветер” — о медведе и колоде на дереве? Так вот: конечно, мишка определяет свои взаимоотношения с долбающей его колодой всем своим характером и IQ,— раздражаясь от того, что оттолкнутой лапой, колода каждый раз возвращается и шандарахает его по голове всё сильнее и сильнее,— пример очень точный. Да только за кадром остаётся хитроумный мужичок, что вешает колоду *исключительно для обозления ни в чём не повинного мишки*. Какая сила, какой интерес заставляют мужичка громоздиться на дерево, тащить за собой тяжело-ватую деревянную чушку — и подвешивать её так, чтоб мишка не избежал столкновения с ней своим, не очень развитым, кумполом? “Вопрос, конечно, риторический”. >

— Однако на каждого охотника до издевательств над природой найдётся и соответствующий её защитник.

: Начальником у меня был воистину замечательный человек — о нём я мог бы рассказывать сутками, как и об его антарктических “полярках” (немало этих рассказов я поведал своим друзьям на наших совместных пребываниях и посиделках у кострового тепла),— звали его Витольд. Уникальный случай: официально не имея высшего образования, он, тем не менее, считался ведущим специалистом отдела, причём занимал руководящую инженерную должность. Были ситуации, в которых бюрократия совка пасовала: уволить Витольда =

⁸ Главный Радио-Метеорологический Центр; находился в Москве на Красной Пресне. Всего в мире было три таких Центра (второй в Сиднее, третий в Нью-Йорке),— так что наш являлся частью международной организации. Конечно, лицам с моей биографией работать в столь примечательных конторах не позволялось < как я туда устроился в обход всех заслонов, не скажу ещё несколько лет >,— терпение отслеживающих мою частную жизнь кураторов из КГБ переполнило моё заявление о поездке в Антарктиду: что приравнивалось в совке к посещению заграницы.

развалить работу головного отдела ГРМЦ.

После получения “подмётного письма” Витольд вызвал меня на перекур и честно поведал о нём. «Ты ведь понимаешь, что это значит, Сергей. Наверняка это не первое такое письмо в твоей жизни. Так что мой тебе совет: ищи достойное место работы. Два месяца я ещё смогу тебя прикрывать – но не больше. Тем более, что отделу кинули кость “свободно определяемой зарплаты”... В свете полученного письма тебя не просто сожрут.»

: Издыхающий совок из всех сил изобретал способы, как поднять производительность труда – и не платить за это. Одним из таких экспериментов был следующий: решите сами, соберясь трудовым коллективом, кто у вас более ценный член, а кто менее; увольте наименее ценных – а их зарплату поделите пропорционально важности оставшихся. Что говорить: мера, безусловно способствующая выработке наиболее прекрасных моральных качеств трудящихся...

Чуть позже эта экономическая идея в несколько модифицированном варианте со сдачей “профэкзаменов” догонит меня на следующем месте работы – из принципа сдам экзамен на соответствие инженерной должности (будучи по жизни техником) – и уйду работать охранником. От производственных совковых раскладов подальше.

— Ладно. Замечательный каэспэшный звукооператор Слава Подгорный давно звал меня к себе в театр “работать по призванию” («Ты ведь настоящий звуковик, Сергей, – какого чёрта размениваешь талант на всякую херню?»), – позвонил Славе. И в декабре уже работал по своей истинной внутренней специальности — выйдя на работу даже ранее, чем планировал сам.

: Пришлось. Обязали. Был нужен. Конечно, не ведущим звукооператором, – никогда на это не претендовал, как не прельщало меня обслуживать чужие режиссёрские капризы — должность техника, простого “форейтора театрального звука” вполне устраивала. Как и доступ к современной звуковой аппаратуре.

... Впрочем, что до современности совкового театрального “железа” –

: когда увидел замечательный трёхчасовой фильм “Вместе с Битлз”, не мог не всплакнуть, – Тони Шеридан в интервью, показывая рукой на музейный звуковой пульт “Сименс”, обмолвился: «Вот на таком, уже тогда устаревшем оборудовании, нам приходилось сводить свои первые записи...»

: М-да. На этом самом пульте, стоящем у нас в театре, я отработал два года. Стойка же внутритеатральной связи и ретрансляции была списана “за ветхостью” из КДС⁹ – соответственно, по году разработки не уступала битловскому “Сименсу”.

Однако, виртуальная связь с Ленноном и Маккартни “не просто грела”.

* * *

⁹ Кремлёвский дворец съездов “говной нашей партии”.

Толик Камышов [Кэм-Старший, или Кэм_С, как он писался в привходовых Журналах наших пещер] был одним из “младших” Подольских Троглодитов. После закрытия в 1974 году Съян он перебрался в расположенные поблизости Кисели (периодически, тем не менее, в компании старших Троглодитов навещающая-исследуя Старицкие пещеры); через два года, как и добрая часть нашего поколения, был забран в армию. Где в соответствии со своими физическими данными был определён в ДШБ. Немногие знают, что это такое – и слава Богу. Мне на этих ребят довелось посмотреть во время своей командировки в Анголу; впечатлений хватило. Как, впрочем, и от всей “ангольской поездки”.

По возвращении “из десантных ботинок” влекомый армейской (и оторчески-съяновской) крутостью Кэм осел в Киселях, сплотив вокруг себя компанию столь же мощных и крутых “спелеодембелей”: Шуру Балаганова, Бауманца, Камаза – и местных ребят, что ещё до закрытия Съян “заразились” от пришлых москвичей страстью к подземному миру. Это были Лера, Белый и живущий прямо над Съянами Миша Плахов – самый старший из этой компании, начинавший освоение Съянов ещё в шестидесятых годах. С ночёвки на соломенных подстилках под телогреечкой. Когда из своих “сапогов” вернулся Виктор – младший брат Кэма – он естественно влился в эту компанию.

: Ясное дело, половина всех киселёвских бесед так или иначе касалась “виртуально находящихся рядом” Съян, – но сама мысль об их повторном вскрытии казалась столь невероятно-фантастической, что далее мемуаров дело ни шло. Венчающихся более, чем туманными слухами о том, что некие “старые” компании потихоньку продолжают посещение Съян через сверхсекретные входы... [“Ну-ну...”]

В начале восьмидесятых Кэм посетил “с инспекционным визитом” Никиты – часть ребят из Никитского Круга одновременно хаживала и в Кисели, – естественно, Кэму стало интересно, “как это мы так славно развернулись в столь никудышной < по его первоначальным впечатлениям > Системе”. Не знаю, что сыграло свою роль, – к диссидентству у Кэма отношение было резко отрицательное (вовсе не потому, что был сторонником совковой власти – но потому, что полагал недостойным “пачкать” Мир Подземли какой-либо рефлексией на “поганный совок”) – тем не менее, мы с Кэмом сразу, с первых минут знакомства у Никитского Родника, почувствовали влечение друг к другу. Ту связь, что может объединить две совершенно равноправных и не зависящих друг от друга Личности.

: Возможно, помимо того, что наши спелеоинтересы совпадали, но не пересекались – а следовательно, никак не противостояли друг другу – свою роль сыграло сходство армейских биографий. И увлечение Кэма битлами. Узнав, что я располагаю полной коллекцией битловских записей, Кэм приехал ко мне — и сутки подряд два моих магнитофона работали на пополнение его фонотеки. Желудки и печень – на привезённый Кэмом очевидный магарыч того времени.

: дело происходило под Новый год, встречать который “без Битлз” Кэму

казалось немыслимым.

Прошёл год – и перед следующим Новым годом Кэм осчастливил меня телефонным звонком:

– Помнишь, Ком, я у тебя переписывал Битлз? Эти записи у тебя ещё остались?

– А куда они из моей фонотеки денутся???

– Здорово. А то, понимаешь, я свои за год как-то проебал... Так я завтра снова приеду к тебе, можно?

– Приезжай. Но не забудь и про закуску.

: Толик приехал. И про катушки с магнитофонной лентой не забыл.

К моему удивлению, история эта в точности повторилась на следующий год. А потому, когда на четвёртый год нашего знакомства он вновь позвонил перед Новым годом, я не удивился. Как уже ожидал его аналогичные звонки в канун каждого католического Рождества все следующие годы –

И ни разу не ошибся.

: Спасибо Битлз и разгильдяйскому характеру Кэма. А также моему увлечению Звуком – без дурацкого его разделения на “каэспэ” и “рок”, джаз и классику...

* * *

: Может показаться, что изложенное выше не имеет отношения к ведомому мной спелеосюжету. Но всё связано в нашем мире, и во многом предопределено – если ты следуешь Мэйнстриму своей жизни, а не пытаешься грести против его течения с упорством истинного козлорога. Как и не погружаешься, сложив на груди ручки, в тянущую на дно пучину имени Садко. Читайте Михаила Леонидовича Анчарова: у него прекрасно обозначена разница меж теми, кто поддается энтропийному влечению, теми, кто твердолобо бунтует/шурует против — и теми, кто улавливает во всём этом внешне невидимый Стрежень Потока Жизни.

: Его Мэйнстрим,—

* * *

В мае 1988 года в театр пришла здоровенная фура из ФРГ, “под завязку” нафаршированная заказанной там во время гастролей звуковой и световой аппаратурой.

: Сколько стоит час простоя такой фуры, можно себе представить. Сколько денег на это выделил нищий совдеповский минкульт – тем более. Ноль в принципе больше. Неустойку, как было объявлено, вычтут из нашей зарплаты.

Вся “чёрная кость” театра понимала, что начальство не шутит. Однако, нужно не просто выгрузить на асфальт десятка четыре ящиков — распаковать, распределить по службам,— убедиться в комплектности, испытать в работе,— чтоб отослать брак на той же немецкой фуре в адрес фирмы-изготовителя,— после чего подписать вожделенный Акт о Приёмке,—

И выдохнуть.

Главный инженер театра был в отпуске¹⁰; соответственно, сдвинулась цепочка “замещающих” и “и.о.” — а потому по принципу домино многим из нас приходилось на свой страх и риск выполнять работу начальства. Не отвлекаясь при этом и от своей основной работы — ибо театральный сезон ещё не кончился.

В том числе и мне.

И одновременно — грузчика. 24 часа в сутки.

— Что ж: овладевал чудом немецкой речи. То есть письма. А про то, куда и как должны устремляться электроны, ведал без словарей и подсказок. < О подсказчиках и начальстве: если б пара-тройка из “всё знающих” театральных мудаков тоже свалила в отпуск — разобрался бы с аппаратурой дня на три быстрее. То есть настолько, насколько меньше вокруг меня стояло бы разных... Уже назвал. >

: Парился над блоками, словарями и схемами — душой пребывая совсем в другом месте.

Ибо весь май Кэм-Старший активно насиловал мою память на предмет то телефонов “тех, кто ходил прежде в Сьяны”, — то просил, чтобы я “вспомнил”, где с точностью до полуметра был залитый бетоном вход; то просил срочно связаться с Петей-Кротом < “все знают, Ком, что у тебя с ним самые здоровские отношения,— мне он ничего не скажет, а тебе — запросто...” > —

— то просил подробнейших консультаций по вскрытию бетонированных колодцев... < “Ты ж Володарку вскрыл, и в Никитах своих столько новых входов навертел!..” >

: Ну просто достал во всех смыслах. И, соответственно, возбудил моё возмущение сверх всякой меры — *вскрытие Сьянов было для многих из нас самой заветной мечтой,— той самой “крылато-подземлённой”, на грани идеификс —*

— но чем я мог помочь Толику?.. В Сьянах до их закрытия не был. Связей со “старыми скотами” не сохранилось: кто уехал за рубеж, кто отошёл от спелестологии,— с кем разошёлся сам...

Советы по вскрытию завалов может давать любой. Особенно дистанцион-

¹⁰ Одновременно с ним в отпуск, как водится, ушли практически все начальники участков вспомогательных театральных служб — так заведено, что начальство театральной “чёрной кости” уходит в свои отпуска накануне летних театральных каникул — для того, чтоб во время “официального перерыва” в работе театра проводить все надлежащие ремонты, регламенты и технические переоборудования; какому умному чиновнику из минкульта пришло в голову именно в это время, а не месяцем позже оснастить нас необходимой современной аппаратурой — загадка. Впрочем: *совок*...

но. Свёл Кэма с Кротом,— которого Толик, по-моему, немного побаивался.

: и вся помощь. Весьма условная, поскольку мои дружеские отношения с Петькой Кэм сильно преувеличивал. Но, наверное, иной раз *взаимное уважение* не хуже дружбы.

Помимо “любви к Битлз”, связующим звеном между мной и Кэмом был Лёша Проглот: со школьных лет он ходил “под патронажем Кэма” в Кисели и принимал участие во всех его киселёвских затеях. В 1986 году моя бывшая жена вышла замуж за Лёшку — соответственно, когда дым и пламя развода утихли, они поселились в одной из наших комнат в коммуналке на Новослободской. И стали моими добрыми и замечательными соседями — для общения с дочкой это, например, было весьма удобно. И удобно для Кэма: каждый мой понедельник начинался с подробной информации Проглота, что они за текущие выходные нашурфили на месте бывшего входа в Съяны и какие новые вопросы в связи с этим Кэм просил задать мне...

— Сказать, что я остро сожалел о “несвоевременно пришедшей фуре с модерновым металлоломом” ≡ ничего не сказать. Две недели подряд, уходя на работу по пятницам, знал, что сегодня вечером они снова уедут копать — а я тут... [“многоточие, многоточие, многоточие”]

Наконец последний из блоков был проверен и поставлен в стойку, требуемые акты подписаны — Свобода!!! Лечу домой, заслуженно наполняю ванну — плюхаюсь туда. За дверью коридор нашей обширной квартиры. По которому — фрр!.. — фрр!.. — снуют Проглот с Ольгой. Суета слишком откровенная —

Не выдерживаю, приоткрываю дверь:

— Куда собираетесь?

— Как это “куда”? Будто не знаешь!

— Погодите хоть пять минут!

: Выскакиваю из ванной, швыряю в рюк палатку, спальник, пенку,— свет и чего-то из еды. Что попало под руку. Рекордные сборы — наверное, уложился в три минуты. Ну, четыре. Не более.

Даже полотенце не пользовал — высох и обстряхнулся в процессе.

: Метро, электричка. Платформа Ленинская. По причине позднего времени далее — пешедрал, а не автобус. Что, как и довозящий нас от Домодедово до Никит, имеет славный номер “очка”, — то есть №21. *Удивительное совпадение* —

Стоянка на левом берегу озёрно разлившейся перед плотиной Пахры — в уютном обрамлении миниатюрной берёзовой рощицы,— странно тихая...

— Вот, Кэм, погляди — кого я привёл!

— Ха! Ну что, Командор, бери налюбник!

: Дважды повторять не потребовалось. Палатка и прочее — потом; втискиваюсь в комбез, водружаю на лоб фару с мощной полутораамперной лампочкой — самой легендарной из выпускавшихся в совке, от пожарной системы, что “предназначена для освещения пожара в тёмное время суток”, — иду за Кэмом.

Большая воронка с одним пологим “точильным” склоном и тремя круты-

ми, замыкающими воронку подковой. Справа в углу воронки – куча земли, отмётки бетона и известняка...

: Типичный раскопный пейзаж.

– Спускайся.

: Спускаюсь по узкому, верняком четырёхметровому колодцу. От дна уходит горизонтальный, столь же узкий лаз.

– Дальше по прямой до конца?

– Я тебе дам “до конца”... В расширении подождёшь. Журнала ещё положить не успели.

– У меня тетрадь есть... и ручки, – говорю я – *и тут до меня доходит*:

– Так вы это что ж... таки вскрыли?

– Догадался Штирлиц...

– И давно?

– Почти неделю назад. А что: Проглот не сказал?

– Гад. И вы все гады. Не могли подождать!..

– На твою долю пряников уже хватает. И хватит ещё – тут работы не на один выход.

– Это точно.

: Оглядываю Г-образный шкуродёр с незакреплёнными, выпирающими из глины и земли глыбами свода и стен...

– Как же вы: такими ударными темпами – и бетон???

Есть, чему удивляться. Копать-то начали всего два выхода назад. < “Ну, три”... >

– При помощи лома и какой-то матери. А ещё у нас один хитрый человек есть... Вечерком познакомлю. То есть, когда выйдем.

— Проползаю до конца шкурника. Небольшое расширение, грот. Сбоку полкой-выступом камень – явное место для будущего Журнала.

– Прохор, чайник, первым проломился: только пришёл, полез в раскоп – а мы уж наломались за день, сил не было. Да и надышались в раскопе: “кислородное копьё” знаешь, сколько дыма и вони даёт? Говорю ему: ну, коль хочешь прославиться – расширь забой, пару вёдер на поверхность выволоки. Пяти минут не прошло – представляешь? – прибегает в лагерь, – а мы уж жрать сели! – орёт... Ну да чайникам завсегда везёт. Мы с ним так и не уезжали в Москву – всю эту неделю здесь просидели, по Системе бегали. Обрисовывали.

– Представляю...

– Ну, что тебе в ней показать?

... часа четыре – если не пять! – мы гуляем по Ней: Легендарной Системе Шестидесятых, простоявшей законсервированной 14 лет – с 14 мая 1974 года, – простоявшей нетронутой, без какой-либо связи с поверхностью — это ощущается по охладившемуся до +6° С воздуху, и по тонкому слою осевшей патиной пыли на полу, –

: мы идём по Ней. По не доступным никому из смертных 14 лет залам и коридорам... «Значит, разговоры про то, что какие-то группы продолжали

ходить в Сьяны все эти годы через некие “секретные входы” – трал...»

: очевидная мысль.

...: с удивлением разглядываю гладкие, отполированные водой округлые “трубы”, уходящие из свода вверх, и колоколообразные такие же каверны – промывной, первичный карст, до того мной в каменоломнях ни разу не виданный. По крайней мере, в таком количестве, что невольно представляется: когда-то на месте Сьянов была настоящая карстовая пещера; разработчики камня лишь расширили своей добычей её первоначальные объёмы... Мысль, в общем, не столь бредовая — понимаю, отчего купился на неё Стеллецкий. Ведь по многим из этих карстовых тоннелей можно проползти (никитские шкурники гораздо уже и заковыристей), попав в явно естественного происхождения гроты – не просто обвальную “расслоёнку”, что возвращает каменоломне вид естественной пещеры (как, к примеру, в Никитах) — нет, гроты эти безусловно старше рукотворной части Сьянов: ползёшь по переплетению слагающих их щелей и кажется: двигаешься внутри гигантского барабана. Так всё гудит и отзывается эхом под и над тобой, справа и слева...

Красивейший и *просто огромный* – после Никит и старицких пещер – Большой Колонник. Расходящиеся кверху колонны смыкаются друг с другом, образуя округлые стрельчатые своды. Пол – изумительно ровная тёмнокоричневая глина, пересекаемая сухим руслом ручейка. Когда тёк: до закрытия или после? На полу ни одного отпечатка. “Мечта каждого спелестолога” о вскрытии *непосещаемой человеком каменоломни* будто реализуется — за четырнадцать лет Природа уничтожила-стёрла почти все следы, что оставили здесь сотни отвязных посетителей –

— все, кроме дивных рисунков и барельефов на стенах, кроме украшающих их надписей... Да просто *странных* – для меня, привыкшего к “никитской утилизации отходов” – куч проржавевших насквозь консервных банок. В тех гротах, где, по словам Кэма, и стояли –

: гротах, практически не оборудованных — два-три камня, сдвинутых к центру жалким подобием стола, воспринимаются даже не пародией на вожденный Подземный Уют, – карикатурой. «Ведь именно здесь, среди столь славных объёмов, да ещё с таким изобилием прямоугольных, удобных для строительства “кирпичей” – строиться и строиться, – на любые архитектурные вкусы и фантазии...»

: очевидная мысль никитянина, не избалованного что готовыми, пригодными для жилья формами – что обилием удобного для воплощения любых архитектурных фантазий камня.

Удивляет – по сравнению с Никитами – практически полное отсутствие крепей. Но радует глаз изобилие бутовых стенок: как в Киселях, Силикатах и Старице. Не радуют бесформенные навалы бута на полу (что ни шаг, то спотыкание на грани вывиха стопы) и длиннейшие, утомляющие своими размерами, коридорные штреки. Идёшь, идёшь, идёшь... Лишь коридор чуть заметно поворачивает – то вправо, то влево. Ни отвилки, ни гротов. *На сто-*

метровом перегоне,—
: МАСШТАБ...

Малый колонник, перегороженный исполинскими конусами чёрной глины надвое. Протискиваемся через малозаметный шкурник — Кэм находит его после весьма придиричивого и продолжительного осмотра одной из стен — попадаем в отсечённую конусами часть. Посреди ровного глиняного пола исполинский стол, сложенный из плоских каменных глыб. Принесённых явно с некоторого расстояния, ибо на своде не видно характерных обвальных каверн.

— Здесь стоял Лютый. Самый замечательный мужик был из всех, кто ходил в Сьяны. Специально подальше от всех построился — копал потихоньку продолжения и топосёмил, ни с кем не пересекаясь... Только с ребятами из SCO общался, они тут тоже неподалёку, в Четвёртой системе стояли. Тоже от бардака и шума всеобщего удалившись. Теперь пойдём, покажу тебе систему Мечты — самую старую часть Сьянов, как мне кажется.

: Идём. Мечта столь удивительно походит на старицкие пещеры — и так не походит на остальные Сьяны, что видно: да, это действительно то, что было в Начале. Чувствуется, что поверхность здесь не далеко — вот характерные привходовые гроты; боковые стены, как и в Старице — раскарстованные тектонические трещины. Система Мечты явно разрабатывалась по уже готовым карстовым полостям — как и все первые подземные каменоломни.

— Вход, наверное, был здесь,— говорю я.

— Угадал... Точно, был. Мне ещё показывали провал на поверхности... да я уж этого входа не застал.

Проходим в более современную часть — Четвёртую систему.

— Раз ты такой проницательный, Ком, вот тебе...

Кэм отваливает от стены якобы естественно лежащую там плиту; открывается узкий шкурничек-сбойка.

— Полежай.

: пролезаю. Что после Никит какой-то сьяновский шкурник?

: оказываюсь внутри удивительно чистого белоснежного грота. Кристаллики и отпечатки кристаллизованных 'дохлостей' сверкают со стен...

— Созвездие,— объявляет Кэм из-за спины, с пыhtением просачиваясь вслед за мной. И добавляет:

— Да-а... Тут для тебя преград, считай, практически нет. Мы с твоими никитскими способностями за полгода Сьяны не меньше, чем вдвое увеличим! У меня знаешь, сколько подозрительных шкур на примете? Чуть-ли не сотня, да! А пролезть вот не могу... Ну что ж, выбирай место, ставь номер — и пиши своё имя.

На стене начертано несколько имён,— каждое под своим номером. Кажется, последнее под номером 13. Одно из первых — Лютый.

— Он этот грот открыл. И постановил: здесь будут записаны все, кто для Сьян что-либо сделал. Понимаешь? Так что пиши.

— Не могу. Что я сделал для Сьян?..

- Ты в Никитах сделал. В Володарах, в Старице. Это все знают.
- Здесь пока ничего.
- Пиши авансом и не выпендривайся. Я же знаю, что — СДЕЛАЕШЬ.
- Потом. Когда сделаю – напишу.¹¹

– Ну, коль ты такой упрямый, и коль не задрог – пойдём, покажу тебе Венерин лаз, Громова и Щучку.

– гуляем, пока дрожь холода не выгоняет наверх. Под непрекращающийся экскурсоводческий мемуар Кэма: – А вот ходила ещё в Сьяны такая бит-группа – самая настоящая бит-группа, Командор – представляешь? В те годы!.. “Эльф” называлась. Со “спидолами” в качестве усилителей. К которым свои электрогитары подключали. И в Большом Колоннике концерты с танцами устраивали, на всю ночь. Как они “Шизгару” лабали — эх!.. Но не думай, что только интели сюда хаживали. Одна команда называлась “Морлоки” — и действительно: чуть-ли не самые настоящие морлоки и были, да. А этот зал назвали Зал Ведьм потому, что тут голые девчёнки под патефон при свете факелов танцевали...

: Кэм попал в Сьяны четырнадцатилетним мальчишкой в 1972 году.

Два года впечатались в память навечно. Наверное, каждым выходом. Как мне – первые походы в Никиты. Первая поездка в Крым. И первая моя пещера: Силикатная.

На другой день приступаю к работам на входе. С Проглотом и Инженером доводим его габариты до требуемых; крепим от возможного проседания, замыва или обвала. Без сожаления оставляю одну из своих тетрадей в качестве Первого Журнала Системы –

– Полезно иметь на выезде своего писателя, – комментирует Кэм. И добавляет: – Ты это, Ком... Обязательно опиши когда-нибудь, как всё было! Событие-то — сверхважное! Ведь *такого* во всей истории спелеологии ещё не было — и хрен его знает, будет-ли когда!..

: *Согласен. Описываю,* –

Несколько здоровенных известняковых плит – каждая весом в пару сотен килограмм – сдвинуты общим столом в тени миниатюрной берёзовой рощицы; вокруг них камни поменьше: сиденьями. Такой красивый уют... Озёрное зеркало Пахры в пятидесяти метрах. За спиной заново вскрытый вход в супер-легендарную Систему —

... даже не верится, что – СВЕРШИЛОСЬ.

– Ох, будет у товарища Ковалевского¹² инфаркт – когда доложат...

¹¹ Я написал своё имя в Созвездии после того, как оборудовал Млечный Путь. На нашем с Юрой Кириным месячном съёновском пребывании, когда мы открыли настенные граффити секты сатанистов начала XIX века.

¹² В то время уже “демократически избранный” глава администрации Домодедовского района; в годы залития бетоном Сьян, заваливанием бутом Киселей и взрывного уничтожения никитских входов — горкомовский “мальчик для поцелуев”, третий (или четвёртый) секретарь районной парторганизации. На ответственность кого все эти уничтожительные акции и списывались.

– Это точно.

– Что точно: инфаркт?

– Что доложат.

– Ну что ты такой кислый, Ком? Не расстраивайся – ведь успел-таки поработать на входе — а значит, и твой труд в этом нашем подвиге есть! – смеётся Кэм.

– Я думаю о том, что теперь сюда разная спелеошущара повалит. И всё загадят, засрут...

– Я буду эту Систему держать – так!

: Кэм показывает кулак, которым в ДШБ сокрушил не одну челюсть. Кулак впечатляющий. Впечатляюще, впрочем, и вся команда Кэма – что Инженер, что Лера, что Белый...

* * *

Здесь я попробую сказать несколько слов об этих ребятах – без которых самая известная каменоломня Подмосковья уже давно бы, наверно, канула в исторические нети.

Миша Плахов живёт в тех же Съянах, – в компании Кэма он не только самый старший (в том году Мише было около 40 лет; нам всем под 30), – Миша самый замечательный лозоходец из всех, кого я встречал в жизни. Ветер, не ветер — спокойно идёт по полю или лесному бурелому сразу с двумя рамками в руках – рамками, сделанными прямо по месту, буквально из любого материала, и только бросает через плечо: здесь пошёл отводняк влево... ставь вешку; выходим в колонник, — точность его биолокационных изысканий была столь высока и надёжна, что, право, даже инструментальная подземная съёмка такой точностью не обладала. “Мы не Плахова проверяем подземной съёмкой, мы топосъёмку проверяем Плаховым”, – говорили в компании Кэма.

Юра Рыбин [Белый] тоже живёт в Съянах – точнее, там живут его родители. В том году он работает в пожарной охране – сутки через трое, специально, чтоб иметь больше времени для встреч с Подземлёй; потом перейдёт в видновские менты оперативником, – он поднимет меня в “ритуальные пять часов утра” на никитскую спасаловку 99-го года, когда в Никитах заблудится пара видновских ребятишек. В январе 2002 года Юра умрёт от последствий контузии, полученной в Чечне.

Огромный и добрейший Лера [Панкратов Валера] работает крановщиком; его жена Марина традиционно исполняет обязанности всеобщей кормилицы, то есть завхоза, в этой команде. Живут они в Орехово-Борисово – не столь далеко от Съян.

Инженер [Панкратов Юра] – младший брат Леры. Он действительно инженер, и лишь благодаря его инженерной смекалке удалось вскрыть Систему без применения экскаваторной и взрывной техники. Поскольку моё общение с ним прервалось в середине девяностых, о его смерти я узнал лишь 10 лет

спустя.

Лёша Проглот [Алексей Каплин] – о нём достаточно сказал выше. Добавить могу, что как бы нас ни выкручивала жизнь – мы до сих пор общаемся в городе и иной раз вместе ходим под землю. “Два мужа одной жены” (теперь оба бывшие) — это “почти что родственники”.

Кэм Младший, или Кэм_м – Камышов Виктор, младший брат Толика. Профессиональный водитель (в те годы работал в Прокуратуре); после – владелец авторемонтной мастерской. Постоянная “палочка-выручалочка” всех никитских водителей. Удивительно мягкий, добрый и отзывчивый человек. Он умрёт от рака в июне 2009 года, и на его похоронах мы вновь встретимся вместе – увы, не могу написать “все”...

– Но это будет ПОТОМ.

* * *

: После. А пока мы сидим за известняково-каменным столом в тени берёзок – в удивительной гармонии белого камня и белых берёз, под наяривающего из динамиков магнитофона любимого нами не меньше Битлз Холдера¹³ – и обсуждаем, кого из друзей и спелеознакомых можем привести сюда. Потому как не обживать Систему – нельзя, и ясно: коль мы не приведём близких нам — придут чужие.

К тому же Съяны своими размерами, доступностью и обилием стояночных гротов *просто располагают* к некой спелеосоциальной деятельности,– которой, коль не начать заниматься сразу, сейчас – потом будет поздно. Ибо предоставленная своим инстинктам толпа всё это великолепие “разнесёт и загадит на раз” — мысль, вполне очевидная. Так что при всей разнице моего и камышовского отношения к “проклятому социалу” здесь наши мысли совпадают на 100 %.

Да только *кого привести сюда* – из оставшихся в “подземном хождении” – ни мне, ни Толику не приходит в голову. Как и нашим товарищам. По мнению Кэма, из всей молодёжи, посещающей Кисели, «дай Бог, чтоб два человека хоть чему-то соответствовали – остальных ещё воспитывать и воспитывать,– причём лучше заниматься этим в Киселях». Что же до Силикат... «Ну их к бесу!» — всеобщее резюме Первовскрывателей Системы.

: Не спорю потому, что с Первовскрывателями не спорят. Хотя знаю, что в Силикатах “не всё так плохо”, как мы привыкли полагать,– но давит прижившаяся в подсознании кода. Ведь до самого последнего времени там было “не вполне хорошо” даже с точки зрения Кэма. И всех его друзей –

: Система, прославившаяся в спелеомире постоянно ве-

¹³ В декабре 2000 года Кэм сделает некоторое исключение из своего традиционного уже переписывания Битлз: по завершении копирования (теперь уж компьютерного) их последнего альбома скажет: – Ну, с Битлами покончили; теперь давай на оставшиеся диски зафигачим всех твоих “Слэйдов”...

дущейся подземной химвойной – то есть дымовыми завесами-волоками – ни у кого любви не вызывает. Перенесения дыма силикатовских ‘развлекух’ в Сьяны не жаждет никто.

Более того: когда я начинаю рассказывать Кэму, что в Силикатах теперь многое изменилось, потому что пришли новые лидеры – Макс Силикатский, Сашка-Шериф и наши “эмигрировавшие никитяне”, срабатывает нехитрый рефлекс: *иные лидеры пусть лидируют там, где лидируют,* –

: здесь своих хватает. И кстати – кроме харизматических “ветеранов движения”, никого иного пока не видно. То есть тех, кто придёт нам на смену. Для кого эта Система станет *своей* — как для меня стали Никиты. А для тех, кто творит новую историю Силикат – тамошние окоёмы.

: В этом-то вся проблема. Решения которой никто не видит.

... Как-то удивительно вовремя Юра Кирин и Вит (его армейские письма я цитировал в эпистолярной главе “Мэйнстрима и турбулентности”) возвращается в эти дни из своих “сапогов”. Конечно, первым делом веду их в Сьяны. И привожу Сапиенса и Гарри. И Хмыря.¹⁴ Кажется: это все, кто *остался*.

‘Бремя ламбады’ и всеобщей засасывающей попсы/непрухи не оставляет надежд на приход “нового, доброго, вечного” – отсюда наше постоянное

¹⁴ В 1988 году “рагунская эпопея” Хмыря оканчивается его возвращением в златоглавую к разбитому корыту: новые таджикские власти останавливают не нужное им строительство; штаты расформировываются — и главный инженер участка гидрогеологии, оставив в Рагуне трёхкомнатную квартиру, возвращается с женой и двумя детьми в родной город. В котором прописку, конечно, не потерял — но жить негде. Нет также работы в сославшем его в Рагун три года назад ГИДРОПРОЕКТЕ, — отработавший три месяца на ликвидации последствий чернойбыльской авантюры гидрогеолог-строитель остаётся без работы и крова над головой. Не знаю, как себя повёл бы на его месте иной — Иван все сэкономленные в Рагуне деньги вложил в организацию строительно-ремонтного кооператива. Не буду описывать, каково в нашей стране *с нуля* поднять такое дело, — сколько времени пожирает хождение по всевозможным чиновничьим инстанциям, добывание необходимой техники, складских площадей, помещений, — теперь с этим проще. Тогда же и килограмм гвоздей был государственно регулируемым дефицитом... Но время на посещение Подземли Хмырь находил. Пусть не каждые выходные — часть из которых пожирали бесконечные “рабочие форс-мажоры” и семейные обязательства — но он приходил с нами в Сьяны. И продолжает до сих пор посещать и Никиты, и Сьяны — несмотря на все случающиеся по жизни обломы, — а не везло Ивану во всех его начинаниях не меньше, чем мне < тут, конечно, впору задуматься >, — несмотря на случавшиеся травмы (от пары из которых иной становится инвалидом, как минимум, второй группы — а вот он продолжает ходить в сложнейшую, в спортивном отношении, пещеру), — несмотря на семейные неприятности и разного рода коллизии, для обозначения которых слова “трагедия” и “драма” не вполне достаточны — ПРОДОЛЖАЕТ ХОДИТЬ ПОД ЗЕМЛЮ.

погружение в музыку ушедших лет. Ибо в том, что предлагает современный *музрынок* (иного слова подобрать невозможно), ни на звук, ни на тон, ни на такт нет ничего, близкого нам,— пируем голосами ушедших семидесятых во время ламбадной чумы... Одни на весь спелеомир, в тщетных раздумьях: где та молодая шпана, что как бы обязана смести нас с лица Подземли?

: “Нет ответа” —

Да и Никитский Круг — как кажется нам — стлел, распался:

“Кто на верёвках, кто под автомобилями, кто в компьютерах,— кто в кооперации, кто в прострации”. Кто ломанулся в очереди к американскому посольству и к израильскому консульству в посольстве Голландии; кто занял пожизненное место в очередях винных.

: кто-то выбрал иные концы этой жизни.

«Иных уж нет, а *тех* долечат»,— грустно скажет Лещина.

Ощущение, что Съяны вскрыты лишь для того, чтоб поставить некую точку в нашей спелеоистории — “отомстив бяке-горкому” — довлеет. Неприятный привкус времени...

— *Для кого было свершено это славное деяние,— неужели ради банальной личной мести, ради внутреннего торжества над совком? Торжества, которое будучи неразделённым — не вполне даже и торжество.*

: Оказывается...

Выход за выходом Кэм мысленно перебирает всех, кто ещё ходит в Кисели, Володары и Силикаты — и брезгливо морщится.

Тяжеловато ветеранам без наследников, что и говорить. И добро б ещё, Система не превышала километров пяти,— так ведь нет! Все понимают, что на двадцати “только официальных” съяновских километрах две наши группы просто-напросто потеряются. Растворятся в пустоте вскрытого на свою голову спелеопространства. Которое столь неравными силами не приручить.

Но коль ты стремишься следовать Мэйнстриму — всё придёт, всё сбудется.

В “мотоэкспедиции” в Старицу мы с Сапиенсом знакомимся с замечательной компанией Детей Сталкера — Дёмой, Филиным, Колобком, Севкой, Хохмачём, Амином, Алкоголем, Захаром, Струментом (называемом ласково Струшей),— Анжелой, Лисой, Настей-НУРСом, Наташей Чудо, Томкой, Рыжей Ленкой и Кроликом¹⁵. И собственно Сталкером. Уже около года они самостоятельно изучают старицкие пещеры, пресытившись силикатовским раздолбайством и волоками,— в этой поездке встречаемся воочию. Следующий хадж в Старицу делаем совместным. И ещё один, и ещё,— которые оказываются столь славными... Что приходим к неизбежному выводу: *этим ребятам* Съяны показать можно. И нужно — ибо видим: молитва БГ начинает сбываться в масштабе одного, отдельно взятого круга общения.

: “ДС” представляют собой следующее за нами поколение — иной, на первый взгляд, язык; иные песенки и анекдоты, иное поведение на выезде — но

¹⁵ Подробности этой встречи поведаны в «Книге Старицы».

почему-то оказывается, что мы можем сосуществовать, как одна команда. Что *знаково* – в ответ на моё предложение посетить Самую Легендарную Систему Подмосковья, ребята поначалу отвечают отказом. “Добро б ещё, мы помогали при вскрытии... а являться на шару – тем более, к Кэму... Нет уж, Ком. Извини.”

Уверяю, что широко распространённый в спелеосреде образ Совершенно-Пьяного и Лютого Кэма – не более, чем фантазия. Распространяемая теми, кто слова доброго не стоит.

– Общаетесь же вы со мной? А обо мне вам тоже наговорили.¹⁶ Что ж до “прихода на халяву” в чужое свершение — так ведь вас туда специально зовут!..

: То-ли понимание того, что я оказался совсем не тем монстром, за кого меня выдавала распространяемая языками ГБ молва, то-ли интерес к легендарным Сьянам – но ребята решились “прийти и посмотреть”. «А там видно будет»,—

: “Видно” стало с первых же часов их нахождения в Сьянах. “ДС” безоговорочно остаётся в Системе.

Ближе к осени выбираем место для ПБЛ – не сговариваясь с Хмырём, оба присматриваем один и тот же грот. Называем его Кинг-Конг – ибо разводы охры на стене и по форме, и по размеру, походят на киношного суперпримата. Кэм ворчит, что хуже места мы себе найти не могли – в этот грот выходит устье Щучьего Лаза,— тридцатиметровой, изогнутой буквой S, трубы: карстового туннеля чуть шире человеческого тела. Естественной сбойкой соединяющей две сьяновские системы. А потому, по мнению Кэма, отбою от народа здесь не будет. Но народа пока, кроме нас и кэмовской команды, не видно.

– Это пока. К зиме навалят, увидите. И вззоете!!!

* * *

: Вняв предупреждению, ищем новое место. И находим: очень интересный грот за штреком, по которому, не составив завещания, пройти боязно. К тому же в страшной дали от входа – фактически, это самый дальний правый угол Системы. Чем он нас прикалывает – не ясно. Даже пола там нет: сплошное нагромождение известняковых обломков, расколотых плит,— трещины, ямы... Перепад высот в гроте – около трёх метров.

Но внутренне и я, и Сапиенс, и Гарри, и Кирилл, и Хмырь видим: *встаем здесь. Окончательно и бесповоротно.*

— Разве ноголом вместо пола и пара как бы смертельно опасных и как бы непроходимых шкурников могут остановить тех, кто вырос в Никитах???

¹⁶ К слову: добрыми шептунами обо мне ребятам было (как выяснилось потом) наговорено столько, что до сих пор не понятно: как они вообще решились на наше совместное старицкое общение?..

Мотивация №2: коль мы пришли сюда, то должны *сотворить* (*создать*) своё место сами. От начала и до конца. Как творили в Никитах.

Начинаются титанические усилия по переоборудованию грота и созданию до него удобного, безопасного пути. *«Никитские ветераны в законе показывают молодому спелеопоколению, как надо работать»* — картина аллегорическая, трудотерапевтическая, — так и не нарисованная гранд-малером Кириным...

: За очевидной увлечённостью иного рода работами.

Но зато возобновляются наши газеты-маразматки, — не беда, что 'рыдакционная калекия' состоит лишь из двух человек — первые же два номера ["НА ЗАД — К ОБЕСЬЯНАМ!" и "ЛЕНИТАЦИЯ"] ввергают всех их читателей в истерический хохот... Кто-то до сих пор считает эти выпуски наиболее "техническими" и "зрелыми" из всего, что было — и будет ещё! — создано мной и Юрой...

: Не знаю. Возможно, "всему виной" дивное ощущение освоения огромной новой Системы — на фоне всеобщей тошнотворно-ламбадной серости — что несло, как на крыльях... В антрактах меж подземных работ по оборудованию грядущего грота сидел наверху в уютной берёзовой тени — уже отсвечивающей жёлтым — и, примостясь на ноздреватом каменном столе, выводил шариковой ручкой по тетрадному листу новые главы "Сказки для Робинзонов" —

: Сказочное было время. Не то, что окружало снаружи — но что выплывало изнутри. Удивительно светлым чувством буквально стирающее давящий со всех сторон морок —

— подлая "грушинка", на которую меня вызвали творить "как бы официальную запись" фестиваля, резанула сердце и ударила под дых, — выплеснул эту боль прозой "Белого Камня", зачеркнул панорамами открывшейся нам Подземной Жемчужины, —

— даже очередная любовная трагедия прошла стороной, — боль старой разрушившейся любви, давнего моего "междугороднего романа", что презентовал в своей прозе Коровину, вытеснялась приходящими строками и такой реально-настоящей, Зримой Подземной Работой...

В которой не просто открывали Новый Подземный Мир — в унисон одновременно творящемуся Открытию Старицы, —

: ТВОРИЛИ ЕГО СВОИМИ РУКАМИ —

: Как когда-то в Никитах, в конце семидесятых и начале восьмидесятых годов. Славном времени становления Никитского Круга —

: как-то всё это было очень похоже.

* * *

Моё тридцатилетие празднуем ещё в Кинг-Конге. Из гостей — Дети Стал-

кера (пока в “половинном составе”),– Кирин, Хмырь, Вит, Гарри и Сапиенс. Уютная и тёплая компания —

В разгар празднества в грот влетает припозднившийся и явно возбуждённый Кэм.

– Присаживайся, почти не опоздал.

– Оставь, Командор, не до этого. Лучше скажи: кто такой Сом?

– Сом? – даже не знаю, что ответить,– это рыбка такая...

– Брось свои никитские шуточки! Из старых, тех, кто ходил сюда прежде – кого так звали?

– Вопрос не по адресу. Старых тебе лучше знать.

– Да то-то и беда, что не знаю! Представляешь??? Написал в Журнале: “Иду к себе. Сом.” Прямо перед вашей записью. Кстати, чего это ты не записался?..

– Как это я не записался? Да я из нашей компании первым вошёл, и первым же записался...

— тут до всех начинает доходить. Ведь уж долгое время Командором меня в нашем кругу никто не зовёт – за годы чопорное слово сократилось (к моему душевному равновесию) до “Ком”,— соответственно, в Журнале вместо “Comandor” я стал писать краткое “Com”.

: Народ ржёт – Кэм ничего не понимает.

Так рождается “на подземный свет” мой литературно-спелеологический псевдоним, а заодно нью-ник. Спасибо не ориентирующемуся в латыни Кэму —

А у моих друзей появится привычка: радовать меня на день рожденья каким-нибудь выловленным из масс-медиа трактатом про рыбную ловлю сомов, их всевозможными фотографиями, картинками, рыбацкими байками... Под обиходный хохот зачитываемых вслух. Вместо поздравлений. < Апофеозом будет поздравление от Кирина на моё тридцатитрёхлетие – “раненого сома буксируют на мелководье и там овладевают им...” >

* * *

Кэм сказал, что недалеко от выбранного нами нового места прежде, до закрытия Сьян, стояла группа из SCO,–

– может, потому и потянуло туда нечто вроде “бессознательной генетической памяти”,– генетической в социально-наследственном смысле? “Подобное – к подобному”.

Но потянуло не одного меня – всех никитян. Точнее тех, кто начал со мной освоение Сьян.

: Моё общение с Никитами было даровано SCO. И НК во многом наследовал ему... “Тут можно долго философствовать”.

В одном из тупичков мы нашли следы их обитания – несколько камней в центре небольшого уютного гротика сдвинуты к центру столом; на бутовом

околостенном навале разровнено место для лежанки. Человека на три. Ещё трое могли б уместиться в проходе на полу штрека перед гротиком. Конечно, для уютно-камерных посиделок этот грот был идеальным (а по никитским масштабам так даже не имел конкурентов) – но в Сьянах... да ещё с нашей обширной компанией,—

: замыкавший штрек просторный двухуровневый тупик с отходящим в сторону рукавом-аппендиксом, вполне пригодным в качестве спальни человек для восьми, показался нам более перспективным. Как бы “неудобно” поначалу ни выглядел. Гротик SCO мы называли Сторожка; нашу будущую подземную столицу в духе памяти SCO окрестили Млечный Путь. < Довольно быстро за нашей нелюбовью к помпезности это название сократилось до “МП”; нынешние обитатели Сьян зовут его “Млечник”. >

: За несколько выходов удалось разобрать “в первом приближении” обвалоопасные навороты в штреке, ведущем к будущему нашему гроту; разровнять в нём пол и даже создать два, весьма эстетичных, жилых уровня – разделённые внутригровым двухметровым уступом и соединённые сложенной из плоских плит огибающей левую сторону грота лестницей,—

На “верхнем” этаже установили спальный модуль работы Хмыря. Нижнюю часть грота называли “гостиной”. Её одну спальню – для “ДС”, и уже с полным применением их усилий – оборудовали в соседнем гроте. Назвав, соответственно, Ньебулой – то есть Туманностью. В пару к Млечному Пути, и потому, что когда в млечнопутёвой Гостиней сидел народ — пар от нашего дыхания и готовки пищи конденсировался в Туманности. Такими красивыми слоями –

: Колобок утверждал, что если их нюхать, не разрушая, послойно, можно однозначно определить, что и в какое время за прошедшие сутки мы готовили. И пили.

В небольшом тупичке меж последним шкурником и развилкой МП/Туманность оборудовали самое главное место: туалет. Отделив его от штрека каменной стенкой, вход занавесили чёрным непрозрачным полиэтиленом. Назвали Альтаир.

После расширения и относительного благоустройства ведущих в грот шкурников стало возможным пронести в него детскую пластиковую ванну – в последнем шкурнике сильно лило с потолка,— оборудовали там водокап. Иметь источник воды в двадцати метрах от кухни (и при этом совершенно сухой грот!) — это-ли не подлинное спелеосчастье?..

Ещё один водокап с аналогичной детской ванной Кэмы соорудили не столь далеко от нас — в качестве “ответной меры”, поскольку запас детских ванн в обоих наших командах кончился, мы с Хмырём создали каменный бассейн, обмазали щели меж камней глиной – и застелили его полиэтиленом “в два наката”. В Водокапном штреке, примерно на полпути между нашей стоянкой и кэмовской.

С каждым нашим осенним выходом Система всё более приобретала при-

знаки жилой.

Во время выравнивания в гроте пола осенило спелестологическое ноу-хау: к чему вначале выравнивать пол, а затем громоздить на нём стол? Мы просто выровняли “пространство пола” и “пространство стола”, разделив их неглубокой траншеей для ног. Получилось необычно, непривычно – но действительно удобно. И красиво по-своему.

Кэмы украсили одну из стен во Второй системе знаменательной надписью, выполненной кузбас-лаком:

3 июня 1988 года солнечным утром после 14 лет застоя и консервации силами: Леры, Белого, Плаха, Инженера, Кэмы_С, Кэмы_М, Проглота была вскрыта эта пещера!!! Ура Сьянам и нам!

“Торжественное открытие надписи” было соответствующим образом отпраздновано в оборудуемом группой Кэма гроте Шайтан. И если мы в Млечном Пути показали чудеса истинно никитского архитектурного ‘дерзайна’ — что сотворили в Шайтане Кэмы...

: Нам, привыкшим в никитской тесноте к казавшейся неизбежной аксиоме “один жилой грот ≡ одному гроту” (где этот единственный грот сочетает в себе функции кухни, гостиной, спальни, и прочего всего – за исключением лишь туалета) было немыслимо осознать, что, оказывается, под “жилым гротом” можно понимать целую систему гротов и залов, где всё, как в комфортабельной и ‘более, чем крутой’ городской хоромине, отдельно: грот-холл, он же танцзал и прихожая, – грот-гостиная, грот-кухня, и несколько персональных гротов-спаленок, — причём каждый из этих гротов оборудован в своём, строго выдержанном, стиле — и украшен так...

— Но что: красота архитектурного дизайна? Описывать Красоту бесполезно. Что надо видеть, надобно видеть. Что можно ощутить – нужно ощущать.

Попытка вербального описания того, что воспринимается на уровне аллюзий, заведомо обречена на провал – а потому следуем дальше.

* * *

Новый, 1989 год, праздновали, естественно, в Сьянах. Двумя командами – каждая в созданном ей гроте – потом ходили в гости друг к другу. Новогодние украшения гротов достойно конкурировали, – Кэмы, заразившись от нас, даже выпустили пару своих газет (стены нашего Млечного Пути украшало четыре новых и лучшие из старых никитских); музыкальные центры по мощности были сопоставимы, записи тоже – но у нас всё-таки была ещё цветомузыкальная установка с шестью гирляндами разноцветных лампочек, навьюченных на ёлку, –

– что же касалось столов... Выходя из дома, чуть не за-

были в духовке заранее запечённых уток, — наша обширная ново/старая команда собиралась перед выходом у меня¹⁷, — слава Богу, торжественное открытие Менделеевской, что метростроители соорудили прямо у стены моего дома (чуть не развалив при этом сам дом) и обещали “торжественно открыть в 19.00 31 декабря”, а потому мы включили в свои новогодние планы столь удобное для нас беспересадочное (Менделеевская – Нагатинская) катание по новой ветке метрополитена — удовольствие, в какой-то мере спелестологическое, — слава Богу, открытие станции отложили на два часа. Столкнувшись с не распахнутыми гостеприимно дверьми, пришлось вернуться в тёплую квартиру. Тут и вспомнили о невзятом. Но эти два часа дополнительного ожидания чуть не сорвали нам встречу Нового года —

Ибо два часа неожиданного безделья в преддверии Праздника заполняются известно чем. В результате передегустации собственных ликёров и сапиенсов-ских вин¹⁸, предназначенных для нашего стола, по вожделенному прорыву под землю я по всем спелестологическим правилам “вписался” в журнал для торжественно-благодарных записей Первых Посетителей Новооткрытой Станции Менделеевская — что лежал на столике в центре зала. Аргументируя свои хулиганские действия тем, что раз вошёл под землю — то вписаться обязан. И вообще: на каждой станции метрополитена должны присутствовать как входной контрольный журнал, так выходной...

— И в остальных отношениях вёл себя безобразно-развязно. Аппаратуры при этом — что нёс в своём рюкзаке, никому иному не доверяя — почему-то не угробив...

... Из всей дороги до Съян запомнилось лишь жуткое подобие тропы, что вело от плотины ко входу: до нас в Систему прошла лишь компания Кэмов, — шаг влево, шаг вправо от их следов означал проваливание в метровой толщины слой снега — *вот такой чувственный признак **необжитости Системы**...*

— “Ещё один момент”: из-за того, что по милости метростроевского банкета мы припоздали на два часа, на столько же пришлось передвинуть стрелки и цифирьки наших “органов времени”, чтоб успеть накрыть стол и развернуть принёсённую аппаратуру “к условной полуночи”. Хотя ещё в городе рассуждали/вычисляли, на сколько секунд позже в Шайтане, расположенном западнее МП, наступит Новый год... < По вычислениям получалось, что на семь секунд звёздного времени, — ещё один масштаб Системы. >

На деле он наступил в Млечном Пути на 7.193 секунды позже — зато ровно в момент прихода к нам Кэма со товарищи. К обоюдной спелеорадости.

¹⁷ С одной стороны, нужно было распределить по рюкзакам весьма объёмистую звуковую и светомузыкальную аппаратуру, общинно купленные продукты — с другой, ехать на такие праздники уже собравшейся компанией гораздо приятнее. Не говоря о синхронности для каждого Вхождения в Праздник — с момента сбора он как бы уже начинается...

¹⁸ Ибо государственного алкоголя в те годы было не купить, — впрочем, мы не жалели.

* * *

Первое января 1989 года ознаменовалось первыми съяновскими спасработами. Которые, слава Богу, оказались ложными — ибо как вести столь слабыми силами ПСР в столь обширной и к тому же откровенно неизученной каменоломне, в голову никому из нас не приходило. Даже договорились заранее, — о чём сделали соответствующую запись на обложке привходового Журнала, — СПАСОВ В СЪЯНАХ НЕ БУДЕТ. “Потерялся — так тебе и надо”.

: если учесть, что в то время ни о каком МЧС никто и слыхом не слыхивал, — что “МЧС”! — ни о каких “спасательских отрядах” речи не шло даже на уровне анекдотов! — действенность угрозы, как и её педагогическое значение, были вполне реальны. Никто из нас ещё толком не знал Системы; даже условная обрисовка ходов, что каждый выход понемногу творил Кэм, исправляя многочисленные огрехи и несоответствия < это ещё очень, очень мягко сказано > старых “карт”, охватывала не более половины Системы. Причём — без шкурников.

А потому все ходили не только с хорошим, — ярким и многочасовым светом, — с обязательной запаской и точным “КС” остающимся в гроте на дежурстве. Как и с максимально точными указаниями, в каком районе искать “в случае чего”.

Что нарушители этой конвенции будут биты всей Системой, знал каждый.¹⁹

— Первого января мы отправляемся с дружеским визитом в Третью систему, занятую Кэмами. В Шайтане читаем записку, что Кэмы отправились проведать родные Кисели. И вернутся не ранее второго. Вылезать на поверхность и ломиться по январскому снежку и холоду до Киселей ни у кого из нас желания не возникает, — на всякий случай доходим до выхода с целью изучить привходовой Журнал. Вдруг кто ещё пришёл? *Такая робкая надежда на приход новой, достойной нас группы...*

Которая, кажется, оправдывается. Ибо по Журналу ещё два человека встречают этот Новый год в Съянах — расположившись в гроте “13”. В “Трёшке”, откуда мы только что прибежали. < Ходить по Съянам у нас не получалось — их коридорные дистанции просто заставляли автоматически переходить на бег, — совсем, как у Ильфа и Петрова. >

: бежим обратно в Третью. В Тринадцатый. Видим шмотки — но не видим хозяев. Записки, куда они делись, также не обнаруживаем. “Сволочи”, — резюмирует Колобок.

— Суки, — соглашается Кирин.

И спальники их совсем холодные. Как и котелок с недоеденными макаронами — значит, ушли давно. И явно гулять по Съянам — ибо коль отправились в

¹⁹ В принципе, хватило б и одного Кэма. Остальная часть обоих наших групп предназначалась для его удерживания в шатких границах дозволенного.

Кисели, выписались бы из Журнала.

Решаем вечером ещё раз вернуться сюда – с исключительно педагогической целью. Задекларированной на первой странице Журнала.

... вечером Тринадцатый встречает нас тем же самым пейзажем. Без всяких признаков хозяев.

Проводим тотальный осмотр шмоток – среди прочего Колобок находит пакетик с чем-то, подозрительно смахивающим на “траву”. Очевидная мысль посещает всех: обдолбавшись, эти додики ломанулись гулять по Системе — и сейчас естественно, сидят где-то без света. В лучшем из лучших случаев.

: Положение мерзопакостное. “Дурь”, ясное дело, сжигаем, хорошо пропитав бензином — пусть каждый из нас к траве не относится *резко отрицательно*, срабатывает совковая кода: не этого рода пришельцев мы хотели у нас в Системе. И не этого рода развлечений.

В принципе, никто из нас не считал – как и не считает – марихуану наркотиком; по нашему общему мнению, она не опаснее никотина иль водки. «А в рюкзаках у них трава – чтоб не болела голова и сердце не болело, – и сам я пробовал её, и все мы не про то поём — и потому так смело...»: Юра Устинов. Растормаживая правое, ассоциативное полушарие, трава дарует творческому человеку ни с чем не сравнимую радость прямого, ассоциативного постижения Мира — но: Человеку Творческому. И безусловно Разумному. Безмозгло кайфующего дауна она окончательно превращает в скота – примерно, как и водка. Для того, чтоб убедиться в этом, достаточно в выходные посетить оставленные нами десять лет назад Съяны – обдолбанных “дурью” тинэйджеров там хватает.

: *Нам трава давала истинное понимание музыки “Джетро Талл”, “Лед Зеппелен” и “Кинг Кримсона”, – помогала увидеть в хитросплетении пещерных узоров охры Картины...*

: в этом разница.

А тут – пара явно обдолбанных додиков, сутки не возвращающихся в свой грот.

Удаляемся в Млечный Путь, раздираемые противоречивыми чувствами. С одной стороны – торжественное обещание, что спасов в Съянах не будет. С другой... Очень много всего, в общем. От недопустимости человеческой смерти по твоей, пусть и косвенной вине – мог хотя бы попытаться найти, но не сделал этого, – до неприятности напороться через месяц-другой на пару трупов. В свете отношения власти к спелестологии вообще и к нам, вскрывшим забетонированную ими Систему, в частности...

: Перспектива не самая светлая.

Но по любому вначале нужно дождаться Кэмов.

— Дожидаемся. Они возвращаются из Киселей с нашими “виновниками торжества” поздно вечером, – и выясняется:

1) эти гады отправились в Кисели “на пару часов” ещё тридцать первого числа – а так как “всего на пару часов”, то выписываться из съяновского Журнала нужным не посчитали — в Киселях же загудели на полтора дня;

2) мы уничтожили не запас травы – а запас китайского, весьма специфического и крайне дефицитно-дорогого, полынного чая.

: За свои чаеуничтожительные действия мы подвергаемся “смеху крещендо всей Системой” — за невыписывание из Журнала несостоявшиеся додики получают в рыло.

* * *

Этот печально-весёлый эпизод отразился в тут же созданном (то есть переделанном из цивильного) спелеоанекдоте:

Телефонный звонок из МП в Шайтан:

– Алло, это Шайтан?

– Да!

– У вас чай есть?

– Нет.

– А где есть?

– В Тринадцатом...

– УР-РАААА!!!

* * *

Что характерно: в то время мы действительно хотели проложить телефонную линию меж нашими гротами, разделёнными добрым километром ходов и шкурников,— надобность в которой была “более, чем очевидной”: помимо удобства в общении это ещё путеводная нить для заблудившихся или оставшихся без света. Первый разговор по этому телефону многие представляли себе примерно так: «Алло! Это Шайтан?» – «Да.» – «Это МП. Мы тут Кэма слегка передозировали... Приходите, забирайте.» – «А мы – Кирина. Обмен телами на Водокапном через полчаса!..» В этом телефонном обмене фразами — вся домашность и уютная камерность нашего тогдашнего хождения в Сьяны. Казалось, не две команды ходят под землю — одна Большая Семья. Когда этот период падёт под натиском свершившегося массового прихода “новых съянистов”, нам станет его не хватать столь сильно, что мы просто уйдём из созданного нами же спелеоотноса — конечно, дружеского, добро-славного,— но слишком уж *массового*. Привыкшим к камерности Никит, вынести *слишком большую толпу* — пусть и добрых людей — окажется не по силам. Будут и иные мотивации; в конце главы я скажу о них, ибо сколько нас было — столько и было взглядов на жизнь. В иные моменты весьма альтернативных.

* * *

После Нового года остро встаёт проблема *действительной неизученности Сьян*.

У меня приближается заслуженный январский отпуск; у Кирина продолжается период послеармейского вольного отдыха. Который в середине февраля добролюбы из МВД уже на вполне законных основаниях смогут квалифицировать, как тунеядство. В принципе, проблем с трудоустройством, как и с возможностями заработать на хлеб насущный у него нет: вокруг масса что художественных, что новорожденных промальпинистских и камнерезочных кооперативов,—

: надо будет — устроится. Но от положенного по закону безделья нужно взять всё. А тут — огромная неосвоенная каменоломня. И практически оборудованный грот. И прочие веские аргументы —

— а потому, не сильно мудрствуя, мы срочно закупаемся доступными в эпоху ‘Катастрофы и глстности’ продуктами, забиваем “доверху” банки своих коногонов, оснащаемся потребным нам под землёй творческим инструментом (для Юры это всевозможные краски, кисти, резцы по камню, планшет и пара альбомов с пока чистой бумагой; для меня десяток разноцветных стержней и пара тетрадей,— ну и компас с рулеткой и транспортиром для камералки) — и на седьмое января забрасываемся в Млечный Путь. На месяц.

Не декларируя никаких “высоконаучных целей”,— я ещё не вполне отошёл от разгрома нашей кэив-лэб в Старице,— идём на это стихийное Пребывание просто потому, что не пойти на него не можем. Ибо иначе, кажется, Систему не изучить, не понять — *и так хочется почувствовать, ощутить её ВСЮ — огромную, одну на двоих, пока не пропитана она ещё дымом нашего тепла, нашими голосами и звуками — побыть в ней, не отвлекаясь на проклятые ежесекундные возвращения в город...*

Что б только: МЫ и ОНА. И никого больше. Пока это возможно. Пока в Систему никто, кроме нас, не ходит.

* * *

С “ДС” и Кэмами договариваемся, что две недели нас тревожить не будут — после поднесут свежего хлеба, еды и прочего. Решение компромиссное — поскольку поначалу мы требуем себе целый месяц покоя, но нам твёрдо заявляют, что более, чем на две недели, никто от посещения Сьян не застрахован.

: Ладно. Две недели — и то хлеб. Праздник —

— *И какой!..*

: *Что может быть уютней и светлее доброго одиночества на двоих,— когда понимаешь друга с полуслова, когда всё — неспешно, размерено, тихо,—*

* * *

... Просыпаюсь первым. На ощупь включаю миниатюрную настольную лампу, что установлена в нашем с Юрой изголовье и питается от спаренного “2КН-24”, – перевожу её свет на свою половину модуля (ибо перед сном читал Юрка – соответственно, лампа осталась повёрнутой на его половину), – около часа лежу и читаю. Саймак, – или Финней, Брэдбери. Затем аккуратно, стараясь не издавать лишних звуков, вывинчиваюсь из спальника. Беру со своей левой растяжки модуля полотенце – точно такое, по странному совпадению, взял с собой и Кирин, а потому приходится поделить их вешательные растяжки, – спускаюсь по каменной лестнице в нижнюю часть грота. Щёлкаю зажигалкой, одновременно открывая вентиль газового редуктора – газовую кухню нам презентовали Дети Сталкера; “новое поколение – новые технологии”, – поначалу было так удивительно-странно совершать всего одно, почти незаметное движение — и будто в городской квартире вокруг горелки, взятой от самой привычной городской газовой плиты, вспыхивает венчик бесшумного голубоватого пламени... Ставлю на стальные прутики сковородку, наливаю толику масла; когда немного прогревается – выплёскиваю две пары яиц. Взятых в количестве четырёх десятков в должной упаковке – и донесённых до грота без боя. Раздумываю: чем сегодня украсить завтрак. На выбор консервированная ветчина и зелёный горошек. Пока раздумываю, замерзаю – *так медленно прогревается Система от 14 лет холодного камня!..*

: Температура в гроте согласно висящему на стене термометру = +6,5° С. Гляжу на вертушку аэрметра, установленную на входе в грот – пока не шевелится.

... Странное явление мы обнаружили в нашем Млечном Пути: по приходу в грот в нём никакой тяги воздуха не ощущается – однако через 15 минут *в явно монолитную замыкающую грот стену начинает дуть самый настоящий сквозняк.*

Явление это представляется нам необъяснимо-загадочным – но куда ему до того, что мы открыли в Третьей системе! Широченный штрек сечением 3,5 X 2,5 метра ведёт там от Централки в сторону Тринадцатого грота; в конце этого штрека поверху довольно рыхлого бута к собственно гроту уходит шкуродёр. Не широкий и не узкий – проходится на четвереньках. Так вот: *если по широчному и просторному штреку, ведущему к этому шкуродёру, идут хотя бы два человека – в шкурнике начинается такая ураганная тяга воздуха, что сдувает свечное пламя.* Идущие люди занимают не более 1/10 просвета штрека – как они могут создавать такой ветер?..

: С млечнопутёвой кольцевой тягой воздуха мы с Юрой разобрались во время этого нашего Пребывания. По крайней мере, в качественном отношении. *Выделяемые нами и работающей газулькой тепло и пар поднимаются вверх, – далее растекаются по-над обширными бутовыми отвалами, с двух сторон замыкающими грот. Охлаждаясь на бутовом камне,*

эти потоки отдают известняку своё тепло; влагу, что до того была в равновесии с воздухом, поглощает адсорбция. Охлаждённый и лишившийся влаги воздух стекает меж рыхлого буттового камня вниз, подсасывая при этом из приходящего штрека более плотный и насыщенный влагой. Процесс переходит в циклический,—

... С загадкой ураганно-лавинной тяги воздуха у Тринадцатого за два года нашего освоения Съян разобраться никому не удалось.

— Пока яичница готовится, делаю лёгкую разминку в штреке у умывальника; затем наполняю из находящегося тут же водокапа канистры — умываюсь, естественным образом презирая бритьё, но не брезгуя зубными щёткой и пастой,—

: взгляд падает на небольшой пластиковый тюбик серого цвета, что мы с Юрой обнаружили во входном шкуродёре во время заброски. Из инструкции, изложенной “достаточно по-русски”, следовало, что содержимое предназначено для ублажения кожи перед эпиляцией. Что такое “эпиляция”, ни один из нас — как и никто из наших товарищей — понятия не имел; чисто интуитивно мы положили его к умывальным принадлежностям. Кто принёс эту штуку в Систему, так и осталось загадкой. Но оставить её валяться на полу среди камней мы, верные спелеокульту, конечно же не могли.

Умывальник — литровая консервная банка с отверстием по центру дна; в отверстие вставлен гвоздь с пластиковой пробкой-заглушкой. Орошаю, насколько удаётся это сделать в одиночку, верхнюю половину тела (острый нижний конец гвоздя выполняет по совместительству функции “импликатора Кузнецова” и когтей любимой, в смысле выполняемого действия, женщины — впрочем, ледяная водокапная влага остужает игривое поутру воображение), — обтираясь на ходу полотенцем, выхожу в грот. Снимаю с горелки сковородку и ставлю на её место чайник.

В этот момент с академической точностью распахивается полог стоящего на “втором этаже” модуля — и по каменной лестнице, полукругом обнимающей стену, в Гостиную степенно спускается Кирин. Со своим полотенцем через плечо.

: Ставший ритуальным обмен утренними подколами-приветствиями,— далее завтрак. За которым обсуждаются планы на день.

* * *

Первую неделю мы с Юрой просто “вживались в Систему”, занимаясь всевозможной ‘рас-творческой сеятельностью’ поблизости от грота. Для начала расширили раза в три ведущий к гроту проход — ибо одно дело, когда сложившие его шкуродёры приведены в состояние спелеобезопасности — и совсем иное, когда ты двигаешься по нему не на четвереньках, волоча транс за собой, а проходишь, лишь чуть согнувшись. С упомянутым трансом на спине. Эта

архитектурно-творческая работа плавно перетекла в “чисто творческую” – внушающий мысли о Бренном и Вечном, нависший над этим проходом каменный “мост” из пяти, упиравшихся друг в друга, булыганов, я оснастил гуашевой надписью «НИКИТСКИЕ наВОРОТЫ»; затем некоторое время созерцал поставленную вертикально плиту (сильно мешалась под ногами посреди расчищаемого штрека). Плита эта очень напоминала надгробие – тем более, что мы поставили её строго вертикально на другую, оставленную в горизонтальном состоянии... Вспомнив, что на одной из старых съяновских помоек видел чудом не сгнившие кирзовые сапоги, приволок их и подпихнул под вертикальную часть памятника. Подошвами к возможному созерцателю. Получилось достаточно красноречиво. Юра оглядел эти мои усилия – и тут же намалевал на горизонтальной части надгробия соответствующий букетик цветов.

: Водрузил, значит. В качестве поминального напитка был пользован томатный сок – которого мы перед погружением купили аж две трёхлитровых банки.

Затем я вооружился позаимствованными у Юры кистью и гуашевым набором (в отношении всевозможных шрифтов и настенных надписей Юра, как признанный художник, сразу “взял самоотвод” – мотивируя это тем, что “двух параллельных линий по определению провести не сможет”) и отправился “художественно покорять” окрестности МП. “Покорение” сводилось настенному отображению названий ближайших гротов и к перестановке отдельных камней и плит так, чтобы они образовывали некий узор, или структуру (поскольку, в отличие от Юры, даром художника или скульптора я не обладал). Отрадно периодически слышать от посещающих Съяны, что добрая половина моих тогдашних ‘изяществ’ стоит неповреждённой до сих пор – и радует глаза *понимающих* не исказившимися за новые 14 лет названиями и формами...

По возвращении в грот услышал характерные постукивания по камню; за поворотом мне открылась картина “практически аллегорическая” – обнажённый по пояс Кири́н, вооружась кайлом и зубилом, отсекал от известнякового булыгана “всё лишнее”. Формы остающегося подозрительно смахивали на подругу Филина Томку...

– А что, – оправдался он, – самый достойный образец для высечения — из всего, что сейчас ходит в Съяны...

Тем не менее, художественная фантазия (и, возможно, нежелательный конфликт с Филиным) взяли своё — в окончательном варианте скульптура приобрела более абстрактный характер.

Затем Юра отдался Живописи: зачернил одолженной нам Кэмом карбидкой стену в Туманности и белой гуашью нарисовал на чёрном фоне летящую на помеле Ведьму. Никакого отношения к Булгакову творение его не имело — утверждаю сие с полным к тому основанием, что бы ни говорили современные посетители Съян: хотя бы потому, что Булгакова Юра не сильно жалует. Просто Ведьма – и всё. Даже хвостик был нарисован...

По окончании дневных работ следовал ‘обедужин’ – после которого мы

какое-то время философствовали или отдавались игре на наших гитарах в четыре руки, пению в пару глоток и соло,— затем я ложился спать. Следом за мной в модуль вваливался Кирин — и тут возникала некоторая Проблема.

: Дело в том, что ноги у Юры имеют тенденцию *сильно пахнуть*. Проблему эту я решил тем, что научился засыпать за 4,5 секунды — столько времени у меня было от приближения Кирина к модулю до появления его в раздетом виде внутри.

Я засыпал — Юра читал ещё какое-то время, развернув настольный свет на свою половину.

* * *

: Так прошла первая неделя. По истечению которой заметили — наши сутки удлинлись настолько, что отбой происходит ближе к общепринятому утру; пробуждение, соответственно, к четырём часам дня. Как нетрудно подсчитать, средняя продолжительность их составила 28 часов — возможно, они могли увеличиться до 32-х часов, но мне 28-часовой цикл оказался ближе, и поскольку я в нашей связке просыпался первым, на тридцатидвухчасовой цикл (что, как выяснили мы потом, был ближе Юре) сдвинуться не удалось.

— Завершив “творческое вращение в Систему”, на второй неделе приступили к её детальному и спокойному изучению.

Бродили по открывающимся гротам и штрекам, плавно увеличивая кольцевые петли своих маршрутов. Возвращаясь в грот, делали обрисовки пройденного. С удивлением, переходящим в оторопь, созерцали в старых, некогда обитаемых гротах, навалы полусгнившего мусора,— «Р-романтики!..»,— раздражённо рычал Юрка. Прикапывали старый мусор в ямах меж бутовых куч; если находили нечто, стоящее внимания — тащили в свой грот. Найденный противогаз обернулся при незначительном творческом обрамлении “памятником Третьей Мировой”,— осколки *действительно древних* глиняных горшочков со следами лучинной смолы, лампадки, красивые кристаллические друзы, что обнаруживали меж бутового камня — Музеем.

В одном из гротов Второй системы *некий зов* скомандовал заглянуть в малоприметную щель,— заглянули и ахнули: волнистые потёки мундмилхен стекали по стенам; сверху свисали кончики “соломенных” сталактитов... Такая красота, такая радость.

Был удивительный Кайф ощущения пещеры-на-двоих — огромной и нашей...

: Вскрыв пару забутовок, проникли в гроты, что ещё до закрытия Сьян были явно зашхерены от взглядов посторонних. В одном из них нашли невообразимую по любым временам заначку — полбутылки французского арманьяка. К сожалению, закрыта она была неплотно (но, быть может, за прошедшие 14 — а то и больше! — лет пробка от влажности

подгнила),— жидкость внутри хоть и обладала безусловными признаками оригинального напитка, съедобностью не отличалась. Увы. Но абсолютное удивление вызвала находка нестлевшего номера “За рубежом” — года, кажется, 65-го. Читали и удивлялись: *какой дремучий, непробиваемый совок...*

На следующий день, раскрыв аккуратную, но ощущающуюся *поздней* заботовку, проникаем в тупиковый штрек. Посреди него плоский камень — явным столиком; у стен друг против друга два камня поменьше. Сиденьями. Мусора нет,— из всех останков лишь скелет новогодней ёлочки. Всё так красиво и так одновременно уютно — тот самый уют, что дарует минимальное вмешательство в естественные формы грота,—

: *Кто встречал в этом месте Новый год,— и какой это год был: семидесятый, семьдесят второй — или, может, последний съяновский Новый год — 1974?..*

: Ответа нет — но оба чувствуем, что это была пара. Парень и девушка. Ощущение настолько ясное — что кажется: *видим их здесь, сидящих за камушком-столом...*

— Возвращаемся в Млечный Путь, согретье теплом их новогодней встречи. Четырнадцать лет для этого тепла — не время. Пусть сгорит бумага рукописей, стлевают баночные этикетки — *Информация остаётся.*

И пещера делится ей с нами. Впрочем, не только ей:

На этом Пребывании в наш обиход вошла замечательная игра, что у знакомых по работе в ГРМЦ полярников называлась “мандавушка”. Потомок древнего “трик-трака”, она была несколько модифицирована вначале полярниками, а затем мной и Юрой: вместо специального фигурного поля мы стали играть на обычной шахматной доске, чуть изменив правила,— потом увеличили поле до ста клеток и придумали несколько замысловатых разновидностей — спиральный вариант, вариант с “дамками” и “охотничьими мандавушками”; Хруст из ДС написал компьютерную версию, в которой вместо шашек по экрану с клетки на клетку переползали красивенькие разноцветные мандавушки — и при этом шевелили лапками... Постепенно к “мандавушке” пристрастились все Съяны — мы даже проводили чемпионат Системы на звание Абсолютной Мандавушки в командном и индивидуальном зачёте; первые места постоянно занимали Аминь из ДСа и Кирин: безусловно, наиболее экстрасенсорно одарённые в области игр. А возможно, просто мастерски мухлюющие с кубиком... [Шутка имени Язона динАльта.]

* * *

В действительных экстрасенсорных способностях Аминя мы убедились чуть позже,— и весьма шокирующим образом:

Выбросившись в апреле из Системы среди воскресного солнечного дня, развалились на сухой траве на холмике неподалёку от входа — любуясь на

толкущиеся перед плотиной льды и поджидая отставших товарищей. Ну и просто кайфуя от весеннего солнышка после зимнего подземного сезона. Над зеркалом широко разлившейся Пахры кружит пара уток; Аминь берёт гитару грифом вперёд – как базуку или ружьё, – прицеливается колками в одну из них. Делает “паф!” –

– утка, будто подбитая из настоящего ружья, камнем падает в воду.

“М-да...”

– А самолёт — слабо? – вырывается у меня.

: Домодедово рядом. В этот момент в небе как раз показывается ИЛ-86, заходящий на посадку, –

Аминь переводит гитару на него.

– Упреждение на расстояние и скорость сделай, – лениво советует Кирин. Как и я, по-видимому, не вполне понимая серьёзность происходящего.

– Не учи отца – и баста!

: реагирует Аминь, подпуская металлическую птицу поближе. И издаёт звук, соответствующий работе ЗПУ-4.

— *Через положенную паузу самолёт будто подбрасывает вверх, и у него вываливается одно шасси.*

: *ТОЛЬКО ОДНО...*

Все в явной оторопи. Никто ничего не может сказать –

– с ужасом ожидаем, что машина кувыркнётся вниз — затем за дальним холмом раздастся “ба-бах”, – поднимется столб дыма...

Но самолёт так и не падает.

Насколько всё это является совпадением, я до сих пор не знаю.

: *У Аминя действительно был замечательный дар сверхчувствительного восприятия Мира, его тонких структур и взаимодействий. Возможно, проявился он именно тогда, под землёй – в наших походах в Съяны и пещеры Старицы, в нашей замечательной Игре. Что Подземля способствует кристаллизации этих способностей, многие спелестологи и спелеологи знают по себе. Так же понятно, что наши ники не появляются просто так, из ниоткуда. За внешне прикольными фразами и любимыми присказками таилось то самое интуитивное очувствование Мира, что неотделимо от веры в Бога — для меня не было удивительным, что Аминь вскоре стал баптистским священником. И также закономерен был его переход-обращение к традиционной ветви христианства: католицизму. Сейчас у него свой приход – естественно, его церковное имя я оглашать не буду.*

* * *

– возвращаюсь к комментарию об Игре:

С этого нашего Пребывания она стала истинно культовой спелестологиче-

ской игрой,— удивительно тренирующая интуицию и телекинетические способности вкупе с игровой логикой (я даже применял её, как тестирование в некоторых своих спелеонавтических экспериментах) — и любимой всеми.

: тогда мы с Юрой об этом не подозревали. Просто сыграли первую партию, за отсутствием специального поля модернизировав правила движения шашек по обычной шахматно-шашечной доске —

: неожиданно втянулись — и “партия в мандавушку” стала обязательным развлечением во время послеужинного отдыха. Перед сном. К концу Пребывания полностью вытеснив гитарные переборы.

И казалось нам, что мы играем не вдвоём — некто третий (или Третья: то, что всеу зовётся Духом Системы) играет с нами. Поворачивая кубик так, что ни о теории вероятностей, ни о теории игр говорить не приходилось.

... Потом у меня было много других Пребываний. Да, все Пребывания непохожи одно на другое,— каждое запомнилось каким-то своим оттенком, значимостью, открытиями, эмоциями — и все они, в то же время, были схожи. В каждом — удивительное чувство Одиночества в Системе, что тождественно полному слиянию с ней,— выключению из “времени поверхности” и тамошнего социального морока —

: **Такого** чувства Слиянья-с-Системой, такого удивительно-здоровского уюта и ощущения размеренности, сказочной предсказанности бытия, как в этом нашем съяновском Пребывании, больше не повторилось. Никогда.

Ни разу.

: Наши уютные завтраки, сдвинутые во времени пробуждения и столь же сдвинутые отходы ко сну,— работа по камню, гуляния в Системе, возвращения в уютный и обжитой грот, разговоры, чтение, гитары и эта *Игра...*

Передать на бумаге можно список дел, перечень эмоций. Огласить настроение. Ощущение — не передать НИКОГДА.

И так славно было это уютное одиночество-на-двоих, что предстоящая “экспедиция посещения” просто не воспринималась, не укладывалась в сознании. По правде, мы даже не говорили о ней. Не думали.

* * *

— Шок случился в конце второй недели.

В пятницу.

: Проснулись оба, разом — в 15.00, на час раньше срока. В ушах стоял громкий хлопок —

— ЧТО СЛУЧИЛОСЬ: ОБВАЛ???

: Некоторое время лежали в темноте в спальниках. Боясь пошевелинуться. Затем включили свет,— по крайней мере модуль стоял, как и прежде. И ни одна из его стенок не легла.

... Я вылез из модуля первым. Немного страшно было включать налоб-

ник,— выстрелить вспышкой его света в непроницаемо-чернильную тьму перед собой — что увижу? Нагромождение камней, глухую монолитную стену — вместо... Но в гроте всё было цело,— с радостью поведал об этом Кирину. «Погоди радоваться-то,— пробурчал он,— если окажется, что сел расширенный нами коридор... Или, борони Бог, вход...» Надели комбезы; осторожно прошли по штреку — единственному, ведущему к нам из Системы! — он оказался цел.

Тревога понемногу отпускала,— чего не скажешь о недоумении. Ощущение у каждого было, что рухнуло пол-Системы — не меньше.

Из прохода слышался шум шагов, блеснул свет — и в гроте появился Аминь.

— Что это вы оба такие скукоженные?

— Да, понимаешь...

: Объясняем ситуацию. С внутренней радостью, что раз Аминь дошёл от входа до нас, ничего не заметив — по крайней мере, обвал нас от выхода не отрезал. И единственный вход в Систему не сел.

— Погодите... Я как раз в три залезал во вход — и в это время в карьере на том берегу Пахры взрыв был. Наверное, камень взрывали.

: М-да... Так удивительно передался по породе Звук — почти на два километра.

— А чего это вы сидите, кутаетесь в свитера?

: Сам Аминь, разгорячённый бегом по сыяновским коридорам с трансиком через плечо, первым делом по приходу в грот рассупонивается до футболки и джинсов.

— Посиди тут с наше,— ворчит Кирин. — Лучше сразу выкладывай, что принёс. Особенно свежий хлеб и водовку.

— И тушку тоже,— добавляю я,— с прочими пряностями.

Аминь мнётся.

— Понимаете, очень спешил к вам... Всё думал: как вы тут? Две недели-таки...

— Короче, Склифасофский! — рявкает Кирин.

— Ну, в общем, из еды и прочего только банку варенья земляничного принёс. Зато — литровая. И варенье домашнее.

— Так извлекай!

: Чайник к этому времени уже закипел — *мгновенное чудо газовой кухни!* — наливаю в кружки. Аминь извлекает из транса стеклянную банку (как только не раздолбал по дороге?) и водружает её в центр стола.

Затем, сделав паузу, достаёт из-за пазухи чекушку.

— А это — вам за свершившийся подвиг... И в качестве успокоительного: потому как по моим следам сюда целая толпа прётся. Они и принесут — хлебушек и прочее...

— Велика толпа? — интересуюсь я.

— Да Дети наши все... С парой чайниц новеньких...

: характерный взгляд в сторону Кирина.

— Уродливые? — мгновенно реагирует он.

– Наоборот.

– А ещё кто?

– Ну, и никитские ваши. Наверное, все — или почти все... очень много, в общем. Как я по созвону понял. Прослышали, как мы тут замечательно обосновались.

: Кирин оглядывает грот, прикидывая его гостинно-вмещающие свойства, — меня инстинктивно тянет схватить свет, пару банок тушёнки — и рвануть в Систему куда подальше. Денька на два. Ибо просто немыслимым представляется, что этот наш сложившийся камерный уют будет разрушен, разнесён вдребезги теми, кто припрётся с поверхности... Однако: удирать не то, что от своих друзей — от с такой любовью оборудованного и обжитого грота, от нашего славного модуля (между прочим — ещё никитской работы Хмыря), — от запасов книг, еды...

– Оптимальным мне представляется забаррикадироваться изнутри, опустив шкурники, что мы намедни подняли, — говорю я Кирину, — оставив узкую дырочку для подачи сюда жратвы.

– И выпивки, — добавляет Кирин. Вздыхая.

– оба понимаем, что план несбыточен: от толпы никуда не деться.

– Ну, они не все разом едут, — пытается утешить Аминь, — кто-то сегодня, кто-то завтра...

– Спасибо и на этом, — отвечаем мы с Кириным.

: Предчувствия не обманули нас — когда вечером в воскресенье ураганный поток гостей, перевернувший/опрокинувший наше неспешное течение жизни, схлынет (оставив по себе пейзаж, подобный тому, что оставляет океанский отлив на берегу индустриальной зоны), Кирин скажет мне:

– Теперь ты понимаешь, что под землёй может быть *хуже обвала*???

– ЭКСПЕДИЦИЯ ПОСЕЩЕНИЯ.

– К сожалению, да.

...: Они являются (как представляется нам) непрерывно, один за другим (на крайняк парами/тройками с интервалами максимум в полчаса) — с вечера пятницы до вечера субботы, — Дети Сталкера со всеми своими хвостами-чайниками и наши никитские монстры-ветераны, — Струша, Кузина, Хохмач, Дёма, Севка, Колобок, Наташа-Чудо, Нурс, Рыжая Ленка, Кролик со Сталкером, Филин с Томкой, — чередуясь с ними, в грот вваливаются Склизский Змей, Малый Хенк, Мамонт, Сапиенс, Хмырь со своей командой — Ильичом, Феликсом и Питом; Длинный Кира с Наткой, Гарри, Сомоса, Рыбаков, Большой Никитский Леший, компания Кэма в полном боевом составе — со своими хвостами... Плюс какие-то новые группы, привлечённые к освоению Сьянов Кэмами, —

: каждый пришедший автоматически продолжает начавшееся стихийное застолье — требованием чая и выкладыванием на стол аргументов закуски и выпивки... И каждый в первую очередь желает “жахнуть с героями, отсидев-

шими без выхода на поверхность аж две недели” – то есть со мной и Юркой – на брудершафт,–

... Хмырь и Мамонт, сидящие рядом, скалятся, вызывая ощущение приехавшего в грот такси: у обоих в наличии ровно по половинному комплекту зубов. Причём верхнее отсутствие гармонично не совпадает с нижним. Хенк насирует гитару каэспэшными страданиями,– Рыбаков, только что вернувшийся с какого-то архитектурного симпозиума из ФРГ, материт совковую прессу, “письмо Нины Андреевой” и Горбачёва – даже мне эта тема представляется столь избитой, что никак не реагирую – лишь подливаю себе время от времени из очередной возникающей на столе бутылки, и всё глубже вжимаюсь в угол грота — глядя, как мрачнейший в унисон моей оторопи Кирин безуспешно флиртует с одной из пришедших “ленок” (чайниц с этим именем прибыло штук пять, а потому где-то в середине субботы мы перестали их различать даже по номерам); Склизкий Змей с максимально возможной акустической мощностью изрыгает всем известные матерные частушки и анекдоты, в промежутках меж которых “просто матерится” < Апофеоз: звучит анекдот (даже слабонервные к тому моменту настолько притерпелись к склизской лексике, что внимание обращать перестали) о том, как двое в кустах... Известный, в общем, анекдот – более, чем до боли. И в нужном месте – когда должно прозвучать то самое матерное слово, означающее грубый половой акт, все невольно приоткрывают рот и замирают: как при ожидающейся взрывной волне — настолько от Змея никто ничего иного не ждёт. С соответствующей силой громкости. И звучит:

– **«С Н О Ш А Ю Т С Я...»**

Вместо “...”. Уже почти услышанного.

: СЛОВНО ВЗРЫВ АТОМНОЙ БОМБЫ РАЗОМ НАКРЫЛ ГРОТ. Минут пять от шока никто ничего вымолвить не мог... >

: Где-то к исходу суток этого непрерывного застольного праздника я не выдерживаю – и хватаю своей двухдифузорной “зорницей” о камень. Ибо поиному выплеснуть затопившее меня чувство не в силах.

– Ничего,– говорит Мамонт после осмотра покойной,– я её ещё сделаю.

Затем берёт вторую гитару, перестраивает в “ре” под специфический строй Асися –

— и начинает играть “ПСИХООЛОК”: самую культовую никитскую мелодию...

Кирин подыгрывает на своей подземной “долбалайке”. Получается – замечательно. И настроение как-то приподнимается...

– Это что,– говорит, утешая меня, Сапиенс,– сюда даже Висельчак Мурвался... но мы его со следа срубили. Потому что показалось, что если и он нагрянет – в одном гроте все точно не вместится.

... Вот здесь я чуть подробнее скажу о Лёше, прозванном в Никитском Кругу Висельчак Му. Я познакомился с ним в 1983 году в НИКИМПе – Лёша работал в соседней лаборатории и узнав о том, что я хожу в пещеры, выразил горячее желание “немного походить со мной, ибо врачи настоятельно рекомендовали ему заняться спортом”. Дабы сбросить лишний вес. “Излишки веса” наблюдались воочию: при росте в 168 см весил Висельчак 137 кг (когда он спал в персональном “гробике”, лёжа на спине, живот с двух сторон симметричными выпуклостями приподнимал скаты крыши). Сомневаясь в осмысленности этой затеи, я взял его с собой в Никиты. Был готов к тому, что дальше привходовго шкуродёра он пролезть не сможет. Но он *пролез* – и два часа первой нашей никитской экскурсии вёл себя очень стойчески. На другие выходные поехал снова. И остался в Никитском Кругу.

Он был добрейшим абсолютно бескомплексным человеком с по-своему несчастной биографией, – способность Висельчака сказать не вовремя какое-нибудь забойное слово, или традиционно позвонить во время еды отправляла теорию вероятности в самую глубокую и непроходимую дырку. Тем не менее, был нежно любим всеми нами – а уж после участия в кордебалете “Психоолоок” его слава раскинулась шире, чем самые дальние никитско-старицкие окоёмы. Но только представьте: *как человек столь массивной комплекции ходил в наши Никиты?*

И ведь — ходил. Причём очень даже неплохо.

И в Старицу ездил, преодолевая под весом своего шмотника те же самые пешедральные километры, что и мы. Хотя давались они ему очень великим потом.

Но ведь — и в Ходжикент ездил с нами, неизбежно поднимаясь на те же самые высоты, что и мы... И пусть Западный Тянь-Шань – тем более, его фестивальные отроги, не сравнится по своей крутизне с Северным или Южным — для Висельчака это было тоже самое, что иному одолеть Эверест.

Причём без кислородного баллона.

Или герою Мересьеву заползти на вершину Эльбруса.

* * *

В понедельник мы с Кириным обнаруживаем, что круглосуточное “непредусмотренное застолье” сожрало экспедиционные запасы газа, – кухню приходится переводить на аварийный бензин. Готовить на котором после газового удобства – будто перенестись в каменный век из века двадцатого. Но самое неприятное мы с Кириным замечаем лишь на следующей неделе: *выработавшиеся у нас 28-часовые сутки начисто сорваны, – забито, сплющено и размазано пришедшее Чувство-Понимание Системы, – адаптация начинается сначала...*

: Три дня уходят на то, чтоб прийти в себя после этого разнузданного “визита посещения”. Эмоции изливаются в виде творимых мной и Юрой новых спелеоанекдотов – мы придумываем их около 150 (силён эмоциональный

заряд!),– причём половина из них – именные. Два из трёх, в принципе, можно пересказать без мата.

Помимо этого Юра рисует несколько замечательных карикатур – меня посещает муза Рифмовки. Младшая сестра Поэзии и ровесница той дамы (иль девицы – хотя это маловероятно), что овладевает Юрой.

А потому, глядя на с увлечением мазюкающего и черкающего в блокноте Кирина, одновременно записываю на своих листках:

Добрый Кирин – спелик хмурый!

Вспомнишь-ли, как в январе

Стариной трягнувши бурой

Жили мы в одной дыре?

Не без кайфа мы бродили

По Системе, столь живой

Кофе на газу творили

С яйцами и ветчиной

По утрам; по умыванью

Отправлялися гулять —

И часов на “-цать” гулянье

Нам дарило Благодать...

— О, какое это чувство:

Вся Система – как твоя...

Впрочем, рубит стих в капусту

Правды подлая змея.

... Мы работали по камню

Ломом, кистью и хайлом —

И из влаги плит по капле

Наш питался водоём.

Ближе к ночи – переборы

По гитарах в унисон

И большие разговоры,—

Чай, уют, Игра и сон.

Не мечтали мы о кресле²⁰ —

Нам милее Подземля;

Но сто крат милее, если

Посещали нас друзья.

Без звонков и ненатужно

В нашу жизнь внося погром

Заполняли грот и дружно

Заседали за столом:

Сутками – подумать только!

²⁰ Имелась в виду строка из спелеоперифраза Рашпиля известного стихотворения А. С. Пушкина: «То-ли дело: в мягком кресле, развалившись, отдыхать...»,– как символ тяги к городскому уюту.

К чёрту отдых, к чёрту сон —
 Столько выпить, скушать столько
 В зоопарке мог бы слон...

— Эти **кадры** только спьяну
 Могут видаться во сне:

Длинный Кира, что лишь в Сьянах
 Распрямиться смог вполне;
 Два беззубых анекдота,
 До краёв разинув пасть,
 Всё во ртах считают что-то,
 Всех вокруг стебая всласть;
 Разрушая хрупкий мир...
 (Не узнали? Мамонт, Хмырь.)
 Малый Х. / На деле — длинный,
 Только Киры помельчей, но не сильно /
 Он обильно из гитары из своей
 Извлекает серенады...

... Страсть явилась как мандраж!

“ВЫПИТЬ НАДО! ВЫПИТЬ НАДО!!!”

— Весь народ приходит в раж.

Только Кирик тихо киснет
 В кой момент ни погляжу:
 Возложив на мудрость истин
 Жмётся, жмётся к миражу...
 — Где же счастье? Может, вправду
 За бугром? В Союзе — Г.
 Рыбаков ругает “Правду”
 Воротясь из ФРГ.
 Склизский Змей суровость знает:
 Жизнь пройдя от “А” до “Я”
 Он во все слова вставляет
 Правду, матку, “ёб” и “бля”
 Так и кажется — вот-вот...
 Но - !!! — “сношаются” грядёт...
 За столом ещё Сомоса —
 Весь в начальственных заносах,
 Бывший где-то там диктатор;
 Феликс, Пит, Ильич и Сап
 / Сап — великий комбинатор /
 И пригоршня славных баб —
 Натка, Ленка-на-коленках,
 Дети Сталкера кругом;
 Ленка-на-чужих-коленках

(Ждешь убогой рифмы “Сом”?..

– Что ж! С израненной гимн-тарой
 Без подруги хмур и строг
 За пустою стеклотарой
 В трансе автор этих строк:

В голове его – созвездья,
 На душе его – тоска,
 В речи только междометья,
 В мыслях долг на три куска:
 Хоть топись, хоть завывай —
 — иль наверх не вылезай...)
 НО МГНОВЕНЬЕ НАСТАЁТ:

МАМОНТ ИНСТРУМЕНТ БЕРЁТ!

Вновь веселья полон рог —
 — Спляшем, Кира, “психоолоок”!..

Не хватает лишь чутка:

Водки — да Висельчика...

Но о водке сказать могу:

Иногда ну её...

: Только Висельчак Му —

Наше

Спелео

ВСЁ!!!

* * *

В последние полторы недели Пребывания мы с Юрой завершаем освоение Системы. Топология её становится ясной — поскольку поведал о ней в других своих вещах, повторяться не буду. Одна тонкость: именно в этих неспешных изучающих прогулках мы с Юрой открыли “сыяновские настенные граффити” начала XIX века. Фотоаппарата у нас не было, — Юра тщательно перерисовал их в свой блокнот.

: Судя по всему, часть рисунков была настенной живописью секты сатанистов, что действительно существовала в 1820 ÷ 1840 гг.; историкам было известно, что свои мессы они справляли под землёй — но до нашей находки не было точно известно, где. Приятно ставить “исторические точки”.

В начале февраля я вышел на поверхность; Юра ещё на неделю продлил своё “одиночное спелеоплавание”.

* * *

Зима проходит в славном общении с новыми группами, перетянутыми Кэ-

мом из Киселей и Детьми Сталкера из Силикат²¹; в Сьянах появляются свои спелеотрадиции. Одна из которых заключается в том, что первый, приходящий в пятницу, не идёт сразу до своего грота – а поджидает следующую группу неподалёку от входа на развилке, именуемой нами Прик — по поставленному стелой каменному обломку. Выпив со следом пришедшими “привходовые сто грамм” за Систему и Встречу, он уходит; пришедшие дожидаются следующей группы.

Плэера входят в спелеомоду – гулять по Системе в наушниках под песни Гены Жукова²² или под Ж-М-Ж (равно как под старинные записи “Воскресенья”, “Пинк Флойд”, Маккартни и “Юрай Хип”) становится синонимом высшего спелеокайфа: анекдот про летучую мышь, летящую в плэере и врезающуюся в стены, родился в Сьянах именно в том сезоне.

Вновь пришедшие оборудуют свои гроты – по уровню дизайна пока уступающие кэмовскому Шайтану и нашему МП, – но стремление догнать и перегнать архитектурный облик сьяновских столиц заметно. И это радует.

В мае “Маркиз-и-Друзья” проводят очередной аникеевский слёт. На котором, конечно, присутствует всё сьяновское население, – а как же иначе? – и к которому мы с Юрой выпускаем новые газеты: “ТЛСТНСТЬ”, “Кумаристический впрыск” и “Бля ВАСП, дедушки!” —

: естественная реакция подкорки на окружающий “социал”. Со всеми его безобразиями и шалостями, – ну, пусть не со всеми. Пусть — с любимыми. < Так точнее. >

После этого МиДа население Сьян увеличивается ещё на несколько достойных команд.

Соответственно, оборудуются новые гроты.

На фоне общего “кризиса самодеятельной плесени” (не обсуждаемого даже при парном сидении в Альтаире – за очевидностью) и на фоне всеобщей угрюмости и тоски наша сьяновская жизнь выглядит каким-то сказочным,

²¹ В том, что недолгий период “спелеореннесанса” в Силикатах закончился в это время, тамошние спелеолидеры обвиняли нашу сьяновско-никитскую команду: дескать, перетянули из Силикат в Сьяны “всё разумное, доброе, вечное”, что ещё оставалось в тамошнем хождении... Понимаю, что оправдываться глупо (тем более, N лет спустя), – но: сколь бы ни звали, коль не было желания уйти от чего-то, что мешало общению с Подземлёй *именно в Силикатах*, – те же волокиты, или безапелляционный диктат иных лидеров — фиг бы пришли к нам. В наши тогдашние Сьяны. Если умеете делать выводы – делайте.

²² В апреле 1989 мы с Сапиенсом принимаем участие в озвучке и записи замечательного фестиваля “Томская Изба”, где близко знакомимся с Геной; по возвращении в Москву я записываю его первый “официальный магнитоальбом”, – договариваемся с Геной о подземном концерте в сьяновском Большом Колоннике... И Гена Жуков вместе со своим сценическим партнёром и ‘виртуальным соавтором’ Виталием Калашниковым становятся Самыми Любимыми сьяновско-никитскими Авторами.

нереальным карнавалом. Что, конечно, не может не притягивать к нам *ищущих то же* —

: всё больше и больше к нам приходит тех, о ком раньше лишь слышали — и кто только слышал о нас — но за наступившей эпохой всеобщих отъездов, “внутренней эмиграции” и внешней тоски и серости мы более не можем не тянуться друг к другу.

Этакий “пир во время чумы”...

Лето проходит в совместных поездках в Старицу — с Кэмами и ДСом; по осени возвращаемся в полюбившиеся и такие прирученные за прошедший сезон Сьяны. Испытывающий архитектурно-творческий зуд Кэм затевает в Зелёной системе оборудование нового стояночного грота — как и в случае Шайтана, “не просто грота” — подземного многозального дворца, — мы не чувствуем потребности менять Млечный Путь на что-то иное. Единственное, что, к сожалению, приходится сделать из-за нахлынувшего народа — несколько перепланировать привходовую часть Млечного Пути в районе Сторожки: дабы отсечь праздно любопытствующих чайников. Шхериться от людей мы не привыкли — но куда денешься, коль толпы экскурсантов буквально ломятся полюбоваться на киринские рисунки и скульптуры, на сотворённый нами замечательный архитектурный ‘дерзайн’ — очередное строительное ноу-хау: бутылочное окно в бутовой кладке, отделяющей спальную Туманность от ведущего к гроту штрека светится тёплым окошком домика... Когда горит свеча, поставленная с той стороны кладки на маленький столик у этого окошка.

Из Силикат приходит замечательная команда Комбата — на равном удалении от Шайтана и Млечного Пути они оборудуют себе грот БХ, — и в Сьянах появляется Третья Столица.

Наши совместные посиделки с дегустацией домашних ликёрчиков “от рояля и летних дачных урожаев”, сопровождаемые музыкой из колоночек плэера и ритуальной партией в “мандавушку” становятся ещё одной сьяновской традицией.

: Вечер пятницы — у нас в МП. Ужин в субботу — у Комбата. “Магнитофон, Свеча, Гитара...” И наша чудесная Игра — диалогом с Системой.

* * *

Оставшись на неделю с Юрой Кириным (почти, как и год назад — но, в отличие от прошлого года, межрабочая пауза не позволила оторваться от “проклятого города” на большее время), спокойно и неторопливо шествуем по Зелёной системе — наименее изученной нами к тому времени. К тому же в ней активно строится “Кэм со товарищи” — а это значит, что система постоянно перепланируется, оснащается новыми сбоями и забутовками, и роскошного убранства гротами... Осмотрев последнее кэмовское архитектурное достижение, садимся перекурить. Естественно выключив свет. Покурив, продолжаем лежать на пенках наверху бутовой кладки: так не хочется расстаться со спокой-

ным уютom подземной тьмы/тишины,—

К тому же в зале просто замечательная акустика: кажется, что дыхание наше, отражаясь от стен, вырисовывает его объём...

И тут со своеобразным шумом и гамом из-за угла выползает какая-то топо-съёмная команда. Судя по всему — чайничья, к тому же иногородняя и официально-турклубовская: говор, слэнг, темы разговоров — и характерные интонации. Трудятся в поте лица своего, сражаясь в тусклом свете электробычков с грязным мерным шнуром и дилетантски-примитивным туристическим компасом. Естественно не замечая нас. В темноте наверху кладки. Буквально над самыми своими головами.

Особенно выделяется инструктор-руководитель, несущий пургу о Белом спелеологе — прямо в широко распахнутые по причине отсутствия должного света глаза симпатиченькой в полутьме чайницы.

— Зря стараетесь,— с меланхоличной интонацией произносит из тьмы добрый Кирин,— здесь ведь Кэм строится. Этого штрека, например, на той неделе не было — а этого на следующей неделе не станет...

Не знаю, почему — но группа с визгом кидается на выход.

: Таких сюжетных врезок я мог бы привести очень много,— *“но постараюсь писать короче: жизнь не вмещается в размеры строчек...”*

: Тем более, что многие съяновские эпизоды уже поведаны мной в повести «Человеческий Фактор Подземной Судьбы». < А те, что пока не поведаны — например, истории о “Динамическом Ударе”, “Еблокарбидном Перце” и “Рычигане Кызыле” — оставим до какого-нибудь следующего раза. >

* * *

... Ещё одна замечательная команда, состоящая в основном из балашихинских воспитанников И. В. Черныша, оборудует себе грот неподалёку от Большого колонника. Архитектурно заимствуя стиль нашего МП — поверхность стола они делают у себя вровень с полом. Мы такому заимствованию рады: значит, стиль прижился. Грот они называют самым известным латинским словом. Сразу, чтоб потом точно никто не искажил и не переделал название.²³ И чтоб отсечь излишне жеманных посетителей.

— Ах, как замечательно звучало:

— Ребята! А пойдёмте в Пенис!..

: С этой поры в Съянах появилось не только “пенистое пиво”, но “пенистая водка”, “пенистый чай” и “пенистый кофе”. И даже “пенистые макароны” и “пенистая тушёнка”.

Строители Пениса и их балашихинские друзья — Борис (ударение на пер-

²³ Прошло 20 лет,— в Съянах сменилось несколько спелеопоколений,— а название, действительно, никто не искажил, не сократил и даже не пытался переделать. “Вот как входят в топономическую вечность...”

вом слоге), Призрак, Бэтр, Кузя (Сергей Кузнецов), Жолнеж, Танкист, Дима-Мастер, Ирек и Катерина становятся в Млечном Пути столь же зваными гостями, как и мы в Пенисе; аналогично тёплые отношения завязываются у обитателей Пениса с командой Комбата. В результате чего в Сьянах три наши компании слипаются так плотно, как за десять лет до того объединились “УМ”, “Wanderes” и чукаевский “осколочек SCO”.

Поскольку к творчеству все три команды равно равнодушны, поток новых спелеоанекдотов, стихов-перефразов и карикатур наполняет новые, творимые нами маразматки. Просто культовым стал перефраз известного хита Чепмена/‘Чмоков’ (предвосхитивший башаковскую версию “на десять лет ровно”): «Брось, приятель, цивильные сны – погрузись в выходные в Сьяны, и пусть проводником тебе послужит **Борис!** **Борис** знает единственный грот, где народ интересный живёт – **Борис** вас в этот грот приведёт, ведь это – **Борис!**.. Что это за компания, и где она стоит – о том название грота прекрасно говорит: когда пойдёте в Сьяны, обязательно зайдите в Пенис!..», – далее перичислялось население Пениса, Млечного Пути и комбатовского БХ со всеми особенностями поведения, ников и разных прикольных ситуаций. Причём поскольку анекдотические обстоятельства сопровождали нас постоянно, каждый выход частушки-пенисушки увеличивались, как минимум, на один новый народный куплет. Когда поняли, что скандирование более, чем двадцатистрофного текста с одним и тем же припевом на один и тот же сладенький мотив “несколько осточертело”, обратились к другим сокровищницам мировой музыкальной попсы — новые частушки-простебушки творили в ритмике еврейской народной песенки “про курочку”, в нашем исполнении звучащую как истинно панковская смесь рэпа, диско и хеви: «Станем, милая, гротик обживать – поедem, родимая, в Сьяны отдыхать; встретим, милая, на входе Колобка – а Колобок с тоски блесит, по блинчикам, видать грустит...» И так далее.

... От Призрака, Кузи и Мастера узнаю подробности разгрома детского клуба Черныша в Балашихе и их поездки в Кап-Кутан < той самой, описанной в “Пещере судьбы” Мальцевым >; ребята подтверждают версию открытия Каменного Цветка, рассказанную мне на Чимгане-87 ашхабадскими спелеологами. Что, конечно, к изложенной Мальцевым не имеет никакого реального отношения.

Катерина – девушка многих и весьма очевидных достоинств; мы с **Борисом** оба влюбляемся в неё – но поскольку уважаем друг друга, специально для выяснения этого вопроса остаёмся в Системе до понедельника, тэт-на-тэт (народ, уходя в воскресенье, делал ставки: кого из нас они больше не увидят – по крайней мере, в Сьянах), – и поскольку оба ощущаем себя джентльменами, приходим к следующему решению: мне – Система, Катерина – **Борису**. Что, конечно, не исключает их в Систему хождения – как и моего дружеского общения с вышеупомянутой...

Чем сильно разочаровываем весь сьяновский народ, включая Старшего Кэма, – ибо свидетели нашего соперничества уже настроились поесть салатика на чьих-то похоронах (крутость **Бориса**, как и уровень восточно-единоборных

притязаний были всем хорошо известны — и все Сьяны облетела легендарная фраза Кэма, *что он сделает с победителем дуэли — кто бы им ни случился*).

* * *

— всё же: как удивительно порой складывается Время и наши его описания! Написал последнюю фразу предидущего абзаца и стал раздумывать: где Борис сейчас, как сложилась его судьба? Последний раз мы с ним виделись, наверное, году в 1995. Он работал тогда в охранным агентстве; налетел на бабки,— увы: работа охранника-телохранителя в нашей подлой стране не может не выходить за рамки закона (как неотрывна от беззакония “деятельность” ментов и фээсбэшников, и последнее провоцирует первое),— говорили, что уехал в Сибирь на прииски...

И вот, как только я поставил точку — звонок телефона. Вообще-то, когда работаю с рукописью, телефонные звонки принимает автоответчик — но сейчас вдруг, совершенно машинально, я протянул руку к трубке после первого же звонка: не задумываясь, будто ждал этого звонка, или просто должен был это сделать. И услышал голос Бориса. Точно такой же, как раньше,— словно не прошло восьми лет. Словно расстались мы даже не вчера — только что. Конечно, подробности его сибирской эпопеи узнаю позже — примерно через неделю, когда мы вместе отправимся в замечательный поход по нашим пещерам,— Сьяны, Никиты, Старица,— главное: вернулся. Живой. И тоскует-рвётся под землю. Без которой — не жизнь.

: Ну попробуйте сказать после этого, что наши строки не диктуются сверху,— или что Бог оставил нас! Таких “совпадений” — что, конечно, никакие не совпадения вовсе — в нашей жизни “более, чем достаточно”. Например, когда я писал главу “Практической Спелестологии” о спасработах и козлизме профессиональных спасательских структур, по телевизору показывали просто знаковую передачу Николая Николаева “Независимое расследование”, посвящённую дебилизму МЧС; когда писал “Книгу Старицы” — звонит Миша Сохин с последними известиями о результатах своей экспедиции в район Толпино. Писание “Теоретической Спелестологии” иллюстрировал просто шквал спелестологических сообщений — подряд издаются два спелестологических ежегодника РОССИ, Прохор привозит копии столь ценных номеров “Света” и редкие книги с нужнейшей мне информацией,— Кисыч заваливает вырезками из региональных газет... А когда начинаю вспоминать подробности каких-либо спасов, или смерти своих товарищей — все разговоры моих друзей почему-то в это время касаются тех ситуаций, и приходят-собираются “на Шагале” очевидцы и свидетели далёких, полузабытых иными, событий...

: Разве **это** может быть “просто так”?..

* * *

Я мог бы очень долго рассказывать об иных, не менее замечательных спелеознакомствах, что подарили мне Сьяны,— знакомство с Маркшейдером (Андреем Парфёновым) и Димой Галкиным — Глашей²⁴, что переросло в настоящую дружбу; можно было бы рассказать о первой встрече со спелеоводной командой “Летучие Мыши” — наверное, сильнейшей и лучшей спелеологической группой Подмосковья тех лет,— как удивительно мы сошлись с ними с первых же фраз разговора, привели их в Млечный Путь (чай и совместный ужин) — в результате чего ребята решили построиться в непосредственном соседстве с нами: и построились, да ещё как! Грот их по созданному комфортному убранству уже через пару “рабочих выходов” составил зримую конкуренцию и нашему Млечному Пути, и кэмовскому Шайтану,—

: безусловно, нужно сказать о Фантоме.

Он пришёл в Сьяны со своим приятелем самостоятельно, и сразу построился (то есть оборудовал грот) в том самом раскарстованном месте, что звучало, когда проползаешь по нему, как барабан. Грот был назван кратко и характерно: Сыр. В гостях у этих ребят всегда было уютно и как-то очень по-домашнему тепло,— вообще Фантом был добрым и мягким человеком — я специально акцентируюсь на этом даже после того, что он сделал. *Ибо — какими же в то время стали слёты так называемой “самодеятельной песни” (кавычки уничижительные), чтобы такой мягкий и добрый человек вдруг бросился с ножом на доставшего чайника — и зарезал его на глазах у десятка людей???* Дело происходило на городском слёте 1990 года с названием “Юморина”...

... нужно было бы рассказать и о том, как мы с Мишей Сохиным (это было наше первое деловое спелеосотрудничество) задумали создать в Сьянах Спелестологический музей с экскурсионными маршрутами,— как мы месяц за месяцем “пробивали” свою идею на самых разных уровнях — и каких нервов (не считая материальных затрат) это нам стоило; как эта замечательная идея всё-таки сорвалась, рухнула почти на грани своего осуществления,— рухнула из-за самой обычной русской похуистичности и чиновничьих амбиций, но совсем не по нашей с Мишей вине,—

: устав пробивать головой стену, были вынуждены отступить.

²⁴ Свой удивительный ник Дима получил во время учёбы в Московском Топографическом Техникуме — на курсе ставился спектакль по Островскому, а поскольку девушек среди будущих корифеев полевой топосъёмки был явный дефицит, часть женских ролей пришлось играть ребятам. Диме досталась роль служанки Глаши — и он сыграл её с таким блеском, что больше Димой его никто, кроме родителей, не называл. *Вообще было замечено: в Никитском Кругу ни один из тех, кого родители называли Димой, на это имя не откликается — Димочка (как ник, а не “просто уменьшительное”, ибо речь идёт о Д. Сергиенко), Динамитрий, Хохмач, Глаша, Мастер, Демон, Димон,— что угодно, но не паспортное имя. Почему так получается — загадка на уровне Свечения Свода.*

ГАЗЕТНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

“Когда темно – достаточно....”
: из газетных сократизмов

Слава Съян росла и естественно, что кроме стоящих ребят – и просто чайников – в Системе стало появляться всё больше разного рода недоумков. Писать о них подробно не хочется – как нет желания увековечивать ничтожные имена; упомяну лишь об одном жучке с тогдашним ником Маленький Мук. Этот хорёк был пойман на самом настоящем крысятничестве и чуть не убит Борисом – вступилась Катерина. Наверно, он родился под счастливой звездой, потому что независимо от Бориса этого гада подловил и я, но расправы не получилось: Мук предпочёл съебаться, запудрив мне мозги — что он, дескать, не он, а совсем другой человек... Честно говоря, было трудно поднять руку на существо, что заведомо слабее. Какой бы дрянью он ни был. Но поскольку кроме меня и Бориса прибить Мука мог любой из “новых съянистов”²⁵, в Системе он больше не появлялся.

– С удивлением узнал на очередном весеннем аникеевском слёте МИДа, что после Съян Мук перебрался в наши Никиты; прославился и там, украв палатку и спальник у Крота из “Башмаков”... Правда, Крот демагогию разводить не стал — дал Муку в рыло ровно с той силой, чтоб не убить и в тоже время придать скорость, достаточную для отрыва от Никитской Системы.

* * *

На весенний слёт МИДа (1990 года) Струша принёс номер дивной псевдотуристической унитазовки «Туристские новости» со статьёй о Никитах. Дабы не быть голословным, приведу её полностью, без купюр — “ибо оно того стоит”:

КОГДА ТЕМНО, ДОСТАТОЧНО СВЕЧИ²⁶

²⁵ О Кэме-старшем речи не шло: тут было бы не “прибавление”, но размазывание молекулярного слоя, причём по завершении одного ни в какой центрифуге не смогли бы отделить ДНК от РНК, а митохондрии от аппарата Гольджи: столь крупных фрагментов не осталось бы по определению.

²⁶ Газета “Туристские новости”, номер от “17 – 30 апреля” за 1990 год. Обильные “падлзаголовки” и последующий курсив – не моё разыгравшееся

КЛУБ САМОДЕЯТЕЛЬНЫХ ТУРИСТОВ
АЛЬТЕРНАТИВА
ВЫПУСК ВТОРОЙ
ПО СЛЕДАМ ИСЧЕЗНУВШИХ “ЦИВИЛИЗАЦИЙ”

До вертикального выхода на поверхность ему оставалось прокопать не более двух метров, как вдруг свод над его головой рухнул и многотонная масса породы и глины поглотила несчастного.

Что заставило этого двадцатилетнего парня проникнуть в заброшенную каменоломню? Ползать с фонарём по многочисленным выработкам и галереям, отыскивая новые гроты для жилья, спать на сырых жёстких нарах? Жить неделями, а то и месяцами среди таких же, как он? Тех, что поменяли уют городских квартир на пещерную жизнь людей каменного века? Романтика опасности? Юношеское самоутверждение? Или что-то ещё?

РЭД ПОЗВОНИЛ ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ.

— Завтра в восемь утра на вокзале, с собой возьми комбез, каску и фонарь. “Силикатчиков” вряд ли встретим, но быт их посмотреть можно.

“Силикатчики” – молодые ребята и девчонки, средний возраст 15 – 25 лет, но есть и ветераны под тридцать. Всю весну, лето и до глубокой осени когда-то проводили в подмосковных каменоломнях, оставшихся со времён Петра Первого, откуда в Москву вывозили строительный камень для богатых особняков и храмов. Потом старые выработки и шурфы стали вотчиной “хиппов”, бомжей, “зелёных” всех мастей, одним словом, подходящих под столь знакомый нам термин “потерянное поколение”, который так долго был применим к заокеанской молодёжи.

Пригородная электричка и автобус отняли у нас не более часа, и вот наша команда в пять человек у единственного оставшегося сегодня входа в каменоломню. Рэд – достаточно опытный спелеолог, прошедший многие пещеры союзного значения, предупредил, что первые тридцать метров придётся ползти по-пластунски. Во многих подмосковных “силикатах” (общее название подмосковных каменоломен) он чувствует себя, как дома, тренировался на них не раз на скорость прохождения и подземное ориентирование. Предупредил, чтобы мы руками ничего особо не трогали, и как уж скользнул в узкую дыру, в которой, казалось, мы непременно должны застрять. Но странное дело, подтягиваясь на локтях, я всё-таки стал продвигаться вперёд, стараясь не отставать от здоровенных ботинок Рэда. Через пару минут пот уже катил градом, скорее не от усталости, а от нервного напряжения. Стоило на мгновение представить себе, что плита, под которой мы протискиваемся с таким трудом, вдруг сядет на несколько сантиметров ниже и мы получим без всякой очереди очень

воображение: *цитирую строго по оригиналу!* (Позволив себе лишь не печатать с ошибками слова “ацтеки” и “конквистадоры” – ибо есть вещи, переступить чрез которые трудно.)

малогабаритную вечную квартиру на пятерых.

В одном слишком узком месте застрял Максим – наш фотокорреспондент, его комплекция явно не подходила под профессионального “силикатчика”.

– Надо проходить на выдохе, – резонно заметил Рэд, – выдохни воздух и подтягивайся.

Когда Максим, наконец, вывалился из адской щели в небольшое вертикальное углубление, то долго не мог понять, как вообще можно пролезть в такую мышиную нору. Его ободрили, сказав, что назад будет возвращаться гораздо легче, поскольку двух-трёх килограммов своего веса на выходе он уже не досчитается. Здесь же, на небольшом выступе, лежала отсыревшая, пропахшая подземной плесенью, истрёпанная ученическая тетрадь – своеобразная книга отзывов для вновь посетивших катакомбы.

Оставив в ней и свою записку, поползли дальше и вскоре вылезли в довольно обширный зал, на стене которого крупными буквами было написано: “С облегчением!”²⁷

– Отсюда начинаются основные жилые гроты, – пояснил Артём, который шёл сзади и как бы нас страховал.

Ползти стало значительно легче, в отдельных местах можно было даже встать на четвереньки к нашей великой радости. Ещё несколько сот метров по нескончаемым лабиринтам, и мы попадает в большой зал. Наконец-то можно выпрямиться, какое счастье! Луч фонаря выхватывает отдельные фрагменты подземного зала – обрушившиеся крепи более чем двухсотлетней давности, на ощупь они скользкие и кажутся гнилыми, на самом деле поразительно твёрдые, ведь сделаны они из лиственницы²⁸, которая, как известно, находясь в постоянном контакте с водой от времени лишь становится крепче. В специальном тайнике находим герметически упакованные в полиэтиленовый пакет коробок спичек, свечу, банку баклажанной икры (жаль, не чёрной) и четверть чёрного сухаря. Рядом бутылка с бензином, одним словом, народ здесь заботится о том, кто придёт сюда после них, может быть кому-то эта свеча или пол-литра бензина будут очень кстати. Мы прошли вдоль зала и вышли к вертикальному полутораметровому лазу, пробрались через него и оказались в поразительно

²⁷ Сортир Русской Америки, описанный в “Человеческом Факторе”, узнали?

²⁸ Извиняюсь – понимая, что ТАК комментировать можно каждое второе слово этого дивно-развесистого бреда – но! НИКОГДА НЕ РОСЛА ЛИСТВЕННИЦА В ОКРЕСТНОСТЯХ НИКИТСКОГО; ВСЕ НАШИ КРЕПИ – ИЗ ОСИНЫ. И это видно даже не вооружённым учебником ботаники глазом. (Журналистов, желающих подробнее ознакомиться с историей Домодедовского района от древних геологических эр до нашего времени – в том числе с его растительностью и методами разработки белого камня – отсылаю к “Очеркам по истории Домодедовского района” И. А. Горшкова, – учебника, рекомендованного министерством просвещения к изучению в средних классах районных школ – издательство МДС, Москва, 1995 г.).

уютной куполообразной комнате, где без труда могут разместиться пять-шесть человек.

— Жилище первое, “Кошкин дом”,— говорит Рэд,— здесь я в своё время провёл не одну неделю. Очень уютный грот.

Действительно, тут есть даже поролоновые сиденья от автомобиля, полочки для еды и посуды, потолок и полы поразительно тёплые и сухие. Говорят, что в одном из таких гротов одна девочка готовилась к экзаменационной сессии. Ни одного постороннего шума, полная тишина, темнота и умиротворённость, как в склепе. Невольно в голову лезут мысли о гоголевских упырях, покойниках и вампирах.

Впрочем, среди “силикатчиков” хватает и своего ужасного фольклора. Например, последний, кто ложится спать, обязательно должен у входа поставить свечу, чтобы не пришла по души спящих двуликая дева. Бродит эта дева по пещерным лабиринтам и если встречает людей, то показывает им одно из своих лиц. Если увидишь лик молодой красивой девушки — иди смело вперёд — дева тебя оградит от опасности, если же взглянет на тебя безобразная старуха — возвращайся назад, а иначе быть беде. Я, честно говоря, драпанул бы назад независимо от того, каким ликом увидел бы эту пещерную подругу. Байка байкой, но опытные туристы-спелеологи говорят, что от длительного пребывания под землёй многие начинают галлюцинировать, поэтому привидеться может и такое.

А мы тем временем продолжили своё путешествие по петровским каменоломням. Посетили ещё несколько заброшенных гротов-квартир. В некоторых были сколочены нары, стол, в каменных нишах остались миски, ложки, закопчённые кастрюли, самодельные светильники, другая нехитрая утварь.

Один грот сменяется другим: Африка, Семёрка, Адмиральский... и каждый не похож на предыдущий, как не похожи были друг на друга их бывшие обитатели.

И я на мгновение почувствовал себя неким первооткрывателем таинственного некогда существовавшего мира, погибшего вдруг однажды по воле злого Рока. Как погибли древние цивилизации инков и ацтеков под натиском испанских и португальских конквистадоров.

Сейчас трудно сказать, стало ли вторжение в 1986 году современных ²⁹ конквистадоров в милицейских шинелях для “силикатчиков” губительным, но те времена, когда здесь жили целыми коммунами, ходили друг к другу в гости, обживали “систему” каменоломен и устраивали совместные пирушки давно канули в Лету. Погиб мир “силикатчиков”, не понимаемый там наверху, умными дядями и тётями, проводниками социалистической морали и нравственности, десятилетиями лицемерившим и лгавшим этому теперь “потерянному поколению”. И когда фонарь в очередной раз высвечивал из темноты сырые

²⁹ Где эта кавычка должна быть закрыта, так и осталось непонятым. (Аналогичное замечание касается неразберихи с точками, запятыми и прописными буквами.)

нары с полуистлевшим тряпьем или закопчённый помятый чайник, лично мне было не столько жаль, что здесь больше никто не живёт, сколь обидно – не спрятаться от нашей педагогики. И на дне морском найдут, выволокут на свет божий и заставят жить, как все, единообразно-оболваненно.

Вот и получается, когда наверху мало обещанной светлой радости, кому-то достаточно и тусклого света от свечи в подземном гроте. Сейчас в эту каменоломню спускаются лишь начинающие туристы-спелеологи, проводят здесь регулярно соревнования на скорость прохождения “шкурников” (узких проходов и щелей).

Ну, а мы когда вылезли наконец на поверхность, поняли, – во что-то ещё верим и надеемся.

Так было приятно смотреть на сбегаящие к реке весенние ручьи, на распускающиеся почки деревьев и радоваться, что пришла весна – такая ранняя в этом году.

Т. АЛАЗАНОВ

* * *

— Ясное дело, хохотали во время зачтения статьи мы не просто громко. Осины тут же переименовали (“эпоха великих переименований” шествовала по постсовковой поверхности шагами кустодиевского “Большевика”) в “лиственницу Алазанова”; статью обозвали “Лабиринт-2”. Кто-то тут же начал отыскивать “параллельные места” меж двух газетных пасквилей, – хотя, конечно, проще было найти “хотя бы 12 различий”, – другие занялись составлением списка газетных огрехов с их подробно-уничижительным комментарием... И хоть в то время все мы “болели Сьянами”, никитская тема не просто взывала к отмщению. Кто-то из старых никитян обронил в костровом разговоре: – Ребята, а не просозидались-ли мы в Сьянах?.. Смотрите, нас уже заживо похоронили!

Склизский Змей, которому Сьяны не понравились с первого взгляда, просто сказал:

– Какого хера вы потеряли в этих сортирных коридорах???

Лещина, также не принявший Сьяны – то есть просто не посчитавший их за *настоящую пещеру* – сказал, что с нашей “сьяновской эмиграцией” действительно пора завязывать. Если мы не хотим деградировать, как спелестологи. А заодно и с “силикатной” – намекая на очевидное переназвание всех спелестологов в “силикатчики”. Ну и на то, что расслабляющие коридорные объёмы ничему, кроме излишнего расслабления, не способствуют. Что в Сьянах, что в Силикатах.

: ощущение, что мы несправедливо оставили родную Систему, зрело у многих – в том числе у меня. С одной стороны, Сьяны мы изучили, как нам тогда казалось, досконально, “вдоль и поперёк”, и новых открытий не ждали, – ходить под землю ради одного гостевого общения никто

из нас своей целью не имел. С другой стороны, слишком много неинтересного и чуждого нам народу стало хаживать в Сьяны — Никиты же стояли практически пустые. И *наши* во всех смыслах этого слова. Для возвращения *домой* был нужен лишь некий сигнал, повод.

Немаловажный момент: пребывая в Сьянах среди нового пришедшего в них народа в качестве одного из “отцов-основателей”, я ощущал сильное неудобство. Заходишь в грот к до того незнакомой группе, называешься — и чувствуешь, как всё вокруг почтительно смолкает-настораживается... Мол, *Сам Командор пожаловал!* Кто знает, что у него на уме?.. Ни беседы интересной, на равных, не получалось — ни какого либо иного общения. Только поглощение спиртных напитков, предлагаемых оттого, что не налить **такому гостю** — НЕЛЬЗЯ. И если кому-то это положение нравилось — мне лично “более, чем нет”. Не привык я к общению не на равных. К тому же всегда претило нажираться на халяву.

Эта трещина меж нами, “первыми нью-сьянистами” и пришлым населением, росла и углублялась; мы не только психологически отдалялись от новоприходящих — отдаление было моральным и этическим. Хотя бы потому, что *в такой ситуации* трудно различить, добрая команда пришла в Систему иль фуфел какой,— у всех взгляд если не подобострастно-испуганный, то с откровенной ненавистью, раздражением: *ишь, “хозяева Системы” нашлись...* Уклонюсь от философского трала, какой взгляд предпочтительней — меня равно тошнит от обоих.

За усугубляющимся незнанием нового сьяновского народа (и нежеланием, да и невозможностью знакомиться с ними ближе) наши подозрения на воровство и крысятничество (а оно, к сожалению, началось — и нам пришлось шхерить и закрывать свой грот, дабы избежать пропажи оставляемых там вещей и снаряги) поневоле распространялись на всех, кого мы не знали. Среди которых, конечно, даунов и говнюков было меньше, чем стоящих ребят — да поди, отличи в такой ситуации...

В общем, раздражение от посещения Сьян с каждым в них походом накапливалось всё больше. Причём не только у нас, пришедших из Никит — у “Детей Сталкера” и наших друзей из “БХ” и “Пениса” тоже. Как и у Глаши, что хоть первоначально построился независимо, оборудовав для стоянки грот Соломенный,— со своим, отдельным водокапом — постепенно влился в нашу компанию.

— Приближалась дата ежегодного слёта памяти В. Шагала,— оповестили своих друзей по Сьянам и другим подмосковным Системам, что слёт будет “большим и общим”: поскольку всех нас газета приписала к “силикатчикам” и разницы меж нас нет,— а значит, приглашаются все. Вне зависимости от того, как называли себя до выхода статьи. К моему удивлению, народу собралось действительно очень много: были представлены не только все подмосковные Системы — на слёт приехали ребята из питерского Саблино и замечательная команда из Коврова под руководством Жени Богда-

нова – Киса: они хаживали в Бяки³⁰...

< Всё же: как нас объединяет *поганая пресса!*.. >

Костров было что-то около 20; у каждого команда из, примерно, 10 человек, – но быть может, и больше. Точно никто не считал. Это был удивительный слёт — не только тем, что совершенно неожиданно мы увидели: никто не ушёл, не сгинул и не исчез в перестроечном мареве, – все вдруг обнаружили, что мы вместе, вне делений на Системы и поколения – и нас ничто не разъединяет.

И ЧТО ОТ НИКИТ – НЕ ОТОРВАТЬСЯ.

— А какие песни пелись у костров и у памятника в полночь после ритуальной “минуты молчания”!..

: Естественно, главной темой костровых анекдотов была ‘турэдская’ статья и фантастическая история её написания (о которой – не здесь: чтоб точно не упрекнули в “сведении счётов”), – и так же естественно, что очередная маразматка, представленная на слёт нашей группой [редколлегия: Большой Никитский Леший, Кирин, Лещина, Рашпиль и я], была “целиком и полностью” посвящена данной болезненной теме.

Выполнена она была в стандартном “газетно-маразматическом формате” (мы называли его “один ватман”) и называлась, естественно, аналогично газетной статье. Отличала её от прочих наших газет роскошная накладная паутина, выполненная из сплетённых толстых коричневых ниток и аппликационно закреплённая в соответствующих местах листа (когда дул ветерок, паутина шевелилась, как настоящая – символизируя собой “времена весёлых пирушек, канувших в лету”), и цветовая заливка вкупе с размещением материалов: с некоторого расстояния газета представляла собой точную копию эмблемы этого слёта памяти Виктора.

Представляю Читателю стишок из той газеты и список вопросов, ответив на пять из которых любой пришедший на слёт мог получить памятную эмблему. В зависимости от уровня вопросов – красную или синюю. Такие эмблемы делались к каждому слёту памяти Вити и, конечно, всегда раздавались бесплатно; в этом году мы решили несколько разнообразить процесс. Перформанс получился просто сказочный – к вечеру первого же дня газетную статью все цитировали наизусть; наиболее злобно настроенные экстремисты, заготовив крапивные метёлки, ждали прибытия “хауптперсонена” – Рэда, для его публичного высечения: чтоб не повадно было водить всякую гадость под землю и раздавать столь безумные интервью, –

— увы: Рэд так и не пришёл...

* * *

³⁰ Ковровских ребят пригласил друг Киса Кузя – Сергей Кузнецов, один из воспитанников И. В. Черныша, обосновавшихся в Пенисе. Я благодарен Съянам хотя бы за это “двухступенчатое знакомство”, ибо Подземля связывает меня и Киса до сих пор. И так хочется, чтоб эта связь длилась и длилась!..

ВОПРОСЫ НА ПОЛУЧЕНИЕ СИНЕЙ ЭМБЛЕМЫ³¹:

1. На каком свете ходили под землю т. Алазанов (не долинин) и Рэд?
2. Какого размера ботинки Рэда?
3. До скольких умеют считать Рэд и т. Алазанов (не долинин)?
4. На чём резонно советовал ходить Рэд?
5. С чем поздравили т. Алазанова (не долинина) под землёй?
6. Что *ПОПАДАЕТ* у т. Алазанова (не долинина) в большой зал?
7. Чем потел т. Алазанов (не долинин)?
8. Что потеряла редакция туристских новостей?
9. Кто отнял у т. Алазанова (не долинина) не более часа?
10. Чего не должен был досчитаться на выходе Максим?
11. Что провёл в КД вездесущий Рэд?
12. В каком месте застрял Максим?
13. На что вывалился Максим?
14. Кто невольно лазит под землю?
15. Сколько времени проводят молодые силикатчики в подмосковных силикатах, оставшихся со времён Петра Первого?
16. Каких мастей бывает зелёный цвет?
17. Какие потолок и полы в КД?
18. Чего не хватает среди силикатчиков?
19. На чём тренируется Рэд?
20. На что тренировался Рэд?
- ОЧКО: Кто начинает галлюцинировать под землёй?
22. К какой молодёжи был применен термин “потерянное поколение”?
23. Что можно выхватить лучом фонаря?
24. Что заставляет менять уютную жизнь на романтику каменного века?
25. Во что верят корреспонденты (вылезая наверх)?
26. Как нельзя ничего трогать под землёй?
27. В чём опытни туристы-спелеологи???
28. Где Рэд чувствует себя, как в пещере?..

ВОПРОСЫ НА ПОЛУЧЕНИЕ РЭДОВОЙ ЭМБЛЕМЫ:

1. Какие Системы отныне считаются неотъемлемой частью Силикат?
2. Какое число следует в рэдовом рэду после 7?
3. Как страховал Артём?
4. Как называется Адмиральский грот?
5. Где лучше готовиться к экзаменам?
6. Когда в подмосковных лесах росла лиственница?

³¹ Попробуйте ответить самостоятельно – и лишь потом смотрите подсказки!

7. Куда делись времена совместных пирушек?
8. К чему бы журналистам вставать на четвереньки?
9. КАК можно ходить ВДОЛЬ подземного зала?
10. Что такое “вертикальное углубление”?
11. Какой титул выше: пещера или пенсионер союзного значения?
12. Как можно *во что-то* надеяться?
13. Как долго был применим к бомжам термин “потерянное поколение”?
14. Сколько человек могут разместиться в КД?
15. На что существует очередь?
16. Современный конквистадор.
17. Характерное свойство склепа.
18. Злой персонаж данной статьи.

СИНИЕ ОТВЕТЫ:

1. На этом.
2. “Здоровенного”.
3. До семи. Иначе б грот Девятку назвали его настоящим именем.
4. “На выдохе”.
5. “С облегчением!”
6. “Мы”.
7. “Градом”.
8. “Цивилизацию”.
9. “Электрички и автобус”.
10. Части тела весом в два-три килограмма.
11. “Не одну неделю”.
12. “В слишком узком” (в жопе, что-ли?..)
13. “На конец”.
14. “Тоголевские упыри, вампиры и покойники”.
15. “Всю весну, лето и до глубокой осени”.
16. “Всех”.
17. “Поразительно тёплые”.
18. Своего не ужасного фольклОра.
19. “На силикатах”.
20. “На скорость”.
- ОЧКО: “опытные туристы и спелеологи”.
22. К “заокеанской”.
23. “Отдельные фрагменты”.
24. “Что-то ещё”.
25. “Во что-то”.
26. “ОСОБО”.
27. В длительных, непрекращающихся галлюцинациях.
28. ДОМА!

БРЭДОВЫЕ ОТВЕТЫ:

1. ВСЕ ПОДМОСКОВНЫЕ КАМЕНОЛОМНИ!
2. 7-Б.
3. “Бы”.
4. Тайна, покрытая Рэдом.
5. На кладбище.
6. Никогда.
7. “Канули в Лету”.
8. “К нашей великой радости”.
9. ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО СКВОЗЬ МОНОЛИТ!
10. Болезнь, именуемая красноречием и косноречием.
11. Загадка.
12. Тоже загадка.
13. “Так”.
14. “Без труда пять-шесть”, но, как показывает опыт – с трудом три-четыре.
15. На малогабаритные вечные квартиры на пятерых.
16. Мент.
17. Умиротворённость.
18. Рок.

**“КОГДА ТЕМНО – ДОСТАТОЧНО СВЕТИ!”
или ЛАЖБУРИНТ-2:**

Жили два отважных друга:
Алазанов (не-долинин) –
Простодушный журналист,
А второй был Рэд коварный,
Что в больших ботинках ходит –
То носки наверх наденет,
То носки под низ заправит –
Что хочет, то и творит он.

– Ну, а вам какое дело?

: Ведь его это ботинки...

После полночи обычно
Журналисту Рэд звонил,
Братъ велел комбез и каску –
Хоть одну, а может – две,
Цвет любой, размер как хочешь.

– Ведь твои же это каски.

— Силикатчиков не встретим,—
 Журналисту Рэд вещал,
 Безопасность обещая —
 Так как их встречать не стоит:
 Можно ведь не досчитаться
 После встречи головы —
 Иль ещё какого члена
 Килограмма в три по весу...
 Так хоть быт у них посмотрим.
 Интересный у них быт,
 Не похожий на другие —
 — Так ведь их, а не совковый.

: Рэд себя ну прям как дома
 Ощущает в катакомбах.
 В “силикаты” залезая
 Лишь для мускулов развития
 И ботинки освежить.
 Он уже бывал в пещерах
 Всесоюзного значенья,
 И глубоких, и широких,
 И ужасных, и прекрасных —
 Словом, ОЧЕНЬ ВСЕСОЮЗНЫХ —
 — За границей нет таких!

... Мчались на паровозах,
 Пароходах, самолётах,
 Броненосцах, бэтээрах,
 Танках, пушках, дирижаблях,
 На собаках и оленях
 И раскрашенных слонах —
 И в цветочек, и в горошек,
 И в полоску, и в квадратик,
 И в зелёный камуфляж —
 Глюками не загружаясь.
 Контролёры были в шоке,
 Контролёры были в жопе,
 Контролёры лишь бледнели,
 “Видом душу теребя” —
 Не могли никак заметить
 Здоровенные ботинки...
 Не заметишь — не поймаешь,
 Догадался МУДрый Рэд,
 Смахивая пыль с ботинок —
 — Ведь его ж это ботинки.
 — Ну, а вам какое дело

До стилистики убогой?
: Можно прочим – можно нам!

А потом в каменоломни
Опускались две недели:
По тридцатое апреля
Аж с семнадцатого марта,
Но, быть может – с февраля,
Или мая, иль июня –
Иль с семнадцатого года.
Потому что с временами
Да и с датами у них
(Как и с цифрами со всеми)
Небольшая закавыка:
Дело было не в Пенькове,
Дело было не зимою –
Уж ручьи текли всюду,
Даже почки распустились –
А врачам известно: крыша
Уезжает по весне
И теперь никто не вспомнит
Что отняли электрички:
Ведь свидетелей-то нет!
Ну а если даже были,
Не догнали ни за что бы:
Видно было лишь ботинки
В жуткой тьме каменоломни,
В зыбком пламени свечи,
Между плит тоскливо-страшных,
Что на выдохе проходят,
Попадая на конец.
“Лишь бы встать на четвереньки!”
Думал бедный Алазанов
/ “Только бы не обоссаться!”
Добавлял он не для прессы,
“С облегчением!” читая / –
Пот катил с бедняги градом.
В их геройском заползанье
Всё смешалось: суть и время,
Селезнёвские шпаргалки,
Стены, пол и потолки,
Плиты, шкурники и штреки –
Сотни метров проползали
Через крепкий монолит,
Через ямы и завалы,

Через лиственные крепи:
 Ориентир – ботинки Рэда.
 От ботинок богатырских –
 Тех, что Рэд носил с улыбкой,
 Разбегались в диком страхе
 Бомжи, хиппи, пацифисты,
 Панки, люберы и зэки,
 Урки, рокеры, мажоры,
 Лесбиянки, гомосеки,
 Проститутки-наркоманы
 Всех расцветок и мастей,
 И эсэры, и кадеты,
 Монархисты и эсдэки,
 Анархисты-похуисты,
 Либералы-демагоги,
 Демократы-реваншисты,
 Сионисты-русофилы,
 Негры, белые, китайцы,
 Инки, майя и ацтеки –
 Все утерянные расы,
 Все ушедшие народы
 С молодёжью во главе –
 Всех времён, цивилизаций,
 Всех галактик и вселенных,
 Всех космических просторов
 И глубин бездонных кварков.

– Каковы ботинки Рэда?

: Очень странные ботинки!

Это вам не фунт изюма!

: Никогда б так Рэд не лазил,

Если б не было ботинок!..

– Ну, а вам какое дело?

: Что он хочет, то и носит.

Если б не было ботинок –

Не было б и этой были!

: *Каждый пишет, как он дышит.*

Чем он слышит – тем и пишет,

НЕ СТАРАЯСЬ УГОДИТЬ...

А куда — не наше дело:

: Так Природа захотела.

— ПОЧЕМУ???

: *Т. Ало-задов.*

* * *

... После этого слёта в Сьяны мы вернулись только один раз: забрать спальный модуль из Млечного Пути, хранящиеся там ломы, лопаты и прочий раскопочный инструмент,— и кухонное оборудование. Вместе с нами в Никиты из Сьян перешли “Дети Сталкера”, а также Кузя и Глаша.

“Сьяновская эмиграция” Никитского Круга закончилась.

В сентябре торжественно вскрыли вход МЖД8М — что заплыл глиной незадолго до взрывного закрытия Никит горкомом, а потом, при проведении взрывов, был завален фрагментами расколотого скального козырька. Вскрывали с двух сторон одновременно — снизу и сверху, и в горячке работы чуть было не сделали два параллельных входа... Но вовремя услышали друг друга — ибо раскопочные группы были впервые оснащены подлинным “спелеоноухау” того времени: УКВ-рациями. В какой-то момент сигнал стал весьма отчётлив, затем слышимость стала падать: для радиосигнала метр расстояния в грунте аналогичен паре километров поверхности. Догадались, что просвистели мимо. Сбойка меж стволами прошла на высоте в метр от дна колодца, что копался сверху — и на таком же расстоянии от свода шурфа, что мы делали снизу вверх.

Новый, 1991 год, встречали в Никитах. Втроём: я, Глаша и Кузя. Так удивительно-уютно, камерно,— и так неожиданно... Ибо изначально народу собиралось довольно много, но “человек предполагает, Подземля располагает”: кроме нас, по тем или иным обстоятельствам, больше никто не приехал. До самого последнего момента мы не знали об этом — сидели за праздничным столом в ЧП, вздрагивая и оборачиваясь на каждый, мерещащийся нам от входа, звук,—

: В честь своего возвращения/прихода в Никиты натащили кучу продуктов, принесли лучшие уэмовские газеты за прошлые годы — красиво развесили их по стенам грота; роскошную лесную красавицу украсили не только игрушками, но и гирляндами разноцветных лампочек (иронизировали: “на ёлке висит 72 двухбатареечных фонарика”, — ибо гирлянды состояли из 72 двух-с-половиной-вольтовых лампёшек), питаемых от 30-амперных аккумуляторов,— от них же работал мой плэер с колоночками, привезённый за год до того из ФРГ...

: Развешивали по стенам Четвёртого Подъезда газеты, гирлянды и “дождики” из фольги, устанавливали ёлку, украшали её, подключали акомы к мигалке и гирляндам, готовили Новогодний Стол, к которому натащили Целое Изобилие,— под должный акустический уют колонок плэера — и гадали: кто придёт, во сколько,— как среагирует на творимое нами великоление... Замирали от каждого, кажущегося от входа, звука,—

Ожидание пообещавших явиться гостей плавно сменилось чувством облома — затем, когда поняли, как же нам на самом деле хорошо и уютно втроём (в таком изобилии, к которому смело можно было приплюсовать и Систему — огромную, принадлежащую в этот Новый год лишь нам троим),— когда осозна-

ли это, явилось странно смешанное чувство: радости, что так неожиданно славно встретили Праздник Праздников – и сожаление за всех не пришедших, не испытывавших этого чувства.

Но одно исключает другое.

Тем более, что через две недели, на Старый Новый год, в Никитах собралась настоящая толпа – пришли-явились, причём без какого-то предварительного созвона, все, кто собирался встречать в Никитах Новый год календарный — оба поколения никитян, то есть “исторические эмигранты” и наше съяновско-старицкое пополнение, и современные обитатели Никит: “Башмаки”.³² Со своими молодыми “хвостами” и “хвостихами”.

– И это тоже было здорово. Мы с Глашей и Кузей так и не решили, какой из альтернативных новых годов был встречен/отмечен лучше. Ибо каждый вариант был славен по-своему.

— Когда вернулся из расхолаживающих, расслабляюще действующих Съян в Никиты, поймал себя на удивительном чувстве: *ползёшь по, казалось, наизусть знакомому шкурородёру – с трудом прорываясь после съяновских коридоров сквозь его каменные объятия, – вспоминаешь, с какой лёгкостью пролетал это место прежде – и кажется: всё, что помнишь, было не с тобой, – с кем-то иным; ты помнишь это, как помнишь увиденный фильм, страницу прочитанной в детстве книги...* Но ощущения чувственные – как и чувственные воспоминания – отсутствуют напрочь.

: да и зрительно помнишь, оказывается, не всё. Фрагменты.

: Путался в частях Системы, что прежде знал наизусть, – вытягивая из шкурородёра застрявший транс, просто не мог представить – *неужели это я, всего два года назад, легко проносил здесь “в один приём” пару не меньших по объёму трансов и укутанную в не столь противоударный чехол “зорницу”???*

“Отвык от Системы” — наверное, да. Было стыдно этого чувства.

Казалось, Система также отвыкла от меня – я для неё ныне не более, чем неофит. Чайник. < *Чувство Системы*, – или, если угодно, ощущение Её, своего контакта с Ней – без сомнения, знакомо каждому спелестологу. Чем больше человек привязан к какой-то конкретной Системе, тем оно выражено сильнее — впрочем, спелестолог со стажем общения с Подземлёй более пяти лет³³ спосо-

³² Об этой замечательной никитской команде и трёх её поколений – в “Человеческом Факторе Подземной Судьбы”. Если бы не они, возвращаться нам было бы некуда: именно “Башмаки” сохранили Никиты *в хождении* за время нашей “сяяновской эмиграции” – их жилые гроты и водокапы, и поддерживали созданный нами Старьёвщик в противообвальном состоянии — выгребали из него “ритуальные весенние гавнищи” (каждой весной Старьёвщик, лишённый защитного козырька, замывало просто люто) и расчищали откалывающуюся от потолка ‘штукатурку’, что разрывала зимняя проморозка входа...

³³ Это весьма усреднённая цифра, потому что у кого-то ‘спелеопросветление’ наступает уже на первом году хождения, или даже во время самого

бен любую Систему почувствовать практически сразу, уже после получасового пребывания в оной. Как и ощутить *отношение нещеры к себе*. >

Чтобы *вернуться в Никиты по-настоящему*, нужно было заново в них вращаться. Для чего есть лишь один стоящий способ: ПРЕБЫВАНИЕ.

Ибо таким же Пребыванием мы с Юрой росли в Сьяны.

Но поскольку сейчас речь могла идти лишь о моём персональном чувстве, пребывание должно было быть одиночным. Изолированным или нет — без разницы; но во всех смыслах — моим. Личным.

: Хотел я того или нет, жизнь сама вернула меня к оставленной в тяжелейшей фрустрации спелеонавтической тематике. И вернула к Никитам. Поскольку “без дела” сидеть/высидживать под землёй полагал невозможным, из памяти неизбежно вытянулись все недоисследованные мной проблемы, за занятие которыми сполна получил от дуры-власти. И от её спелеоприпешников.

< Можно сказать: не за занятия, — за попытку. Но от того был сильнее внутренний интерес: ибо даже для себя самого ни на один из поставленных тогда вопросов не то, что “приблизительного”, “качественного” — никакого ответа не получил. Если не считать ‘зоологического’ Контакта с тем, что мы всеу называем Двумикой (этот мой опыт описан в “Кейвлайвинге”), — но ведь даже тот, “как бы удачный”, эксперимент с настоящим, хорошо рассчитанным опытом, имел столь мало общего... >

Для того, чтобы *вращаться в Систему*, с лихвой хватило бы месяца. А то и недели. Или двух. А потому не могу сказать, что меня повлекло, что заставило решиться на трёхмесячное Пребывание (первоначально задуманное, как 75-дневное), да ещё с весомым научным апломбом —

— о котором логика говорила: человек не в силах менее, чем за полгода < а то и за год! > подготовить и осуществить всё, задуманное мной, — логика утверждала: без капитальной финансовой, приборной и прочей поддержки “официальной науки” нет никакого резона этим заниматься, — хотя бы потому, что всё, что добыто из океана вселенской информации без санкции этой самой “науки”, никогда не будет востребовано/признано ею, —

— Но что мне: “официальная наука”?.. Объялся в своё время “по самое нихочу”. В конечном счёте пред любым исследователем стоит лишь один вопрос — *тебе нужно это?*

Вопрос данный можно сформулировать иначе (например: что ты именно хочешь узнать?), — суть не изменится. Местоимение “ты” неизбежно в этой фразе — ибо на первом плане любого исследования, в первооснове его лишь взаимодействие исследователя и Мира. Прочее даже не костыли. И не киот наших поступков и мыслей — условности. Соблюдение которых важно *не*

первого визита под землю — иной до конца жизни мыкается под землёй, подобно слепому котёнку. Наивно полагая, что кроме вербально выражаемых сущностей мир ни из чего больше не состоит. Так лица без музыкального слуха отрицают какую-либо ценность классической или джазовой музыки; меж рок-музыкой и шумом ставят знак равенства. И этим гордятся.

тебе,— кому-то стороннему, третьему. Что на халяву готов попользоваться тобой, твоим интересом к познанию Мира — ну и добытыми Знаниями.

И вся недолга.

: Мне было важно разобраться в этих вопросах *для самого себя*. Мне было важно повторно врасти в Никиты, вновь слиться с ними — как был слит и единен когда-то.

Наверное, можно сказать: меня вынудил к этому Пребыванию тот же Зов, что не отпускал из Мира Подземли вообще.

: Стихия неуправляемая. А значит, говорить всерьёз о какой-либо “логике” применительно к ней — глупо.

Требующиеся мне для биоритмических исследований приборы частью спаял/сотворил сам — спасибо бывшему опыту. Часть приборов осталась от запланированного, но так и не проведённого Пребывания 1987 года. Что невозможно было сделать самопально — достал. Проблему финансирования решил просто: залез в долги, подобно Сифру,— в отличие от него зная, что расплачиваться буду не литературными результатами Пребывания (ну какая надежда на это может быть *в нашей стране?!*), но вполне реальным гонораром за высотную промальпинистскую работу.

В заброске помогали Глаша с Кузей. И старые мои никитские друзья: Сапиенс, Лещина и Гарри.

: *Об остальном поведано в “Кейвлайвинге” и прочих моих подземных повестях.*

После этого Пребывания в Никитах началась Другая История; впрочем — не только в Никитах.

И поскольку она ещё не закончилась, опишем её чуть позже.

А пока обратимся к нескольким “частностям” — о которых не сказать невозможно.

НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ПОМИНКИ

*“И сквозь жёлтый туман
улыбались мне младшие братья...”*

: С. Лещина

... Самыми младшими из “никитских братьёв” были Колюнъка и Серёнька. Собственно, лишь они из этой команды были настоящими родными братьями,— остальных связывали подземно-сводные узы, выразившиеся в групповом ньюнэyme.

Появились Серёнька и Колюнъка в нашем кругу так:

Однажды Зелёный Змей со Светиком (это был год, когда супружеские пары “Уэма”, одна за другой, обзаводились детьми) прогуливались в окрестностях Коломенского пруда. И увидели двух ребятнишек, ловивших рыбку.

Делали ребята это столь сосредоточенно, что было ясно: не приколы – потребность. Да и с одежкой у них было “не очень”, – естественно, Змей и Светик повели детей к себе ужинать. За разговором выяснилось: отца нет, мать пьёт, – и так далее. Обычный совдеповский набор счастливого детства —

: Ребята остались жить у Змея со Светиком.

С мамой проблем не возникло – кажется, ей тогда было просто всё равно.

Таким образом, в отличие от остальных никитских пар, Змей и Светик обзавелись сразу взрослыми детьми. С которыми, конечно, в ближайшие выходные появились в Никитах. Где ребята получили естественный ньюнэйм Змеёныши.

В Никитах Змеёныши не просто прижились – за год они в совершенстве освоили Систему, ставшую их подлинным Домом, – обзавелись полным комплектом снаряги и настолько органично влились в Никитский Круг, что в разговоре/общении просто забывалось, что одному из них всего 12 лет; второму 13.

: Возможно, заслуга этого стирания возрастных границ в безусловно объединявшей нас славной пещере и их фамилии (когда выяснилось, что фамилия ребят *Никитины*, всем стало ясно: это не просто совпадение) — но быть может, виновато “счастливое детство”... Общаясь в те же годы с “никитскими чехами”, заметили: наши ребята против сверстников из демократического забугорья выглядят много старше.

Змеёнышей любили все в Никитском Кругу. Но более других, конечно, Зелёный Змей и Светик. И Ванька Мамонт – сразу углядевший в них “ту молодую шпану”, что по призыву БГ должна была “сместить нас с лица земли”.

— И всё было бы так славно-здорово...

: Но —

В 1987 году – уже после взрыва Никит, когда всем нам казалось: многолетняя война “гэбухи” и спелестологии кончается за полной своей бессмысленностью ввиду явно меняющегося времени – Серёнька и Колюня *сели*.

...: Сели по-глупому, “по уголовке”, – впрочем, в проклятые совковые годы все так или иначе садились по ней: даже мои друзья за участие в антисоветских демонстрациях проходили не по “70-й”, а по “206²” — как “злостные дебоширы и нарушители общественного порядка”, –

: Что говорить о более ординарных случаях?..

Не хочу врать, что мы были ангелы – ангелом в христианском смысле этого слова никто из нас, безусловно, не был. Любого так или иначе можно было “взять за жабры и предъявить соответствующий иск” — было бы желание... А уж повод найдётся. Тем более – коль ты, живя рядом с “Варшавкой”, имеешь своеобразную привычку не переодеваться в цивильно-чистое после посещения Никит и двухсуточного ползания и валяния в тамошней глине – а ехать в электричке “во всей боевой подземной красе” с принципиально невыключаемым к тому же налобником (чтоб окончательно разрядить его до номинальной

величины перед следующей зарядкой), с грязным трансом за спиной...

: Согласен – привычка не самая лучшая. И запах от выпитого и скверно закушенного накануне... Впрочем — при чём тут “запах”? Зачастую *от всего вагона* воскресным вечером в те годы пёрло так –

— конечно, сыграло свою роль то, что они ходили в Никиты и не прекратили своего хождения после “официального закрытия Никит домодедовским горкомом” — через месяц после взрыва мы вскрыли заначенный от властей вход, и хоть хождение наше в те годы зримо пошло на убыль (кто в торговлю ушёл, кто в промальпинистские и компьютерные заработки, кто в автосервис — из сотни никитян “в хождении” в родную Систему осталось, дай Бог, полтора десятка самых упёртых фанатов),— видимо, и оставшаяся “малость” *кому-то казалась опасной*. Не просто нежелательной. Да и время-то менялось весьма и весьма условно. Иной раз даже было трудно понять, в какую сторону дуют невольные политические ветры,— знаменитое “письмо Андреевой” помним? А мрачные шуточки того времени – что обещали всем: после перестройки будет перекличка, затем перестрелка?..

Потому никто особо не удивился, когда на фоне провозглашённой “перестройки” власть вдруг взялись за нас истинно всерьёз: за всех и за каждого. Кого вызывали на работе в “первый отдел”, кого стращали в ректоратах грядущим отчислением “в двойку пешую иль в тройку водную” — весьма альтернативных государственных видах туризма,—

В общем, всем старались досадить: не мытьём, так катаньем. Даже если кто не замечал за собой дежурной опеки – не факт, что её не было. Просто до поры, до времени она не проявляла себя. Но *при соответствующем случае* — скажем, при устройстве на новую интересную работу, получении вызова-приглашения из ‘забугорья’, защите дисера, сдаче диплома –

Или как случилось с Колюнькой и Серёнькой.

: Статьи у ребят были хоть и грозные (“попытка грабежа и изнасилования” — “нон пенис киний”) – но трудно доказуемые. Особенно с учётом личности “якобы потерпевшей” и кое-каких обстоятельств “места и образа действий”. Да и молодости наших героев. Дело тянулось чуть-ли ни год,— всё шло к тому, что можно будет откупиться: следак уж взятку (как водится в этой стране) был готов взять, о размерах которой договорились,— всеми Никитами скидывались, потому что страшно жалко было парней — самых младших из нас...

Да *кто-то*, видимо, дал строгий наказ: **сажать, и точка.**

— И ПОСАДИЛИ. Для острастки остальных. Старшего, оснастив “пятериком”, отправили в зону для малолетних; младшего в аналогичный дурдом. Дурдом, совмещённый с зоной – такой ад, который никакому Данту не снился, даже в самом кошмарном сне. *Тем более, что значило это практически бессрочное заключение.*

И вот, пока старший Серёнька тянул свой вполне конкретный срок в “подростковой” зоне, а потом по возрасту перешёл во “взросляк”, младший, соответственно на год позже, был переведён из детской “дур-зоны” во взрослую. Ни

о какой “комиссии” речи с его диагнозом идти не могло. И в этой взрослой “дур-зоне” он встретился с кем-то, от кого узнал нечто столь важное, что дал дёру и объявился в Москве.

: У наших. И написал Серёньке в зону “маляву”, в которой в туманных выражениях — иначе б просто не дошла — поведал, что знает теперь о кое-чём столько, что за жизнь свою не даст и новой копейки...

— **А потом он погиб.** Пошёл под землю,— естественно, в родные Никиты, и не один,— хотя никому не сказал, *с кем.*

Первая — и очевидная для многих причина смерти была названа, как только обнаружили тело и остатки его подземного лагеря: *алкогольное отравление, усугублённое “колёсами”*. Но вот в чём штука: **ОДИН КОЛЯ НИКОГДА В ЖИЗНИ НЕ ПИЛ.** И вообще любителем спиртного не был — и “по возрасту”, и потому что на примере своей семьи видел, к чему приводит алкоголь. Это знали все наши — кто ходил с ним под землю до того. Да и не за тем уходят под землю, чтоб в одиночестве водкой накачиваться в сочетании с тормозухой в явно смертельных, запредельных дозах. Тем более, что накануне у него был серьёзный разговор с нашими — с теми, у кого он “вписался”, — и хоть настроение после тюремной “дурки” было у него, конечно, скверное — настроен Колюня был не умирать, а наоборот: **ЖИТЬ.** Выжить, что бы ни ломало. Как бы хреново ни приходилось —

— *иначе зачем “срываться в бега”?..*

Сдохнуть проще в зоне,— да там, считай, и не живёшь...

У Склизского Змея он арендовал свежезаряженный коногон — с патроном, переделанным под стандартную “лампочку-трёшку”. То есть с сорокачасовым запасом света. Как своего рода знак: *точно иду вниз,— вернусь обязательно через пару суток...*

: Пещера ведь лечит, снимает любую хмарь, блажь, гнилое настроение,— всё это за годы хождения мы очень хорошо поняли. И не один из нас в мерзкие минуты жизни, когда сил *выжить наверху* не оставалось, приходил туда, под наши каменные своды — и воскресал. Даже если шёл совсем с иными намерениями...

: Так что получается, шёл он совсем не умирать.

И собирался вернуться — иначе к чему “афиша” с коногоном: верный знак, что будет спасаловка?.. А уж если и решил выпить (возможно всякое — алкоголь для многих из нас является лишь усилителем того сказочного кайфа, что дарит Система), что такое “передозняк” после всякой дурочной химии, знал наверняка. И отношение у него к “колёсам” было *однозначно отрицательное*: никогда он не стал бы жрать “тормозуху” с водкой на пару,— если б, конечно, не задумал гарантированно “кинуться”. Но об том я уже написал. И что такое *труп в Системе* для всех нас, знал прекрасно. Тем более — в день смерти Виктора Шагала, 27-ого июня...

— **Ибо случилось всё это в тот день:** в его печальную годовщину. Нас ещё удивило, почему он — как залез накануне в Никиты, так и сидит, не выходит наверх,— а ведь так хотел увидеть всех на-

ших... Ну да списали на то, что настроение у него не самое праздничное было. Вполне мог выбрать меж шумной толпой и одиночеством – последнее. Как многие из нас выбирали. По крайней мере, случиться с ним ничего не могло: Никиты он знал не просто замечательно, – абсолютно (если уместен такой эпитет) и свету у него было – проверенного, надёжного – в достатке.

: Сорок часов свежезаряженного коногона. Плюс свечи. И своеобразный плекс.

Да и день был такой, что в голову никому не пришло как-то специально о Колюньке заботиться: наверху народу масса, многие друг с другом не виделись “с прошлого Шагала” за редкостью наступившего подземного хождения и городской суетой, –

: *Общение, песни, трёп, мемуары, – п а м я т ь ...* Сидели у костров в лесу на горе над пещерой нашей и вниз почти не ходили. Только ко входу спустились, перед самым отъездом в воскресенье вечером уже: проверили, под землёй-ли он. Но рюкзака его цивильного, что перед тем два дня у входа лежал, на месте не было. Как и записи в Журнале. Удивились, конечно, что же это он так: просидел под землёй три дня и, ни с кем не поздоровавшись даже, в город сорвался...

: Мотался же он, чтоб менты не вычислили – каждый день с одной “вписки” на другую. То есть заметал следы не хуже Змея Зелёного и Ваньки Мамонта – учителей своих... И мы сами до него никак достать не могли. Но особо не волновались: знали, свинтить его не так-то просто, – остальное было не важно. В том числе и коногон – железка... Хотя и нужная, конечно.

– А через неделю сразу три наших команды вновь поехали в Никиты. Лещина со своими учениками, группа Киса из Коврова и старая “юго-западная сборная”: Длинный Кира, Юра Киринов, Склизский Змей, Вася Тихонов и Иван Рыбаков. Поставили лагерь на любимой нами полянке в лесу чуть выше родника; Лещина повёл своих детей на осмотр Никит; следом отправились ковровцы – наши же в лагере остались матрасничать.

— И тут появляются Лещина с ковровцами. Бледные, трясущиеся. И коногон у костра на траву ставят. Склизский видит – его коногон, то есть тот самый, что Колюньке был даден. Попробовал его включить – лампочка чуть вспыхивает и тут же гаснет. Значит, разряжен почти до упора. Но был выключен... Нашёл же Лещина его довольно далеко от тела: метрах в пятидесяти, за поворотом: в самом конце плоского щелюгана, – то есть закинуть его туда Коля даже в судороге не мог. Лещина на его случайно наткнулся, – получилось, чуть-ли не одновременно с тем, как ковровцы обнаружили тело.

... Лежал он навзничь, в комбезе на голое тело – то есть без свитера, без тёплой одежды, – как наверху по жаре ходил, – и почему-то без одного ботинка... Пятна отравления на коже характерные были ясно видны. Если б не эти пятна, и не то, что мы о нём знали... В общем, тело никитяне вынимать не стали: наученные горьким опытом “дела Шкварина” – вызвали ментов, “официальных спасателей”...

— Но всё равно приехали те же наши: никитско-съяновские. И Кот Васька с Сашкой-Шерифом из Силикат. Ибо никаким “официальным спасотрядом” в 1991 году, естественно, не пахло — “мальцевская контора” развалилась-сгинула в исторических нетях (да была-ли она — если без дураков?...), — что же до “МЧС”... *Слова такого в том году и проекте не было.*

Так что тело вынимали *свои* — кто по молодости лет и отсутствию поисково-спасательной славы в прошлом рвался в этот погребальный бой:

: “старые никитяне” не рвались. “Рвавшихся” хватало без нас, и им доверять было можно.

«Шкварин-П», — сразу сказал Рыбаков. И сообщил всем, что в этой истории, на его взгляд, *дерьма* ещё больше, чем в той. А потому самое разумное — не отсвечивать. С чем все согласились. Только проследили, чтоб найденные вещи Колюни были приняты ментами — особо указав на отсутствие каких-либо фляг и иной стеклотары на камушке-столе, равно как стаканов и кружек³⁴: единственное, что ещё можно было для него сделать. Да постараться не светиться со своим любопытством... Чтобы потом сделать ещё хоть что-то. В общем, “прикинулись почти сторонними чайниками”, — даже не стали сразу говорить, *кто это*:

: ПЕРЕД МЕНТАМИ. И ТЕМ НЕВЕДОМЫМ — кто явно *был с ним*, — и был один из “*наших*”. Но кто?..

— Менты увезли тело, и больше его никто не видел. Ни родные, ни кто-либо из нас...

Через какое-то время стали искать — где, в каком морге лежит — и выясняется: тело кремировали, как “неопознанное” — хотя, когда его привезли в ментовской холодильник, Склизский с Кирой и Рыбаковым в три голоса однозначно сказали, КТО ЭТО. Не стали говорить сразу — при всех, в толпе на поляне перед входом, — в морге же официально показали, что это Колюнька; дали телефон его мамы...

— И потом ломали головы: что это она не зовёт на поминки, и вообще молчит?... Звонить ей сами не решались по понятным причинам — и вдруг, недели три спустя выясняется: ОНА ДО СИХ ПОР ВООБЩЕ НИЧЕГО НЕ ЗНАЛА.

: Кто-то сделал ставку на наше молчание, на нежелание поднимать шум — или хотели выяснить, кто проявит большее любопытство?..

— “И это ещё не всё”. В протоколе вскрытия было написано: «причина смерти — переохлаждение»... Недавно полученная через Интернет информация от судебного медика, якобы делавшего вскры-

³⁴ В первой версии описания смерти Коли я писал, что бутылка с остатками водки и стакан были на столе, и были сданы ментам, как вещдоки с прочими вещами Коли. Увы: это было ошибкой. Потому что на самом деле данных предметов обнаружено не было. А вот кто пустил слух, что они были — уж не установить. Однако, данный факт влечёт за собой не менее интересные рассуждения, чем о причине КЗ в коногоне и его местонахождении.

те Колюни, подтверждает эту версию. Причём с недюжинным апломбом. Привожу наиболее аргументированные фрагменты из этого сообщения с сохранённой орфографией и синтаксисом³⁵:

«Я не знаю о чём и что говорили менты. Причину смерти определяет судмедэксперт, а не мент. Что там было оспаривать? Труп находился в характерной "позе эмбриона", всё тело было покрыто "гусиной кожей", в желудке – характерные для переохлаждения, "пятна Вишневого" (мелкоточечные кровоизлияния), мошонка и яички прижаты к туловищу, кровь в сердце, лёгких, сосудах – без сгустков; при отсутствии отравляющих и психотропных веществ, а на анализ при мне брали содержимое желудка, тонкой и толстой кишки, кровь, мочу; это может быть – только переохлаждение. Синюшные пятна, которые все видели – это обычные трупные пятна. Можете поднять протокол вскрытия № 412 за 1991 год в морге на Россолимо. Он квасил накануне, но в момент смерти был практически трезвым, с незначительными явлениями похмелья. [...] При истощении и обезвоживании – кожа должна быть сухой и "дряблой" и умирают после 5 суток, а у него к 7 суткам успел сгнуть один глаз. Для этого нужно как минимум 3-ое суток. Да и "симптом перчатки"(отслоение кожи на кисти, если она лежит на мокром грунте) возникает примерно за такое же время. Скорее всего после бурной ночи полез под землю, побегав, сел отдохнуть, уснул и получил переохлаждение. Убедил или остались непонятные моменты?»

– отвлечёмся от частностей, вызывающих вполне понятные вопросы (личность “судебного медика”, что и под землёй как бы присутствовал “так, что свечку держал”, чего никто из реальных участников ПСР “в упор не помнит”, и вскрытие делал, и спустя десять лет “как бы случайно” “по просьбе нашедшей его матери Колюни” в качестве врача-нарколога оказался в квартире погибшего и опознал его по фотографии, припомнив номер протокола вскрытия, – и даже то, что упомянутый в интернетной переписке наш общий знакомый с ником Дима Зэк никаких судебных медиков не знает), – взглянем на изложенные в сообщении факты и сравним их с тем, что нам известно.

1) Тело не было в позе эмбриона – погибший лежал на спине.

2) Свидетели, что видели Колю накануне, подтверждают, что он был “сильно не в себе” и скорее всего – не столько пьян, сколько под действием каких-то психотропных препаратов. Либо уж коль был пьян — то настолько, что и через сутки последствия такого опьянения не могли не сказываться; не заметить их медикам было бы невозможно.

3) Он не пил на поверхности, – потому что вообще на поверхность не поднимался.

4) Коногон был найден отдельно от трупа и на большом расстоянии; был выключен и разряжен намерено – банки характерно вздулись, как обычно они

³⁵ Полный текст со всей включающей и сопровождающей бредятиной смотрите на сайте <http://www.speleo.ru/phpBB3/viewtopic.php?f=20&t=153> – он того стоит...

вздуваются от ‘козы’. При этом провод и патрон с лампочкой были в исправности.

5) Отсутствие в гроте водочной стеклотары и питьевой посуды (поначалу камуфлированное слухом о том, что они были найдены и сданы ментам на анализ), говорит о том, что кто-то их изъяс. При этом расположение на столешке и вокруг него прочих предметов свидетельствует (пусть и косвенно): Колюня пил и ужинал один. Подтверждает сей факт – и напрямую – сообщение Данилова Ивана, который в это время тоже находился под землёй: «Коля зашёл ко мне в грот с бутылкой водки. Сказал, что он один, а одному пить не хочется, нужна компания. Выглядел он при этом неадекватно – не то что сильно пьяным, но как-будто был “под балдой”. Бессвязная речь, вялые движения. Бутылка была початой. Пить с ним мне не хотелось, тем более водку неизвестного происхождения — очень может быть, что Колю “повело” от этой палёной водки. К тому же я собирался на выход. Так что предложение отклонил; Коля обиделся и ушёл к себе в грот. От моего грота до места его стоянки идти было не более 30 метров.

Я собрал вещи и поднялся наверх, общаться со всеми. К Коле в грот не заходил – но видел, как у него там горела свеча.»

– Неприятный момент: тело было найдено на полпути меж гротом, где стоял Иван, и местом стоянки Коли.

Коногон – совсем в другой стороне.

Когда Иван шёл на выход (это было в ночь на воскресенье), Коля был ещё жив.

Возможно, он потом ещё раз пошёл к Ивану...

: Всё возможно. Да только не объясняет места нахождения посаженного ‘козой’ коногона.

б) Что Коля умер на удивление быстро – никто из нас не оспаривает: наша группа в воскресенье вечером была в Системе и никто из наших эмпатов, что остро чувствуют пребывание под землёй человека, ничего живого не ощущал. При этом те же эмпаты находили заблудившихся под землёй, улавливая с большой точностью их присутствие в Системе.

А теперь обратим внимание на то, что одна половина сообщения нисколько не противоречит информации, представляющейся нам достоверной. Зато вторая, что говорит об отсутствии отравления и явных физиологических признаках переохлаждения – противоречит слишком многому. Потому попробуем разобраться.

: Даже если б он заблудился *в десяти метрах от своего стояночного грота* (что, как я уже дал понять, исключалось нами в принципе),– или остался без света < интересный факт: коногон разряжен, но выключен; дан же был чуть-ли не тёплым после полной ‘забивки’... Для тех, кто понимает, это говорит очень о многом. Как и знание того, что коногон невозможно “посадить” за несколько часов,— а, судя по одежде, он дольше под землёй не находился. Значит, некто пытался имитировать “потерю” иль “окончание света”: для чего? > — так вот: *даже если б он и остался без света, то жил десять дней.*

Как показывает опыт. И Лещина обнаружил бы его ещё живого...

Потому что оказавшийся в точно такой же ситуации в 1979 году Иван Шкварин – трезвый, без света, в штормовке на голое тело, притом сильно избитый (кожа лохмотьями свисала со лба, кровавой “трассир” отметил весь путь его перемещения по пещере) – прожил 10 дней и умер от дистрофии.

Ибо температура в наших штреках держится в интервале $+7 - +9\text{ }^{\circ}\text{C}$, а не -20.

Впрочем, один “скоропостижно зажмурившийся герой” нам известен – он умудрился сделать это всего за три часа (претендент на лидирующее место в “книге Дарвина”), – НО!!! Полез под землю фактически без света – раз. Абсолютно не знал Системы и никогда до того в пещерах не был – два. Накачался перед этим энергетиками типа “ягуар” в смеси с водовкой – три. Одет был слишком тепло (футболка, шерстяной свитер, брюки, плотный комбез МЧС) – четыре. Полез в пещеру ночью в районе полуночи – пять. Никаких записей в привходовом Контрольном Журнале – шесть. Сразу после входа высосал 2,5 литра очаковского пива – семь. И тут же заблудился в сложнейшем шкурниковом лабиринте – восемь.

Дальнейшее – понятно: стресс от потери ориентации, сильнейшее потоотделение. Усталость, паника. Тормозящее пиво после искусственного адреналинового стресса, усиленного стрессом естественным. Неизбежный выброс надпочечниками естественного норадреналина в сочетании с ночной усталостью и алкогольным опьянением. Снял мокрую одежду. Прилёг грудью на холодный камень — остыть и отдохнуть. Заснул. Локальное переохлаждение грудной клетки, судорога сердечной мышцы, – смерть. Судорога, кстати, была столь сильна – что спасатели, вынимавшие тело, едва оторвали его руку от камня, хотя с момента смерти прошло 5,5 месяцев. (Здесь можно усомниться в “признаках разложения”, о которых нам сообщает “судмедэксперт”, – но данный момент имеет отношение лишь к его квалификации, а не к смерти Колюни.)

: не вижу я никакой аналогии меж этой смертью — и Колиной. Разве что протоколы вскрытия сильно врут.

И не могу понять, как человек *не в состоянии мощнейшего алкогольного или наркотического опьянения* может наутро после *незначительной* пьянки присесть, заснуть – и мгновенно замёрзнуть. В прямой видимости своего стояночного грота. Да ещё с подземным опытом Колюни. Отшвырнув ради непонятно чего перед тем свой коногон на 50 метров. В выключенном состоянии. А после смерти изменить позу эмбриона на более удобную.

Даже у незнакомых с протоколом вскрытия всё это вызывало слишком много вопросов. Что же до ботинка (в своём сообщении “судмедэксперт” уличал меня во вранье, говоря, что ботинок был на ноге покойного, но не был завязан – я же писал о том, что он был найден отдельно от тела, даже неправильно назвал его за давностью лет “сапогом”) — так его надели на ногу, как смогли, перед транспортировкой тела. Предварительно по-полной расшнуровав. Это сделал человек с железными нервами, один из немногих профессио-

нальных спелестологов-спасателей. Мой добрый знакомый. О том, что данный предмет обуви был найден в стороне от тела, было сказано всем. В том числе и ментам.

— И тогда Мамонт, никому ничего не говоря, начал раскапывать “это гОвно”.

: Методы его работы никакому сыскному бюро не снились. И неторопливость была одним из них. «Пусть всё уляжется, подзабудется,— говаривал он,— тогда осмелеет, расслабится кое-кто...»

... В народе тем временем всю гуляла легенда, будто Коля, накачавшись “колёсами” и водовкой, добровольно ушёл в мир иной. Было это в 1992 году — когда, казалось, весь наш маленький и уютный подземный мир-сказка окончательно распался: стлел, догорел и обуглился — все разошлись, кто куда: даже те, кто на волне общего ‘энтузазизма’ кинулся было осваивать Сьяны, устав от их коридорных и, в общем-то бесперспективных размеров, отошли в сторону — а те, что приходили кое-где нам на смену, вдохновения особого не вызывали: другое поколение, “ни рыба, ни мясо” — зависшее в нерешительном и вялом качании меж слётовских костров и хипповых флэтов, компьютеров, промальпинизма, видаков и жалкого асканья,—

: казалось, неспособное удержать в себе даже то немногое светлое, что мы оставляли —

— только приходили-собирались, что раз в году: почтить скромным своим присутствием Память Вити. Да *проводить нас*,—

— И я долго не решался писать в своих “как бы документальных” вещах³⁶ о гибели Коли. Отношения к Никитам и нам она имела не больше, чем смерть Шкварина,— к тому же некая недоговорённость, недосказанность была/присутствовала в ней изначально... Которая никогда не будет раскрыта. Так об чём писать?..

: Мы уйдём,— она уйдёт с нами. А что это было — сведение каких счётов, кого, с кем,— или нагромождение нелепых случайностей, что от кафкианских реалий нашей страны — даже не останется загадкой: просто исчезнет, как мартовский снег.

Ведь в самом деле: водка, купленная “с рук” у домодедовского вокзала, вполне могла оказаться “палёной”,— но где (спасибо сволочи Горбачёву) было купить нормальной?..

Пить Колюня мог с кем угодно из наших — собутыльник его, выпив по природной, скажем, брезгливости к алкогольному “самопалу” меньше (или почувствовав посторонний привкус) “дал дёру”, увидев начавшиеся колины

³⁶ По выражению одного из моих друзей, в “ильинском цикле” я сотворил *мистифицированную историю ‘под соусом’ фантастического реализма*,— вот такое, удивительно точное определение... Но даже в откровенно художественной прозе, где главным было не скрупулёзное описание фактов — передача их эмоционального и событийного киота — историю смерти Коли решил не упоминать. Ибо писал — о другом.

судороги — сам же отделался блёвом; коногон в этом случае мог закоротить намеренно, дабы отвести от себя возможное подозрение в отравлении. [Верите в столь психопатическую версию? Я например, не верю. Потому как в такой ситуации не до мухляжа с коногоном,— да и зачем? Отравление на потерю света не спишешь.]

Что до ментов — так кому из них охота заниматься расследованием явной “висячки”?.. Ни взятки за это не получить, ни звёздочки. Вот и смухлевали с опознанием нашим, и с протоколом вскрытия.

“И все дела” — как решили многие из нас. Предпочитая не вдаваться в подробности.

: За уютом личного счастья. Можно сказать, что я, когда решил не писать об этой истории — был одним *из таких*.

Но через год вернулся Серёнька — и сразу стал рыть копытами землю. «Это же ‘мокрjak’ чистой воды — а вы прохлопали!!!»

Его истерикой руководила та самая писулька, что он получил от Колюни по блатной почте.

— Я адресовал его к Мамонту. Поскольку знал, что Мамонт пообещал “разобраться в этом гОвне”. Но Мамонт “сделал каменное лицо”: то есть переадресовал Серёньку в места, не столь отдалённые. Сказав, что не фиг искать. Всё равно, мол, *теперь* не доищешься —

— и нажрался, как свинья.

: Любимый приём. Когда Мамонт не желал, чтобы в его мысли кто-либо вламывался (не важно, о ГБ пресловутом шла речь, о ментах, бандюках — или просто пожизненных недругах), надевал маску алкоголика, этакого дурачка — ни слова из него нельзя было вытянуть. Но значит — “копал”, разбирался,— только не хотел, чтоб Серёнька об этом знал.

Да и не походил Серёнька, пять лет в зоне отмотавший, на человека, что мог бы помочь Мамонту в его расследовании. Но по импульсивности своей напортить мог изрядно. Не специально,— конечно, нет.

: “По дури”. От избытка братских эмоций и праведного гнева кипящий.

На “Шагале” 1993 года Мамонт официально не появился: как думали все. Только откинулся полог старенькой моей серебрянки — и довольная щербатая харя заслонила проём...

: Было это в самый рассветный час, в ночь на воскресенье,— когда все уже расплзлись по спальникам. И в лесу меж палаток не было никого.

: Просидели мы с ним почти два часа — а когда рассвело, он ушёл. Перед тем долго расспрашивал меня, кто где стоит; кто когда приехал и с кем — и всё просил вспомнить, кто где стоял в “позапрошлый Шагал” и что когда делал... Почему-то его интересовало, у кого из наших тогда была борода — и кто её сбрил. А потом сказал: «Ну, пойду, погуляю — погляжу, где кто... Только ты никому не сообщай, что я был»,— и ушёл.

: ЭТО БЫЛА МОЯ ПОСЛЕДНЯЯ С НИМ

ВСТРЕЧА.

Потом у нас началось строительство в Старице; одновременно шла подготовка к групповому подземному трёхмесячному пребыванию. И об этой истории я будто забыл. Да и что было: вспоминать? Словами и пустыми догадками Колю не оживить. Реальная работа захватила меня с головой,— одновременно в подсознании звучали строки “Белого Камня” — что нельзя было не записывать,—

: *Другой мир, другой вариант нашей истории,— творимый/видимый, будто наяву...*

... Перед уходом из палатки Мамонт рассказал, что ему удалось узнать. В том числе о ‘сенсах’, что травили меня, когда я сражался со строками “Командировки к чёртовой матери”³⁷,— а теперь устроили охоту за ним самим —

: Узнал, по его же словам, не столь многое — но столь

³⁷ Вот ведь незабавная вышла история: в 1984 году на “фестивале памяти фестиваля памяти Валерия Грушина”, что учредили новокуйбышевские каэспэшники, я познакомился с Борисом Узуновым — весьма сильным экстрасенсом из города Энгельса. Бориса тогда пытались заставить работать “держущим конвейер” на одном из секретных энгельсовских заводов (так называемый “ящик №124”, где уже работало несколько саратовских ‘сенсов’ — при, естественно, “славном патронаже ГБ”),— Борис дал дёру и за ним началась самая настоящая *охота*. Что я изволил описать — наряду с реальными обстоятельствами “особенностей национальной экстрасенсорики” в своём триптихе «Посвящение Носителю». Причём не просто описал — вклинился в сюжет настолько, что грань меж ним и реальными событиями начисто стёрлась,— предоставил Борису кров, познакомил его с Димой Веселиным и привёл под землю — поставив пару “спелеоэкстрасенсорных опытов”,— в общем, повёл себя, с точки зрения охотящихся за Борисом ‘чёрных сенсов’, как полный и законченный мудака. Наказать которого стоило “по полной программе”. И меня начали “наказывать”. Какое-то время я наивно не понимал, что за чернуха на меня навалилась, почему всё валится из рук, ничего не удаётся, отчего болезни косят родных и близких и всё вокруг меня распадается, рушится и летит в тартарары... **Помог Мамонт.** Спас, вытянул,— нашёл охотников, жаждущих знать, где сидит писательский фазан... И поступил с ними по-свойски. Но что примечательно: не навались на меня эта экстрасенсорная сволочь — смог бы я написать все три повести “Посвящения”?.. Вопрос, конечно, риторический. Ибо в замыслах моих первоначальных не было ничего, что легло в основу второй и третьей части сложившегося *именно благодаря их садистскому прессингу* триптиха,— так что свой законченный вид «Посвящение Носителю» обрело исключительно по воле “мочивших” меня нехристей. И их гэбэшных хозяев. Что ж: “как аукнулось — так и откликнулось”,— во всех смыслах. Из чего следует, между прочим, что принцип медведя и колоды не столь энтропиен, как кажется. По крайней мере, во вселенском смысле результат приносит — если вовремя углядеть “направление главного мэйнстрима” твоей жизни, а не кувыряться в водоворотах.

интересное... Он отыскал патологоанатома, что делал вскрытие Коли и официальное заключение о причинах смерти. И тот поведал Мамонту, что отравление было явное – “тормозухой”, в просто-таки безумной дозе, с тройным запасом — а совсем не “химозой”, что могла случайно оказаться в техническом или ещё каком спирте. Самой же водки, по его мнению, было выпито грамм сто, не больше.

При этом коногон Склизского был *разряжен намерено* – ибо ни поврежденный шнура, ни оголения изоляции или ещё каких дефектов у него не было. И лампочка была в полном порядке — зато, как выяснилось при последующих попытках его зарядить, банки сильно потеряли в ёмкости и характерно раздулись. То есть ‘коза’ реально имела место. Но к чему это было делать случайно-му собутыльнику – даже если он действительно был, и был действительно случайным?

И *некто* забрал от входа колины цивильные вещи.

Страничку из Привходового Журнала с записью Коли о входе выдернув.

Если учесть, что перед смертью Коля пытался выпить из своей бутылочки на брудершафт с Даниловым Иваном – версия о суициде рассыпается карточным домком. Ибо в одиночку это делают, случайного гостя с собой на тот свет не утягивая.

– Сдаётся мне, – сказал Мамонт, – коногон посаженный, страница из Журнала, как и рюкзачок из привходовой нычки свистнутый на пару со стаканом и остатками водушки — дело того, кто водку колюнину химозой нафаршировал. В расчёте на одно: чтоб как можно дольше тело искать не стали. А коль нашли б – через месяц, как Шкварина – на что угодно подумали б, но не на отравление. В крайнем случае — что перебухал и без света в трёх гротах заблудился.

– Нашли же – меньше чем через неделю...

– Через пять дней. Случайно. Не мог этот хер знать, что Лещине вдруг после Шагала приспичит в Никиты класс свой геройский вывести... и наши старпёры никитские с ковровской командой подтянутся. А знал он, что в Никиты никто уж почти не ходит. Знал, что Шкварину вскрытия на предмет химии в организме не делали: и так причина смерти яснее ясной была... Значит, имел опыт хождения в нашем кругу.

– Этот “опыт” имеет любой гэбэшник. Или официальный спасатель...

– Правильно. Ещё штрих: выключить коногон после разрядки мог только опытный спелек, и только машинально. Потому что это рефлекс у каждого, кто давно ходит под землю. Значит, “просто гэбэшников” – на хер. И тут у сценариста-постановщика нашей трагедии прокол вышел: коль по пьяни потерял бы Колюня свой свет, то он остался б у него во включённом состоянии. А коль не по пьяни посеян был – а, допустим, разрядился в гроте или на поясе у Коли — то и стоял бы в гроте, посаженно-выключенный. Или остался на теле, на поясе. Потому как сам знаешь: даже севший коногон после перерыва может дать немного света, – и Колюня это доподлинно знал. С двенадцати лет ведь по нашим каменоломням лазил! Даже в бреду не стал бы тужиться, снимать ремень и зашвыривать чужую систему в темноту, перед тем её заботливо

выключив... Да ещё так по снайперски попасть в щель, где его лещиновские дарования нашли. Согласись, действие не просто глупое.

– Бывает всякое... Алкоголь плюс “тормозуха”... Крышу-то у него явно сорвало...

– Ага. Только скажи: как он умудрился свежезаряженный коногон за пару часов в ноль посадить?.. Инсценировка это была, Ком. И такая глупая, наглая... К тому ж вот тебе ещё пара деталей. Вещи, что сдали ментам, как “вещдоки”, просто выбросили. Патологоанатома заставили написать фиктивный протокол вскрытия, – допускаю, чтоб просто не открывать дела, – то есть ни о каких “колёсах” никто из наших доподлинно знать не мог — но был пущен слух, что Колюня отравился. Дескать, банальный суицид на почве разочарования в личной жизни. Тем более, что свидетель №1 наш о своей последней встрече с Колюней разумно помалкивал. Но кем этот слух был пущен, зачем? Ведь все знали, что такими настроениями Коля не страдал.

Логически тут лишь одно возможно: все видели пятна, характерные для отравления. Похожие, не спорю, на те, что у Шкварина были после месячного вылёживания под землёй — но в случае Колюни-то их видели на свежаке!.. Вот и пустили мульку, что суицид. Чтоб сбить иной слушок, который вы по недомыслию своему пустить могли: а ля Шкварин. В смысле – мокруха. Потому как официальная версия шилась в ином направлении: несчастный случай с банальным катакомбным алкоголиком, к тому ж психом. Первое возмущение народных масс сбили парашей о суициде, а потом – разом: вы заявили, что кидаться он и не собирался — что ж, официальные результаты вскрытия для любознательных: “переохлаждение по пьяни в связи с потерей света”. Тело сожгли, и не перепроверить. А особо активным трескунам просто захлопнули пасть: *не фиг копать!.. Коля жить охота*. Приказ сей я лично раза три выслушал, из разных доброжелательных уст. Да как-то не внял, – Мамонт гыкнул.

– Ты ещё чего-нибудь знаешь?

– Знаю, – хитро улыбнулся он – своей чистой детской улыбкой, – но тебе не скажу. Впрочем, одно имя ты на всякий случай запомни. Даже не знаю, зачем я его тебе говорю... Хорев Владимир... запомнил отчество. В своё время ты его хорошо знал.

– Что ты дальше будешь делать? – спросил я его.

– Что захочу. Но что назюзюкаться придётся – это точно. Не ведаю лишь, когда. И рису с изюмом ещё поедим – только не знаю, кто будет виновником того торжества... Но что кто-то из наших – несомненно. Может, я, – он хохотнул, – а может, Лещина... Иль ты – кто знает? “Каравай, каравай – кого хочешь, выбирай, – он снова хохотнул, – ну, мне пора. Одно знаю: или я того гада замочу, или они меня. – Он задумался на секунду. – Никогда ведь не знаешь, где солону стелить. Ты, главное, о разговоре нашем пока забудь: до поры...

: Он всё уходил и не уходил как бы. Словно боялся идти – выйти из палатки на улицу, в холодный лесной рассвет, где его, казалось, поджидала какая-то страшная, неведомая опасность...

: НЕВЕДОМАЯ — И ОТТОГО СТРАШНАЯ.

– Понимаешь, тут ещё эти черножопые козлы из ‘астрального мура’ доебались, – неожиданно пожаловался он, – всё простить не могут, что я в их курятник вломился, когда они тебя мудохали... Ладно, прорвёмся. Но скажи мне: ты хоть раз слышал о “третьем круге”?

Я покачал головой.

– Так вот, если меня действительно за что и грохнут однажды – это за то, что я во всю эту кухню гОвёную полез. И влез капитально – по самое “нихочу”. То есть, конечно, замочить меня у многих ладошки чешутся – оброс, понимаешь, ракушками, как анекдотами пушкины... Но ручонки у этих многих коротки: сам понимаешь. Против моих, разумеется. Иначе б не сидел здесь и не трендил... Почти, как ты в годы совковы. Так что смотри, не дёргайся – коль со мной чего... Не дай, конечно, бог. Я тебя, наивняка, знаю. Высунешься, кипя от праведного гнева — народ возбудишь... Тут-то мышеловочка и захлопнется. Сечёшь?

– Так что... “третий круг”? – осторожно поинтересовался я.

– Лучше давай выпьем, – он извлёк из кармана плоскую флягу из нержавеющей стали.

– Что это: о н а ? – спросил я, понимая, что коль он предлагает пить — серьёзный разговор окончен.

– Нет, нечто новое... где у тебя стопки? Вот, отдегустируй. Прошлогоднего урожая, так что уж год выдержки.

: Напиток оказался бесподобный – известная всем Никитам “мамонтовка” с ним и рядом не стояла. И пился так воздушно-легко — как и спустя ‘девять-с-половиной минут’ отключал сознание.

: *НАПРОЧЬ*, –

– Это, видимо, лучшее, чего я добился в своей паскудной жизни... – Мамонт печально вздохнул. – Да уж не судьба... в ином преуспеть. Знаешь только – вот у меня тут колбаска, хлебец, сырок... уже нарезаны. Если б не Галка – сдох бы сто тысяч раз. Под каким-нибудь забором, до блёва родным, иль у помойки... Святая женщина: меня такого который год терпит. Представляешь?..

– Так что “третий глаз”... то есть “круг”?

– Мамонт вздохнул.

– Отчего в 77-м взорвали проход в ЖБК – и кто? – вдруг спросил он.

– Ну, магистры из SCO... Если верить одной легенде. Чтоб сохранить не тронутыми просторы Мокрых Галерей и ЖБК. Если верить другой – “SF”. Я в армии был, подробностей не знаю.

– И ты веришь в эту хрень?.. От кого надо было сии просторы сохранять, когда в Никитах дай бог, две группы за месяц, и то почти случайно, оказывались? Да ещё так лихо в совковы годы с пластидом балуюсь... Вместо того, чтоб камушками привалить и пылью присыпать. И посещать самим потихоньку, по мере надобности за собой секретный проход затыкая. И отчего Брагин пулей прилетел в Никиты, едва вы новый выход в Левую систему проковыряли, в

Четвёртый Подъезд?.. Прилетел и сразу, сигаретки не выкурив и свечечки другу своему Шагалу не поставив – топосъёмку делать: куда выходит, прочный-ли... А на другие выходные за ним и Сам Борзов пожаловал. И тоже безопасностью интересовался. То есть – хорошо-ли камушки над головами в этом свежепрокопанном ходе держатся. Заметь, от Четвёртого до ЖБК – лишь одна Сейсмозона. 50 метров по прямой: для тех, кто ориентироваться в ней умеет, конечно. Но не было тогда ещё по-новой вскрыто ЖБК. А как только Чёрт его вскрыл – началось третьекруговское гавно.

– Что значит — “третьекруговское”? – перебил его я. Ибо терпеть не могу, когда говорят загадками.

Вместо ответа Мамонт преувеличенно ласковым взглядом посмотрел на меня. Как на ребёнка.

Затем не спеша достал из портсигара сигаретку. Прикурил от стоящей меж нами свечи в консервной палаточной баночке. Выдохнул дым – чуть в сторону, демонстративно-вежливо, – и с елеинно-сладкой интонацией произнёс:

– Видишь-ли, Комушка... Считай, что я этого слова не говорил. Так лучше будет. Считай, просто сказал – “гОвно”. И очень внимательно “Зелёную” нашу войну вспомни: кто и как кого против кого науськивал. И почему. Последствия Большого нашего Шагала, опять же. Что на следующий год закобенили – и кто там главным героем был. Подумай: кто этого героя-геморроя на войну с тобой подставил – так размашисто. С применением аж Главной Совковой Газетёнки, – опять же, почему? С какого такого хера никитские спелеочастности на весь совок тиражировать было? И тебя на войну с ним поднимать. Всё тем же размашистым печатным средством. Очень нехорошо вы смотрелись все эти годы, поверь мне. Как два мудака — парой. Вот так. Коль додумаешься на хорошо продуманном досуге до какой-нибудь пустячной бездны – тогда сам всё и поймёшь. Как я понял. А я пока парой эпизодов память твою в нужном направлении поверну. Чтоб ты чего не того по приколу писательскому не навоображал...

Мамонт снова затянулся своей сигареткой.

– Из всех щелей ведь внезапно поползло-попёрло... Оно, родимое. Как трубу фановую прорвало. Как только мы стали активно шуровать по Системе – гроты оборудовать/строить, завалы старые вскрывать... Бились ведь, как козлы во все тупики и стены, – за год чуть не в три раза длину Системы увеличили. И сдаётся мне, *показалось им, что чего-то мы вот-вот найдём*. Где: в ЖБК?.. В Мокрых Галереях мифических, которых никто из нас, между прочим, так до сих пор и не видел? Чует моя жопа: опасно туда теперь ходить... Без часового у Чёртового. В свете чего я бы на вашем месте сто раз подумал об аварийной связи и безопасности, прежде чем лезть во всякие “эксперименты”. А лучше б перенёс вашу авантюру в Старицу – от греха... Или вообще завязал со всей этой тряхомудией, не подставляясь. Урока Зелёного и Моки, что-ль, мало было? Так их тогда ещё любя шуганули. А нынче шутить не будут. Времена, как говорится, не те: сидим, поминаем доказательство... Погоди тост за Колёньку предлагать – вначале дослушай. “Чёрных”, что из Амфитеатра в 1980

углядели, помнишь? Что они в Системе делали, кто были, откуда? “Психотронным” занимались — опытами *над нами*, наивными,— или ещё чем?..

— Чем?

— Не знаю, “чем”. В том наша беда... Судьбу Вета вспомни — коль Колюньки мало. Кто Виталику верёвку гнилую подсунул? Кто с ним в Крым поехать был должен? И ведь ПОЕХАЛ. Сдаётся мне, что хорошо ты знаешь эту сволочь — да только выгораживаешь отчего-то... Из какой такой ложной скромности? Что мешает хоть теперь имя то огласить, по прошествии времени?.. Молчишь. Ну, молчи. Продолжай в том же духе — до нового ЧП...

— Этот человек давно не ходит под землю.

— Да какая разница? Ведь — ходил? Сколько ещё гОвна на его совести, помимо Вета? Кстати: что не Чук это был — догадываюсь. Ибо Чук с тобой же на поиски в Крым ездил. Но не приятель-ли твой и чуковский? Не из SCO вашего гавёного такой ценный кадр?

— Это дело прошлое.

— Как знаешь... — Мамонт вздохнул,— насели они тут на меня со всех сторон... А кто — не понять.

— Тебе нужна моя помощь?

— От тебя проку... В свете твоей игры в порядочность... Будет нужна — сам найду.

— Через полгода мы уходим на три месяца под землю. Если всё пойдёт, как наметили...

— Будешь нужен, я тебя и из-под земли достану.

— Но Эксперимент...

— Я же ясно сказал: гОвно собачье ваш ‘экскремент’. Насрать на него — против того, что я раскручиваю. Всё равно ведь, пока я эти гавнищи не разгребу, НИЧЕГО У ВАС НЕ ВЫЙДЕТ. Неужели ты даже сейчас *не понимаешь*??? Кто у вас его делает — почему не никитяне наши старые? Что эти твои помощнички понимают в Подземле? Она вообще нужна им?.. Запомни: как прижмёт — кинут тебя через хуй. Вот если бы *наши* всё делали...

— Наши ни фига не смыслят в коммерции. И в бухгалтериях всяких.

— А эти твои пидоры смыслят. Ну, ну... Ладно, пойду я... Устал от гавна. О главном я тебя предупредил. Не давай своему генеральному денег: ни копейки. Я ведь его, как облупленного, знаю. На “Разгуляе” у костра познакомились. Был у меня с ним один гешефт... Да мохнаткой накрылся: торговец, он и в П., и в Ж. торговец. А наихудший из торговцев — приказчик лавошный... Всё объебать норовит, да обвесить при грошовом интересе... Пиздец, заебался трендить. Пойду, приснюсь какой сволочи — пока на ногах... Я ЕЩЁ МНОГИМ ПРИСНЮСЬ В ЭТОЙ ПОГАННОЙ ЖИЗНИ!!!

— с этими словами он откинулся назад: вывалился из палатки, захрустел кустами... Потом — видимо, у кострища — звякнул мисками, с грохотом опрокинул кан, выругался — и зарычал, будто протрубил на весь уснувший предутренний лес:

— ЭГЕ-ГЕ-ГЕЙ, БЛЯ!..

: ЭТО БЫЛА НАША ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА.

* * *

— Мамонт оказался прав.

Не прошло года, как зарегистрированное нами для проведения спелеонавтических экспериментов-пребываний РОСС (Российское Общество Спелестологии и Спелеонавтики) накрылось падучей звездой по имени Интриги и Корысть. Как и созданная для его финансовой поддержки и организации в Старице международного спелестологического туризма фирма “Паренди”³⁸.

: Генеральный директор “Паренди” Илюша Неворотин канул в небытие с документами фирмы, а также с парой десятков тысяч долларов. Не лучшим образом повела себя и пара его помощников. Я оказался не настолько предприимчив и упорен, чтобы исправить положение. И хоть боролся, как мог, чтобы спасти под тем или иным флагом хотя бы часть проекта – строительство коттеджей в Старице для приёма иностранных туристов пришлось заморозить. Экспериментальное трёхмесячное групповое пребывание в Никитах – отменить.

: через пять лет мы смогли отойти от этого крушения и заново учредить-перерегистрировать РОСС. Уже без коммерческих амбиций и наполеоновских спелеопланов.

* * *

... За две недели до смерти Мамонт обзвонил всех своих друзей — звал в Никиты. А я мотался меж Старицей и Москвой, и по Москве от фирмы к фирме... Навалилось сразу: переезд на новую квартиру, крушение нашего спелеонавтического кораблика,—

: Домой – то есть в старую квартиру свою – за полночь добирался, и то раз в два-три дня. Тут же падал без задних ног. Только автоответчик силы просмотреть оставались. И вот слышу с кассеты: «Ком, не будь жопой, позвони мне по телефону...» И номер.

: Родной до дрожи голос,— такая чуть ехидная хрипотца... Сто лет, казалось, не слышал его. Оттого сразу не сообразил, что телефон – старшего из Братёв, Мандрюши. Подленькая болезнь — необщение. Занятый собой и своими громоздящимися проблемами, даже не знал, где Мамонт сейчас обитает. Звонить было поздно, второй час ночи. А утром – срочные дела, я закрутился,— нужно было нестись в редакцию “Знание – сила”, затем в квартиру новую ремонт продолжать,— телефона там ещё не было... Кинули меня с телефоном при переезде самым классическим образом.

³⁸ Паренди – зороастрийская богиня-охранительница подземных кладов, аналог Хозяйки Медной горы и Двуликой.

В общем, позвонил я Ваньке лишь через пару недель — когда понял, что у нас всё точно накрылось. И окончательно. И наступила пауза — меня даже отпустило в первый момент: всё, можно выдохнуть, кончилась моя двухлетняя “гонка с препятствиями”... Ведь не описать никому, не представить, *в каком аду я эти месяцы существовал*: цеплялся, как утопающий, до самого последнего дня — за соломинки... И прочий сор.

: позвонил Мамонту по телефону, что он продиктовал. А сам в прострации от нашего катаклизма, и не сразу до меня доходит, что Мандрюша говорит. «Как это — умер?» — не понимаю ничего. «Так,— говорит,— его убили: неделю назад. Приезжай, если можешь...» И я приехал.

И Мандрюша поведал мне:

* * *

...: В тот вечер Асисяй завалялся к ним с какой-то своей торговой выручкой — и они решили обмыть это дело. Раз гитарные успехи Шурки обмывать более не приходилось. Пошли к метро, к киоскам коммерческим. Время было полночь почти. Вокруг дома — Коломенская, пролетарский район! — темнотища; во дворе кусты сирени, деревья — и тропка-сократилровка меж них к метро. В одном месте совсем узенькая: меж помойки с бетонным заборчиком и кустами проходит.

Галки мамонтовской в те дни не было — она к родным в Ростов уехала: брат у неё умер и 40 дней в тот день исполнялось. И в этот же день — инфаркт у отца. Тоже смерть... Она лишь телеграмму дала: «пока не ждите»,— ну и настроение у Мамонта с Мандрюшей было соответствующее: столько лет вместе прожили... Хорошо ещё, что сын Мандрюши с Ленкой на даче у родителей был. А тут — Асисяй, под такое настроение со своими трудовыми/нетрудовыми доходами. Он вначале сам идти за водкой вызвался — видя общую тоску — но Мамонт вдруг резко осадил его: «Сиди дома — без тебя, что ли, не донесём?» Но Ленка с ними пошла — ей Мамонт ничего не сказал.

— Взяли пару “белых орлов” и пошли назад: Мандрюша первым, за ним Ленка, за ней Мамонт с двумя пузырями в руках. По этой тропке. И точно против помойки из кустов выскакивает какой-то даун — и бьёт Мандрюшу. Он только рукой машинально успел закрыться... Мандрюша здоровый мужик, и весит 75 кг — но от этого удара отлетел в кусты, как мальчик. Почувствовал, как руку ему насквозь распорол — и в рёбра что-то упёрлось. «Валите,— успел крикнуть, падая,— у него нож!..» Ленка бросилась в кусты.

Мандрюша из положения лёжа увидел — даже встать не успел — что Ванька как стоял без движения, так и остался стоять. И этот хрен его два раза ножом — в спину и в грудь.

Тут Мандрюша всё-таки поднялся кое-как — но мужик уж кустами затрепал... Будто его и не было. И Мамонт упал. Что делать: бежать за этим коз-

лом?.. Мандрюша кинулся к Мамонту: смотрит – жив... Трогать нельзя, ясно – да и что сделаешь? Он – домой, скорую вызывать. А там уж Ленка диск накручивает... И из Мандрюши кровь фонтаном. «Знаем,– говорят менты,– ждите, группа выехала.» Вот бы узнать: откуда они “знали”?.. Во дворе темнотища, криков и шума драки не было – то есть, что соседи вызвали — исключается.

Ленка Мандрюшу перевязывать: две дыры, одна – через руку – сквозная. Асисяй тем временем к Мамонту полетел. А вокруг Ваньки ментов... И Асисяя близко не подпускают. Лежит же он – головой к контейнеру мусорному прямо. Шурка рвётся к нему, и Мамонт явно пытается ему что-то сказать — но эти козлы стеной стоят, подойти не дают. «Я,– орёт Асисяй в истерике уже,– его спасти могу, пустите меня к нему!..» – он ведь у Мамонта специальным экстрасенсорным приёмам обучался, и уже, бывало, выхаживал его... «Возьми мою энергию, возьми мою жизнь»,– кричит через спины этой сволочи в форме, и рвётся вперёд... Ну, они и отмудохали его – до потери сознания: чтоб Мамонту умирать не мешал. Перевязать Ваньку, кровь остановить хоть как-то – тоже, естественно, не дают. Как и в сторону с помоечного грязного пятка перенести, не говоря уж о том, чтоб – в квартиру... А он всё не умирает и не умирает. И пятно крови из-под него всё шире и шире становится, и менты от этого пятна расступаются в стороны. Часа два эта жуткая агония длилась, и Мамонт всё время был в сознании. Пытался Асисяю что-то сказать, звал его – тихо-тихо... Но Асисяя вырубили, а Мандрюшу, истекающего кровью, не давая Ленке перевязать, заперли в комнате и давай мудохать со словами: «Колись, падла, по-быстрому, как ты своего дружка зарезал, а не то мы тебе вторую клешню сломаем...» Вместо того, чтоб дать Ленке возможность ему по-человечески повязку наложить и хотя б остановить кровь: рука-то у него насквозь пробита и разорвана, и в груди дыра...

– Ленку тем временем заперли в соседней комнате: «Колись, красавица, как твой муженёк своего кореша порезал — а не то не увидишь его больше в живых». И тоже немного мудохают: не чтоб изувечить, а для боли и острастки. Ну и потому, конечно, что **мент** не может не бить **человека**.

: Врача чуть не два часа ждали,— это от подстанции, до которой от их дома за десять минут дойти можно... Приехал – пьяный в жопу, едва на ногах держится. Выдохнул перегаром: «А чего это вы меня на жмура вызываете?» И уехал. Увезли Ваньку в морг, в чёрный пакет полиэтиленовый запихав, а Мандрюшу и Ленку – в ментуру: дальше допрашивать. Асисяй в квартире остался, мандрюшеной кровью разукрашенной... С ума сходить. До утра Мандрюшу с Ленкой в ментуре пытали – а утром вдруг является с повинной тот мужик, что зарезал Мамонта: «Сам не знаю, что на меня нашло...» – говорит. Мандрюша на очной ставке чуть не убил его — еле оттащили. «Ладно,– говорят менты Мандрюше,– гуляй пока на свободе... Твоё счастье»,– и выкинули вон: на улицу без копейки денег. «До дома добирайтесь, как хотите». Пригрозили напоследок: смотри, мол, языком не болтай – а то сгноим, уж найдём, за что: и не таких сажали...

* * *

: Вот такая история, братцы. По поводу которой предлагаю своему любезному Читателю сделать паузу — и помянуть **эти берега** нашей подземной жизни.

А я помяну Мамонта, с которым меня связали Никиты,— который меня спасал и выручал, с которым вместе мы натворили много подземных открытий и иных славных дел,— к которому не был ближе других, но он был моим другом — с ним я ругался и ссорился, ибо был глуп и не прав, и никогда не умел разбираться в людях,—

И в последний наш с ним разговор не нашёл в себе терпения спокойно дослушать его до конца. Лишь написать эти поздние и уже ни к чему не обязывающие строки.

[...]

— теперь вернёмся к сюжету:

* * *

... за два дня до смерти Мамонт с Мандрюшей и Ленкой всё-таки вырвался в родные Никиты. Он ведь как чувствовал: обзванивал всех, звал... Но никто с ними не поехал. У каждого, как у меня, нашлось какое-то неотложное дело,—

: Встали в лесочке,— не на самой горе, а внизу у излучины. В стороне как бы, за березняком. Развели костёр...

Видят: по соседству ещё кто-то становится... будто лес такой маленький. И — в будний день. Странно, да? Оказалось: менты в штацком водовку попить на природу вырвались... И представляете — те самые, что в своё время Зелёного Змея с Мокой с четырёхмесячного пребывания вытаскивали. И потом Никиты взрывали. Мамонт их сразу узнал. Он-то вначале вниз собирался... Но как увидел тех — вниз не пошёл. То-ли Ленку в лагере не хотел оставлять, уходя с Мандрюшей, то-ли ещё что... А среди ночи встал и пошёл к ним. И до утра о чём-то с ними разговаривал — Мандрюша не знает, о чём.

Но догадаться, наверное, можно.

* * *

— Он был с нами с самого начала. С приходом Мамонта в Никиты начинается история Никитского Круга — и заканчивается, по сути, история “Уэма”: как команды, представлявшей до того никитский спелеум.

Ибо групповые рамки были ему слишком тесны.

Он мог воевать – нападать и мириться – и виновато-извиняюще улыбаться (о, эта широкая сверкающая улыбка! Наполовину беззубая – и такая бесхитростно-детская, ясная... За которую можно было простить – ВСЁ) —

: мог пить, сколько угодно, и ставить “учебно-бытовые волокни” — «ничто так не согревает замерзающего спелеолога, как бутылка старого, доброго бензина!»,–

– и, будто тараном, раздвигать при расчистке штреков своим телом такие глыбы...

: Традиционная каска с бивнями,–

– Эге-гей-го! Я снова-снова с Командором!..

: славное окончание Зелёной войны...

— он мог вывалиться из двери моей комнатки в коммуналке в четыре часа утра,– впрочем, с тем же успехом это могла быть сталинская коммуналка Мандрюши, у которого Мамонт жил последние годы –

– и, встав на четвереньки, бодать головой соседскую дверь с диким рыком:

– ВЫХОДИ, ЧЕСТНЫЙ ТРУС, НА ПОДЛЫЙ ВОЙ!!! ДАВАЙ БОДАТЬСЯ!..

– Он был единственным, кто до конца “раскрутил” историю со Шквариним.

... Его удивительное умение из всего делать Жильё — какой-то давний бомжатник в полуснесённом монастыре: дрянь, срач, запустение,– но нам приходится ночевать в нём, ибо в иных экспедиционных ситуациях и таким ночлегом не брезгают,– Мамонт ставит ящик на ящик, прибавляет пару досок, извлекает из эвереста полусгнившего тряпья и рухляди огромные часы с маятником – приставляет их к остаткам стены, с минуту смотрит на стрелки, затем качает маятник рукой – и они идут...

: ДЫРА СТАНОВИТСЯ ДОМОМ.

Однажды он явился к Мандрюше в два часа ночи: на последнем поезде метро, в совершенно-невменяемом состоянии. Сделав по прихожей пару шагов, достал из-за пазухи пустую бутылку – и сунул её оторопевшему хозяину со словами:

– От меня тебе, любимый мой...

– И ПАЛ.

: Мандрюша накрыл его половичком – потому что никакому нормальному человеку в голову бы не пришло кантовать Мамонта в таком состоянии хоть на пару метров. Тем более – в жилую, в общем-то, комнату.

Квартира была коммунальная; кроме Мандрюши с его женой в ней жила соседка Галя со своим псом – великолепно натренированным злющим овчаром... Чужих, а тем более пьяных этот пёс на дух не переносил —

— утром в коридоре вместо получеловеческих останков Мандрюша увидел абсолютно сюрную картину: пёс вылизывал Мамонта, а Мамонт объяснялся из-под половичка стоящей над ним хозяйке собаки в

любви...

– И квартира перестала быть коммунальной.

: Было это несколько лет назад.

– *И мы будем это пить?* – наивно спросил Золушка.

– *А-КАК-ЖЕ!!!* – прорычал Мамонт, выкладывая на стол вторую флягу.

– *Только посмотри, я его всегда на всякий случай показываю: вдруг у тебя менты слабые, или сердце почки опустило...*

: *он сунул мне под нос нечто красно-коричневое с фиолетовыми разводами по краям.*

– *ЭТО ОНА. “Чернобурка-по-мамонтовски”!..*

“Что вы спросили у старушки в три часа ночи?”

: *Они прикинулись заблудившимися лыжниками...*

Так склалось, что у него никогда не было своего жилья: малюсенькая квартира с женившимися старшими братьями и сёстрами, разводящимися и вступавшими в новые браки родителями как-то очень невыгодно сложилась со всеобщей нашей неприспособленностью к бытию под чутким родительским руководством — скитался перекасти-полем по друзьям, знакомым... И всюду создавал Дом — из ничего, из отходов, обломков, руин — где бы ни оказывался.

: Дом Мандрюши стал его истинным Домом. Последним — и Первым.

Мандрюша взял в аренду гараж; затем выкупил его, став владельцем частной автомастерской, — Мамонт работал у него, с первого взгляда определяя и как-то легко устраняя любую неисправность в машине:

: когда бывал трезв. Впрочем, уникальные его “починябельные способности” алкоголь не ослаблял; другое дело — точность движений при ремонте иных автомобильных узлов требуется соответствующая...

Как и при перемещении внутри гаража: что в пешем строю, что в колёсном. Но безусловно “имевшие место быть” издержки мамонтовской любви к горячительным напиткам не осложняли отношений с Мандрюшей — “что напакостил”, Мамонт неизбежно ликвидировал своими удивительными силами, за сутки ударно-бессонной работы делая недельные мандрюшины авторемонтные планы —

: Мамонт очень любил Галку. Он не боялся один-на-один выходить на бандитов, что пытались обложить данью Мандрюшу — после нескольких безуспешных “наездов” эти попытки прекратились: рэкет счёл за благо больше с Мамонтом не связываться,—

– он боялся только одного: потерять Галку. И этот свой обрётённый дом. Потому не уходил из него — как бы не наседали со всех сторон “чёрные”. Он *держал* этот дом — в себе и на себе — «ещё повоюем!», — скалил он свою беззубую харю.

— И продолжал ввязываться в запутанные, скандальные истории — разбираясь в них до самого конца. Но если раньше в патовой ситуации он обычно легко уходил от возможных последствий — меняя адреса и

вписки, номера телефонов друзей и тусовочные флэта,— как кость преследующей собаке, бросая какие-то нажитые вещи — теперь отступать, бежать, уходить в случае неминуемой опасности ему было некуда.

«Ну куда ж я от вас?..» — говорил он, обнимая разом Мандрюшу и Галку.

... Он мог неожиданно, никому ничего не говоря, исчезнуть, пропасть на месяц — когда чувствовал, что увязает в раскручивании “очередного гОвна” —

— и, потерпев поражение, потому что бывало всякое, приползти-ввалиться в иной дом — куда угодно, лишь бы доползти до своих —

: Однажды ночью он так приполз/ввалился ко мне — «Света не зажигай! Бинты и прочую поебень — в ванную»,— и был просто чудовищно разукрашен, и снаружи, и — по-видимому — внутри; тогда он и потерял разом половину своих зубов и приобрёл неотразимую “шахматную улыбку” — но выглядело это жутко, светлые кудряшки его, что анжелдэвисонским нимбом светились вокруг головы, были бурые и слипшиеся от крови... Неделю лежал, стонал — «оклематься надо»,— говорил он,— «не могу же я в таком виде Галке показаться!» — «Так хоть позвони ей!» — «Ни к чему» — «Тогда позвоню я» — «Прибью» — «Не выйдет» — «А я попробую. Потому что телефоны прослушиваются, и *они* узнают, что я здесь: живой,— и кто для меня она. И тогда ей и Мандрюше с женой и ребёнком — хана. И тебе со мной до кучи... Понял?..» — «Кто хоть тебя так?..» — «Говна хватает» — «Но сколько их было?» — «Теперь не всё-ли равно? Иль уснуть не можешь без столь важных циферок?..»

— И поучал меня, когда я пытался навязать ему свою помощь: «Запомни, Ком, эта ситуация — гОвно, там тебе делать нечего...» — «Посмотри на себя! Тебе же нужна помощь!..» — «Мне, помощь? — хмыкал он,— ой, уморил...» — и давился кашлем, выплёвывая чёрные сгустки. «Но ведь ты чуть живой! И неизвестно, что у тебя там внутри...» — «Это как раз известно: тот же ливер, что у тебя. А вот, чего это они меня выпустили — ещё живого — ума не приложу... Уж уют в сеть включили»,—

: будто не с ним это было. Будто он спектакль смотрел — со стороны, и вдруг дали свет.

: ‘Дали свет — не дали опомниться’...

— Эх ты, дурья башка... — сокрушался он, видя моё недоумение,— забыл, чему тебя в кетче учили?.. Тактика ‘брешущего помёта’: притворяешься слабаком, без пяти минут жмуриком — это раз. А сам позыркиваешь сквозь свои “широко закрытые” по сторонам — что твои противники из себя представляют. Ждёшь, когда они обнаглеют и раскроются. После чего делаешь их, как котят. Так?..

— Так. Но...

— Без “но”. Считаю, что я пошёл дальше. В том же примерно “поддавке”: ношу по жизни маску безобидного дурачка-алкоголика, и никто от меня ничего неожиданного не ждёт. А случись что — на меня не подумает. Второе: когда не знаю, откуда падалью потянуло — позволяю делать с собой, что угодно. Плыву по течению. Потому как *они* это течение и определяют... Даже когда их самих

и тени не видно. Притворяюсь трупом и жду, когда одни начнут слёзы лить, а другие скакать от радости и ссать на мои безмозглые останки. И тогда мой труп встаёт — и делает их всех на раз. Понял?..

: обучал он меня, едва шевеля разбитыми губами.

— И неизбежно ВОЗВРАЩАЛСЯ в свой последний и единственный дом:

: к Мандрюше и Галке. И потому тот дом знал немного гостей — он берёт его; из всех никитских и прочих знакомых Мамонта в нём бывал лишь Шурка-Асисяй... Кого я в “ильинском цикле” назвал Гитаристом.

Впрочем, гитаристом он себя больше не считал.

В 1986 году Шурка ушёл из Никит в профессиональную музыку,— прибил-ся к Московской Рок-лаборатории; поиграв какое-то время в разных командах и наевшись торжествующей попсы “по самые уши”, понял: настоящей музыкой в этой стране не прокормиться — либо ты лабаешь попсу, либо умираешь с голоду,— по примеру ставшего лесником Зелёного Змея пробовал переехать в деревню, купил там дом, поднял хозяйство — затем разочаровался и в фермерстве. Вернулся в Москву. Чтоб хоть как-то прокормиться, ушёл работать в торговую фирму Второго Крэйзи — в те голодные годы Вовка помог многим никитянам,—

: гитару свою Шурка разбил о стену. “Или ВСЁ — или ничего”,— сказал он.

: напоминать о Гитаре ему теперь было просто-напросто страшно.

Это была трагедия — но трагедия, в которой Шурке помочь не мог никто.

«Всё. Умерло. Никогда не было, Борисыч — ни первой струны, ни шестой. Ни семи ладов в ладони. Ложная память. Или попутал меня с кем»,— усмехался он —

— и перестал ходить в Никиты. Где всё напоминало ему...

Зарабатывал Шурка славно — но лишь Мамонт удерживал его пока на этом свете.

* * *

... “ПОДДАВКИ” — любимая игра Мамонта; пожизненная маска сатира-алкоголика,— и надевал он её всякий раз, когда затевал очередную “раскрутку гОвна”. *Но в последний раз...*

— Чувствовал, что *не вытянет?*..

: Прикройся маской — выиграл бы, как обычно?..

Ведь он мог выиграть до самого последнего мига — неужели ошибся “бреющий полёт” его поддавка? Ошибся на долю секунды... А дальше ничего сделать было нельзя.

Но может, никакой ошибки НЕ БЫЛО — а были *действительные враги:*

“чёрные сенсы”, в чей гадюшник вломился он в поисках кондовой ‘правды-матки’. В их силах внушить человеку, что у него всё в порядке, всё хорошо – но на самом деле плавным повседневным давлением, *вломом в психику* чуть замедлить реакцию, чуть расшатать нервы или поставить “таймер смерти”, код на самоуничтожение... Или просто запрограммировать на шок в той ситуации, когда потребуется максимальное напряжение сил.

Это ведь просто: своего рода аллергическая реакция на собственный адреналин. Воздействие на иммунную систему – излюбленный приём ‘сенсов’: ибо их колдовство ближе всего к нашим подсознательным – вегетативным, иммунным и прочим реакциям – чем к ВНД.

: К ВНД экстрасенсорика не имеет никакого отношения.

— теперь нет смысла гадать. Свою последнюю загадку он унёс с собой.

* * *

Хоронили Мамонта в деревне, откуда происходил его род. На съезде с большака машина с гробом увязла в непролазных российских гавнищах, – понадобился трактор. Где взять?.. И тут мимо них по обочине дороги на велосипеде катит интеллигентного вида мужчина.

– В чём проблема, ребята?

: Объяснили, в чём.

– Делов-то!..

: Укатил дальше. И через некоторое время вернулся на мощном “кировце”. Вытянул забуксовавший “уазик” Сусанина из грязи, проводил до кладбища.

Наши начали предлагать ему деньги, водку, – ничего не взял.

– Как можно? Я же вижу: хорошего человека хороните...

ЗЕЛЁНЫЙ И КРЫСА, КОЛОКОЛЬЧИК И КЛЕТЧАТЫЙ

“Друзья растаяли в пространстве...”

: В. Молодняков

: Вычтите из Никитского Круга любое имя и впишите (коль получится) любое иное — он всё равно останется Никитским Кругом. Но есть два Имени, которые из вокабулы “Никитский Круг” не вычесть никаким математическим или иным, пусть даже магическим, действием. Потому что это имена Мамонта и Зелёного Змея. Для каждого Никитянина они значат то же самое, что Никитский Круг.

Или — Никитская Система.

* * *

Зелёный Змей пришёл в Никиты в ноябре 1980 года. Это была первая в его жизни пещера, и погрузился он в неё со своими товарищами – Водолазом, Кисой, Комиссаром и Вертолётчиком – вооружившись солярными факелами. Ибо в прочитанном им туристическом справочнике было написано, что это вполне подходящий свет для посещения пещеры.

– Какой *волок* их факела оставляли за собой, догадаться не сложно.

Мы тактично объяснили ребятам их неправоту (очень тактично, ибо сразу было видно: это — хорошие люди), и в следующие выходные они пожаловали под наши гостеприимные своды, оснащённые электрическим светом.

К третьему выходу у каждого из этой замечательной компании уже была вся снаряга, что требовалась для комфортной ночёвки под землёй. И ребята под руководством Зелёного взялись за оборудование персонального стояночного грота. Так как было ясно: в Никиты их приход не случаен, наше знакомство — судьба.

: Каждые выходные они исправно посещали Никиты. Новый год встречали с нами в оборудованном совместными усилиями гроте Сапфир, и Зелёный Змей на вполне законных основаниях был избран, наравне с никитскими ветеранами того времени, в “Цельный Кворум” – Совет Системы.

* * *

Весной Рожайка вздувается так, что до Никит вдоль-по берегу не пройти – приходится карабкаться на холм, да ещё по дороге “бурный поток” в овраге штурмовать в довершение счастья... Бетонный мост, ведущий на наш берег от автобусной остановки, вода перекрывает на полметра – жаждущие Подземли вынуждены обходить по подвесному, вихляющемуся на паре тросов над вздувшейся ‘пучиной поганини’, –

: Мы вылезли встречать Зелёного Змея на поверхность – потому что он не знал дороги до нашего нового грота, – вылезли и видим: нет моста. Только поток воды бешенный. Забрались на холм над водой против того места, где ещё вчера мост был – и, ожидая Змея, развлекалу устроили: разный мусор в воду кидаем и топим камнями. Время от времени посматривая на тот берег в бинокль: прокричать своим, чтоб не сворачивали к затопленному мосту, а обходили слева по подвесному, что в деревне натянут на достаточной высоте над водой.

Видим – выгрузился из автобуса Змей и прямиком в магазин заходит. И выходит из него с двумя пузырями портвейна: “Кавказ”, 0,8. Шхерит их в шмотник под клапан – и к нам шурует. К мосту, то есть к тому месту, где ещё

на прошлой неделе мост был – а теперь дорога под воду уходит. Орём ему, чтоб взял левее: к подвесному. А он не слышит, что мы орём – шум воды, через мост падающей, ему всё забивает. И смело устремляется в воду: задрал на полную голенища своих болотников. «ЛЕВЕЕ!!!» – кричим мы хором.

: Он берёт, соответственно, левее — и входит в русло реки мимо скрытого под водой моста. По которому в болотниках он, может, и мог бы перейти её “аки посуху”...

– Когда вода доходит до верха голенищ, останавливается и вопросительно смотрит на нас. «ЛЕВЕЕ!!!» – продолжаем орать мы.

: Утонет ведь...

Змей кивает головой, обозначая понимание – и запускает руку под клапан за спиной. Достает бутыл, зубами срывает пробку — отпивает половину. И продолжает движение вперёд. Добравшись до середины реки – глубина которой в данном месте летом “женщинам по пояс будет”, – сейчас же вода, кипя бурунами, обтекает Змея на уровне горла, – допивает, на минуту остановившись, вторую половину. И выходит на берег этаким Черномором.

И пока вторую бутыл не высосал до дна, слова не произнёс. А потом...

: *Попадавший в подобные передраги Читатель может представить, ЧТО мы услышали потом.*

* * *

: Наша команда открыла Змею Никиты. Андрей с товарищами открыл нам Глубокое – удивительной красоты ледниковое озеро под Звенигородом с расположенной на нём биостанцией МГУ. С погружений на этом озере начались мои практические занятия кейв-дайвингом (потом были штурмы дальних сифонов Понеретки и мучительный выбор: либо спелеонавтика, либо пещерная вода), –

Затем мы с Андреем открыли для себя чудесный мир Старицких пещер. Который навещали – вместе и поврозь – достаточно часто.

: Зелёный органично вошёл в нашу группу УМ и вскоре женился на Свете Токер, однокласснице Юлика Рашковского. Вначале их свела любовь к Никитам; затем – общий талант к карандашу и кисти. И, конечно, общие с нами со всеми вполне диссидентские представления об окружающем мире. Очувствование его боли и тяжести.

Помимо Никит, Глубокого, Старицы и фрондирующих подмосковных слётов КСП были общие поездки на Чимган – в том числе на самый памятный из них, что разгонялся под странным предлогом “эпидемии ящура”.

* * *

— На Чимганском фестивале 1982 года присутствуют сразу два человека просто невиданной в совковые годы профессии: *сексопатологи* Яша Кулангиев и Боря Подберезин. [Помните это, совковое: «В нашей стране секса нет!»?..]

: Яша, дефилируя по поляне фестиваля, упирается в брезентовый “гробик” Змея. Стенки которого характерно колыхнутся и естественно обрисовывают выпуклости заполняющих его тел – то есть Змея и Светки. Профессионально созерцая равномерно колыхающиеся стены палатки (температура в тени = +35° С; в “гробике”, кажется, *на порядок больше*), Яша громко зовёт Подберезина и в окружении восхищённой толпы устраивает профессиональный ‘конвульсимум’: «Насколько я понимаю, это первый *такой* случай в моей практике...» — «Кремни,— соглашается Подберезин,— но я как-то в одной экспедиции на Таймыре имел дело с обморожением в состоянии эрекции...» — «Это что! А к нам в диспансер недавно обратился один восьмидесятилетний дедушка – с мощной сифиломой в центре лысины. Пытали, пытали его с пристрастием – упирается, говорит, что уж лет 20 ничего *такого* не было. Ну, потом определились: у внучки его привычка была — уходя *в школу*, дедушку любимого в лысинку целовать...»

— Стенки палатки старательно колыхнутся, случаи из медицинской сексопатологической практики следуют под этот видеоряд один за другим. Народ ржёт. Змей и Светка старательно работают над образом Безбашенного Никитянина.

: Акт заканчивается характерным сладостным криком на полполяны,— народ аплодирует.

: Змей и Светка выныривают из палатки и кланяются восхищённой публике. А также крепко озадаченным специалистам.

* * *

Однажды Зелёный Змей со Светиком (это был год, когда супружеские пары “Уэма”, одна за другой, обзаводились детьми) прогуливались в окрестностях Коломенского пруда. И увидели двух ребятишек, ловивших рыбку. Делали ребята это столь сосредоточенно, что было ясно: не прикол – потребность. Да и с одежкой у них было “не очень”,— естественно, Змей и Светик повели детей к себе ужинать. За разговором выяснилось: отца нет, мать пьёт,— и так далее. Обычный совдеповский набор счастливого детства,—

: Ребята остались жить у Змея со Светиком.

А дальше смотрите предидущую главу: “de capo ad fine”,— et cetera circus...

* * *

У каждого из нас есть привычки, которые направляют нас — и есть привычки, что мы направляем сами. Я, например, люблю собираться в Никиты под музыку “Slade”. У кого-то есть любимые присказки, пословицы, фразы,—

: прикольные телодвижения, в конце концов.

— Змей изобрёл себе просто фантастическую привычку: *мыться перед выходом в Никиты.*

Аргументировал её он так:

— Понимаешь, Ком, ежели там со мной что-то случится — ну, самый крайняк какой, ведь все под камнем ходим, да под гэбухой, это тоже сбрасывать со счётов не след — в морге толком ведь и не вымоют, гады! А бедной маме моей такой счёт выставят...

— Самое забавное: эта прикольная привычка однажды весьма помогла Змею. Ибо в разгар “чёрной войны” некий персонаж (обезличим его таким водевильным понятием), прежде чем сотворить провоцирующую на конфликт гадость в гроте Зелёного Змея, старательно позвонил ему домой: как, мол, поживаешь? Ему ответили, что Андрей принимает ванну. Из чего персонаж сделал ясный, в логической системе обывателя, вывод: в Никиты Змей не собирается. Ибо на кой чёрт мыться, коль лезть в “грязные катакомбы”?.. И попёрся на свою голову в Никиты. Прямо в грот Зелёного Змея. Творить гарантированный конфликт-столкновение с Мамонтом. А если бы повезло — возможно и с нами. Потому как мы в полном составе в это время сидели в нашей Девятке, принимая дорогого гостя Ваньку Мамонта,— а от Девятки до Жопы Зелёного (извиняюсь за каламбур) — рукой подать...

НО НЕ СЛУЧИЛОСЬ КОНФЛИКТА.

По приведённой выше причине. А что случилось — описывать не здесь. Ибо рука у Зелёного весьма и весьма тяжёлая...

* * *

— *Да хоть гавном назови, только в унитаз не спускай!*

: одно из любимых речений Зелёного Змея.

— *Не этой грязи бояться нужно — а нужно, чтобы в душе этой грязи не завелось!*

: из него же.

* * *

: Змей, прекрасно владевший кистью [у меня дома на стене висит один из его космических офортов; в столе хранится папка рисунков, в том числе удивительный по исполнению автопортрет, выполненный китайской тушью], зарабатывал на жизнь профессией повара. Осенью, зимой и весной работал в

детском садике неподалёку от дома; летом уезжал в археологические экспедиции. В основном в Среднюю Азию, на раскопки Согдианы.

* * *

Однажды он готовил обед для работавших в песках археологов. Один в лагере. И на него напала эфа. В памяти мелькнул рассказ (кажется, Севера Гансовского), как один мужик в аналогичной ситуации отразил нападение эфы теннисной ракеткой. Но то — рассказ. По воле фантазии автора эфа пять раз бросалась на человека, и пять раз он отражал её нападение. Как заправский теннисист. [Откуда в пустыне у мужика могла взяться теннисная ракетка, оставим на совести автора.]

: Ракетки у Змея не было. Но была увесистая доска, на которой он как раз резал мясо.

Удар у Змея такой, что не каждый способен его выдержать — и остаться не то, что стоять на ногах — пребывать далее хотя бы в не очень поломанном состоянии.

: Эфе хватило одного змеёвского взмаха этой доской.

* * *

Когда в мае 1981 года мне, Бороде, Змею и ЮДА устроили “синхронный допрос”, Змея “взяли” прямо от экспедиционного котла. Где-то в пустыне под Бухарой. «Пожалуйста, прокачусь с вами,— согласился Змей на предложение гэбэшников навестить их гадюшник в городе,— только водички на дорогу фляжечку возьму. А то жара, пустыня... Сами понимаете.»

: Гэбэшники согласились. И Змей заправил себе полную армейскую флягу спирта. Которую закончил употреблять без всякой закуски в аккурат, когда гэбэшный “козёл” ввозил его в город.

: *Допрос был сорван в виду абсолютной неменяемости клиента...*

* * *

Можно удивляться тому, как стремительно этот человек занял в нашем равном для всех Никитском Круге одно из центральных положений. Наравне с ним, пожалуй, был лишь Ванька Мамонт. Оба они обладали (для кого-то) невероятно трудным характером; оба были наделены такой силой воли, что оставалось только завидовать.

На этом их сходство кончалось. Маленький сухопарый Мамонт — чья улыбка, казалось, примиряла любой спор, любую ссору,— но точно также

открыто, ясно он улыбался своим врагам —

— и коренасто-косолапый, немного сутулый, медведеобразный Зелёный Змей. Улыбка которого поначалу принималась за презрительную гримасу; леноновские очки производили впечатление “некоторой интеллигентности”, — впечатление это начисто пропадало при первой же фразе, срывавшейся с его уст. Ибо виртуозного мата в ней (в зависимости от обстоятельств) могло быть несколько больше, чем в состоянии представить себе даже лучшие специалисты в области ненормативной лексики. Однако через пять-десять минут общения ты неожиданно понимал: перед тобой один из самых образованных людей, что ты мог встретить в своей жизни. Наделённый столь неортодоксальным взглядом на мир, сколь и глубиной его понимания. И в то же время —

: имена Зелёного Змея и Мамонта в равной степени наводили ужас как на пришлых никитских чайников, — а особенно на любителей “расхабарить” чью-то снаряжённую заначку, иной раз являвшихся в Никиты из иных Систем (увы: под землю ходят разные люди, и крысятничество в некоторых Системах возводилось чуть-ли не в ранг спелеодоблести), — так и на разного рода провокаторов и подонков, что были вынуждены заниматься спелестологией “не по зову сердца, а по зову службы”.

— Знаю это доподлинно.

* * *

Отношение к волокам в Никитской Системе всегда было негативное. И в то же время в области ведения подземной химической войны не было равных ни Змею, ни Мамонту. Даже в Силикатах.

: Именно Змей изобрёл “холодец” — чьё применение под землёй после первого испытания было расценено тогдашним спелеомиром, как аналог взрыва атомной бомбы на поверхности.

Какое-то время пребывали в уверенности: в Систему, располагающую столь мощным средством обороны (да и нападения), не сунутся никакие дауны. Затем у меня возникло опасение: а что, если какой-нибудь силикатский пытливый Вася повторит змеевское открытие?

— Не-е, — усмехнулся Зелёный, — и не думай об этом, Ком. Даже если подберёт все мои ингредиенты — ни хрена у него не получится. Просто банальная смесь бензина, серы, фосфора, нитрухи, парафина и бертолетки. Дело ведь в технологии приготовления. Попробует сварить холодец так, как варю я — просто взорвётся. А иначе не получится.

— Но ты ведь не взрываешься?

— Так то — Я. Понял?

* * *

: Как-то раз никитскую компанию обобрали местные в Бяках. С точки зрения уголовного кодекса это был самый банальный “гоп-стоп”, — да только милиция в те годы не занималась “возбуждением уголовных дел” по столь незначительным поводам. Случаи грабежа туристов и спелеологов сельской гопотой просто не рассматривались правоохранительными органами, как нечто, выходящее за рамки закона. Очевидно, дело было в ‘установках’, что получало МВД от “старшего брата”.

: Мамонт и Зелёный Змей возглавили “карательную экспедицию” в Бяки.

После которой местные в течении месяца просто боялись приближаться ко входу в пещеру, —

— и около года весьма подобострастно раскланивались со спелестологами на платформе Хрусловка.

* * *

Можно долго спорить, имело-ли место противостояние Змея и Мамонта, легенды о котором до сих пор будоражат некоторые никитские умы. Излишне, как мне кажется, склонные к диванному умствования и вычислению метеорологических особенностей бури в стакане портвейна.

: В Никитском Кругу все были Личности, и как Личности, все были равны друг другу. Личностями были Паша Мрак и Гриша Глюк, Рашпиль и Сапиенс, Лещина и Певзнер, Склизский Змей и Ванька Крэйзи, Длинный Кира и Асисяй, —

: *все, кто ходил в Никиты.* Все были разные, но равные.

Мамонт и Змей не были разными — они были различны.

У каждого из них случались вспышки агрессии (когда мотивированной, когда “не очень”, — но ведь это смотря на чей взгляд) и случались чисто личные психологические недоразумения [назовём это так], — ибо все мы были молоды и неопытны, самонадеянны и глупы.

И весь этот неджентльменский набор носил каждый из нас в той же степени. А как он давал себя знать — зависело даже не от мировоззрения, и не от ситуации. Не от силы или слабости конкретного человека.

: От очень многих причин. Что давили на каждого извне и изнутри, —

И все дела.

— Если б “противостояние”, о котором трендят ныне ‘специалисты по никитской истории’ (на деле — собиратели старых сплетен), действительно имело место быть — оно было бы страшным. Поверьте мне. Два таких человека никогда, ни при каких условиях не продержались бы — пусть не вместе, но рядом — столько лет.

: то есть ровно столько, сколько им обоим отпустила жизнь.

: если бы “противостояние” это хоть в малой степени

выходило за рамки игрового прикола, придуманного ими обоими.

Были отдельные конфликты и различные мнения, что делать в той или иной ситуации. Как случались они меж всех, ходящих в Никиты.

— НЕ БОЛЕЕ.

* * *

На 1984 Новый год (тот, на котором я предъявил никитской публике “Zoo-look”) в гроте Змея “У Трёх Охотников” мы единогласно короновали Мамонта Никитской Коронай. Сделанной специально для этого случая из достаточно цветного металла. Змей получил статус Премьер-министра С Трансом; Асисяй – министра Культуры. Длинный Кира стал министром Звука и Энергии; Вася Тихонов – министром Химической Опасности. Мне достался пост министра Трендежа и Демократизации; Ваньке Крэйзи – министра Безумия.

И так далее, практически по всем никитянам.

: Это было игрой,– новогодним спектаклем, творимым во вполне хармсовском стиле отвязной импровизации.

Но в какой-то степени соответствовало внутреннему пониманию каждого из нас того места, что он занимал в Никитском Круге.

* * *

... вот, поймал себя на мысли: мы ведь никогда не называли Змея “Андрюха”. Змей, Зелёный, Андрей, Андреич,– это было. “Андрюха” — никогда. Наверное, это отвечало удивительной *внутренней жёсткости* этого человека.

“Андрюхой” его называл лишь Серёнька Маленький. Змеёныш, фактически – приёмный сын.

Он имел право.

* * *

Жопа – один из легендарных никитских гротов. Был найден мной и Динамитрием в 1981 году и первоначально назван Чайник в честь сделанной там археологической находки — настоящего жестяного чайника времён разработки белого камня. Мы с Динамитрием долго ломали головы: отчего грот, находящийся в геометрическом центре Системы и не отсечённый завалами от неё (разве вполне проходимым без раскопок шкурником, притом не одним) так долго ускользал от внимания ходящих в Никиты?.. Какая сила водила людей чуть не 20 лет вокруг-около него – и не давала попасть внутрь?

: Разгадка наступила через два года, когда Крэйзи II и Асисяй попробовали обустроить его в качестве постоянного жилого – но после нескольких ночёвок

убрались оттуда, заодно переименовав в Жопу: экстрасенсорный нор у грота оказался такой, что если бы гоголевскому Хоме предложили провести три ночи в нём, он после первой же убрался в описанную Гоголем церковь. Крэйзи и Асисяй предпочли более сырой, но гостеприимный грот с характерным названием Кафе.

Осенью 1985 года Зелёный Змей и Мока пошли на Бессрочное Пребывание — дабы укротить буйствующую в Жопе экстрасенсорику, ПБЛ устроили именно в нём. И за три с половиной месяца подземной жизни вполне укротили.

: Слабо оказалось “подземным духам зла” обороть крышу Зелёного Змея.

С тех пор этот грот по отношению к располагающимся в нём спелестологам ведёт себя вполне пристойно.

* * *

Мы тогда много говорили о возможности и приемлемости “внутренней эмиграции”, — о неизбежной, как казалось нам тогда, “ядерной зиме”, и о том, как можно выжить после грядущего апокалипсиса. Змей решил опробовать “подземную версию”.

: Они прожили под землёй почти четыре месяца. Два из которых их сопровождал Мамонт. Пребывание было сорвано “гэбэшными спасателями в штацком” — под абсолютно смехотворным предлогом Никиты посетил так называемый “спелеоспасотряд” Мальцева/Вятчина — созданный за несколько лет до того по указанию из КГБ с одной-единственной целью: для борьбы с “неофициальной спелестологией”. “Дикой спелеологией” — как они называли нас на своём казённом слэнге.

О деятельности этого гэбэшного спелеопридатка я писал достаточно, — повторяться не хочется.

... официальные “спасатели” под руководством ‘специалистов по спелестологии в серых шинелях’ при помощи первоодков из спелеосекции МГУ силой вытащили ребят из-под земли. На поверхность. Против их воли.

— Стрельни, стрельни, — сказал Змей историческую фразу, когда ворвавшийся в Жопу мент навёл на него пушку, — **это будет последний выстрел в твоей паскудной жизни.**

: Человек четвёртый месяц находится под землёй, и многие вещи, что волнуют нас на поверхности, были ему “по барабану”.

Кроме одной — возможного обвала в гроте.

— Затем было месячное заключение в КПЗ УВД Домодедовского района. “За что?” — ответ на этот вопрос домодедовские менты искали очень упорно. На ребят пытались повесить все имеющиеся в районе “следственные незавершёнки”, включая несколько “мокрух” — ясное дело: били и издевались всеми доступными ментам способами (большой гэбэшный брат дал чёткое указание: *сделать процесс* — и его

пытались сделать, как могли³⁹), — Змей и Мока выдержали и пытки, и издевательства. Не подписали ни одного протокола. И через месяц заключения менты всё-таки были вынуждены выпустить их на свободу.

Но поскольку кураторам этой акции надо было рапортовать о хоть каком-то более-менее пристойном (в их глазах) исходе затеянной “операции” — 10 декабря, в Международный день защиты прав человека, входы в Никиты были взорваны.

Собственно, ментовским — либо гэбэшным погромом в те годы кончались любые добрые начинания в нашей стране. Альтернативы не было, потому как быть не могло. По определению.

— Ментовское-ли “завершение” Подземного Пребывания сломало Андрея, — как полагают иные наши друзья?..

: Я так не думаю. Как не думаю, что в какой-то степени его могли “сло-мать”, или хоть как-то ‘изогнуть’ взрывы никитских ходов. Хотя бы потому, что у нас оставался “заначенный в бочке” вход Старьёвщик — предупреждённые друзьями, что готовится уничтожение никитских входов, мы успели сделать новый вход в Систему и замаскировали его на поверхности вбитой во вход металлической бочкой. Которую покрыли слоем дёрна.

И торжественно вскрыли менее чем за пять минут работы через две недели после “официального уничтожения” всех никитских входов. < «Всего два года ушло у ГБ на подготовку полного и окончательного закрытия Никитской системы — и целых двадцать минут затратили никитские спелестологи, чтобы вновь открыть любимую Систему...» — иронизировали никитяне, выражая этим хронометрическим сравнением своё превосходство над совдеповской властью и всеми обслуживающими её структурами. >

Так что дело не в ‘сломе’ каких-то подземных интересов и целей.

В усталости и некотором разочаровании — может быть. В навалившемся на всех нас общем ‘бремени ламбады’ — эпохе пустопорожности и интеллектуальной хандры, эпохе рвачества и распада. В том числе от “в никуда” выходящем паре постоянных застолий и алкогольных возлияний,—

: во времени, метко названном кем-то “КАТАСТРОЙКА”.

— Я ведь и сам после разгрома нашей кейв-лэб в Старице думал: всё кончилось. Мир распадается и умирает, не какое-то новое будущее идёт на смену совку — он, издыхая, засасывает нас в чёрную дыру своей козлиной жопы...

: Что будущего у этой страны нет, понимали слишком многие вокруг — чтоб с этим нельзя было не согласиться. Километровые очереди возникли у

³⁹ Правду об этих событиях во всей её неприглядной подноготной мне в деталях поведал один из домодедовских ментов. Сейчас он на пенсии в звании полковника — начитал же службу с должности участкового. «Ты ведь понимаешь, Сергей,— сказал он мне,— что ни у кого из нас не лежала душа к этому безобразию... Да только что мы могли сделать, коль указание посадить пришло с самого верха?»

дверей американского посольства и голландского консульства; Светка Токер твёрдо решила эмигрировать. Для Змея эмиграция “на Запад или на Юг” была не приемлемой по определению.

Они со Светой разошлись. Отчасти по этой причине; отчасти из-за пьянства Змея. Которое в эти годы как-то стремительно стало перерастать в самые настоящие запои...

Впрочем — нет. Из любого своего “запоя” Змей выходил по первой же серьёзной необходимости, без какой-либо релаксации, практически “на раз” —
: *была бы необходимость не пить.*

Но ситуацию такого рода жизнь представляла всё реже и реже.

А потому, говоря о Зелёном Змее, можно отбросить мысль о том, что его ‘сломали’ некие обстоятельства. Ибо “по определению” сломать его было невозможно.

Как оказалось для ГБ невозможным “сломать” меня или Мамонта.

Никакого слома не было — точнее, он не мог состояться в принципе.

Но срывом того, далёкого уже — из сегодня — Пребывания, как и срывом самой возможности хоть в какой-то степени серьёзных, целенаправленных подземных исследований (и возможности профессиональной карьеры, пусть в ином роде деятельности) у Андрея отняли цель жизни.

: Что следует за тем у человека, полного сил и энергии, догадаться не трудно.

Так что при всём внешнем несхождении биографий Змея, Мамонта, и многих наших общих друзей, внутренний стержень — если угодно, мейнстрим наших жизней — оказался достаточно близнецовым.

* * *

В 1987 году Змей уехал из Москвы. Приняв решение, наверное, за несколько секунд, почти не думая — но шёл к нему годы. За символические пять рублей продал свою городскую квартиру первому встречному “хачику” и уехал, куда глаза глядят. Без ничего — не считая старого рюкзака за плечами. Автобус, выбранный наугад, привёз под Чехов. Наугад пошёл в лес, вышел к речке.

— И сказал себе: вырастаю здесь. Построил шалаш на берегу,— ловил рыбу, раков в реке,— в лесу собирал грибы и ягоды. Месяц прожил один — затем пришёл лесник и сказал: хватит валять дурака. Вижу ведь, что парень ты неплохой. Коль хочешь остаться — оставайся, мне нужен помощник. Участок большой, сволочи по заказнику всякой много шастает, и без помощника никак.

: Змей остался. Оформили документы. Через год из помощников его повысили до лесничего. Сказали: принимай хозяйство, всё равно больше людей нет.

«И по подворью запестрели куры...»

* * *

Потом Змей женился во второй раз. Марина была очень хорошим человеком — говорю это потому, что мы были истинно дружны; она прекрасно рисовала и писала стихи — но тяжёлый характер супруга выдержать не смогла. А может, его периодическое пьянство. Или сельско-лесное бытие.

: Возможно, всё вместе.

Могу заметить лишь, что под венец её арканом никто не тащил. Она прекрасно понимала, где придётся жить. И с каким человеком. Коль имела надежды его как-то поддержать, поднять,— возможно даже: исправить и перевоспитать,—

: Что ж. Ошиблась. Бывает. Только лучше так не ошибаться...

: *лучше для обоих.*

* * *

Что такое работа лесника в столь печальной, с точки зрения охраны леса, близости к столице — представить способен не каждый.

Что такое сельское бытие — тоже.

: Кто знает, тот знает; прочим, наверное, не объяснить никакими словами.

Могу лишь сказать, что борьба с современными браконьерами — опаснейшая из профессий. И искушает человека стать куском дерьма сильнее, чем воспетый в религиозных легендах персонаж.

— Искушать Змея не стоило. То есть стоило очень дорого тем, кто пытался это делать.

Однажды толпа местной гопоты при очередной “разборке” попыталась взорвать Змея гранатой. А у Змея как раз гостила “никитская братия”. Взрыва не получилось — но мордобой вышел отменный. С очевидным кровавым неуспехом для гопоты.

* * *

: К Змею в Чехов приезжали все никитяне. У него гостили исследователи НЛО и снежного человека, экстрасенсы и маги, любители толкиеновских игрищ и казспэшных песнопений, адепты русского рока, художники и поэты.

Его дом был открыт всем. Опустившимся алкоголикам и гениям, старым друзьям и просто хорошим людям.

* * *

— А потом у Змея случился инсульт. В Склифе ему сделали трепанацию – топорно, грубо. Наверно, наши неолитические предки владели этим искусством на порядок лучше, чем современные костоломы.

: Андрей потерял способность двигаться и разговаривать.

Мы все приезжали в Склиф, по очереди дежурили у его койки.

Все. Кроме Лариски-Крысы.

: *Ибо она находилась при Андрее круглосуточно.*

: Спала тут же на полу, прислонившись спиной к больничной тумбочке, – И выходила Андрея.

* * *

После смерти Виталика Крыса около полугода встречала на Курском вокзале каждый поезд из ‘Симфи’. Сумасшествие, поза? И да, и нет. Попытка удержаться на краю жизни от непомерного ощущения вины. Некое, пусть бессознательное, самонаказание. Расплата.

: Здесь её заметил Силикатский Макс. Попытался как-то отогреть, вернуть к реалиям жизни.

Ибо в Никитском Кругу имя Ларисы не сопрягалось с виной в смерти Виталика (кто знал жутковатые подробности этой истории, держал язык за зубами) – но некоторое неприятие имело место быть “по полной программе”.

Да она и сама понимала, что на глаза ни мне, ни кому-либо из “Уэма” ей лучше не попадаться. Хотя, конечно, никто из знающих не планировал и тени расправы. Иль мести.

: В первый год после смерти Вета я и Ведьма почти каждый день по вечерам приезжали к маме Виталика – Маме Свете, как мы называли её, – когда заметил, что у Мамы Светы наши пути стали слишком часто пересекаться с Крысой, перестал ходить в этот дом. И Ведьма тоже.

Плакальщиков и помощников там хватало без нас.

А мы могли просто не сдержаться в какой-то момент.

: Такие вот пироги с ватрушками.

— Крыса нашла приют у Макса. К тому времени доброго знакомого и почти друга – и моего, и Ведьмы – и ладно. Лариску тоже было страшно жалко.

Крыса с Максом отпраздновали свадьбу, – мы с Ведьмой на неё не пришли.

Затем у них родился сын, которого Крыса назвала Виталиком.

: Это действительно сын Макса — но Боже, до чего он похож на Вета! Он был на похоронах Змея, и приходил к нам в Никиты на наши встречи памяти Вити Шагала, – а мне казалось: это Виталик, Вет стоит предо

мной,— ставит палатку, разжигает костёр,— берёт гитару...

— Словно не прошло 20 лет. *Словно не было никакой смерти.*

* * *

Затем Крыса и Макс развелись. Разругались вдрызг. До полного неприятия друг друга.

: У Макса очень тяжёлый характер. Он вообще необычайно ранимый, вспыльчивый человек. Крайне щепетильный и излишне (как кажется *иным*) принципиальный даже в тех ситуациях, когда разумнее всего отступить. Простить. Попытаться понять другого человека,—

— Пишу об этом столь определённо потому, что страдаю подобными хворями.

: Кто-то рассказал Максиму подробности смерти Виталика. Откуда у него взялась верёвка, на которой он погиб, и кто благословил его на идиотский подвиг зимнего спелеосоло.

Собственно, теперь я догадываюсь, кто оказал Крысе и Максиму столь замечательную услугу...

* * *

После развода с Максимом Крыса пустилась “во все тяжкие” — как это называют стыдливым литературным эвфемизмом.

Как ни странно, именно тогда я начал снова общаться с ней. Не хочу ковыряться в дебрях психологии и искать “приличествующую случаю мотивацию”, — дело всё равно не в словах, а в поступках. Любая наша “мотивация” придумывается задним числом —

: Виталика воспитывала мать Крысы; сына Лариска в те годы почти не видела. “Коль жизнь не удалась, пусть всё идёт к чёрту окончательно и бесповоротно”.

: я лично не имею ничего против “девиц лёгкого поведения”. Эти девочки не раз спасали меня и многих моих друзей от тяжелейшей депрессии. Мира без них я просто не представляю — но всему своё место.

И пока я мучительно думал, как можно помочь Лариске в этой ситуации, всё разрешилось само собой. У Змея случился инсульт и она стала его добровольной сиделкой.

Затем женой.

Она подняла, выходила его,— искалеченного пережитым инсультом и грубо проведённой операцией,— сделав то, что казалось невыносимым. Невозможным в принципе. Ибо по выписке из Склифа врачи поставили однозначный вердикт: улучшения не будет. Была-ли в этом её *подвиге* расплата за вину в смерти

Виталика? Судить не мне. Есть высший судья всех наших дел и поступков. И коль он действительно направляет нас по жизненному пути — ему и судить, как мы следуем его зову.

Но какой же радостью были наполнены звонки Лариски мне, когда у неё получалось вырваться из Чехова на полдня в Москву,—

«Представляешь, Ком, Андреич уже сам держит ложку левой рукой!..»

«Представляешь Ком, он уже взял в руку карандаш!.. и рисует!..»

«Ком! Андреич уже чётко говорит “ёб твою мать”!!!»

«Он уже ходит по дому всего с одной тростью!..»

— «Он пилит дрова!..»

— «Ком, Андреич вчера начистил ебальник одному козлу...»

: и так далее.

: Они прожили вместе меньше десяти лет. Какие это были годы для них обоих — судить только им. И никому больше.

* * *

За год до смерти Андрея у них родился сын. Его тоже называли Андреем — ибо первых сыновей в его роду всегда называли этим именем.

* * *

: Я ни разу и не выбрался к нему в Чехов. Хотя Андреич при каждом приезде в Москву навещал меня, и звал в гости... Но всё время что-то мешало — то срочные дела, работа,— то поездки в Никиты и в Старицу,— недописанная рукопись,— казалось: успеется. А иной раз не хотелось ехать на заведомую пьянку.

Наверное, у него в лесничестве побывали все наши никитяне — и многие жили/гостили неделями, месяцами — все, кроме меня. Так, увы, получилось.

— Обижался-ли Андрей на меня за эти мои “неприезды”? Возможно, да. Возможно, нет — прекрасно зная меня.

: Всё зависело от его настроения. И наверно — от дозы выпитого.

Что алкоголь делает из нас не только людей, но и зверей — знаю по печальному собственному опыту. В этом пункте наши с Андреем биографии до боли схожи. Как, впрочем, биографии многих наших общих друзей.

* * *

— Умер Андрей под первую пасху нового тысячелетия. Официальный диагноз гласил: инфаркт после

перенесённого инсульта.

... На похоронах Андрея было более ста человек. Фактически – весь Никитский Круг восьмидесятых. И новые друзья и знакомые, что были с ним в его последние годы.

«Разбегаемся все – только смерть нас одна собирает», – шептали губы цитату из Мирзаяна. Под узнавание/неузнавание тех, с кем когда-то был рядом.

Естественно, собирались деньги на помощь Ларисе и маме Андрея. Не обошлось без скандала: кое-кто из старых спелестологов, в своё время близко знавших Змея и разделивших с ним не одну экспедицию, вначале пообещал “дать на похороны столько, сколько нужно” [ибо человек был достаточно обеспеченный, – к тому же за язык его никто не тянул]. Затем – тысячу рублей. Накануне похорон сумма ужалась до сотни. Которую меня попросили внести самому, а мне, мол, потом отдадут. При первой же встрече. Ибо на похороны дела не отпускают.

— Позвольте: какие “дела” могут быть в такой день у человека вольной профессии?

“Дела” эти были у каждого из тех, *кто пришёл*.

Потом мне было строго поставлено в вину, что я огласил – пусть не публично, но скорость слухов опережает скорость звуков – имя этого экономного товарища.

: Думаю, Зелёный смеялся, паря над всем этим. Было бы удивительно и невероятно, коль на его похоронах не случилось вообще никакого скандала, ни одной разборки –

– но факт: кроме этой финансовой склоки, ничего скандального не случилось. К полному удивлению всех присутствующих.

До того, наверное, всем нам было *очень плохо*.

Никто даже не напился вдрызг — как бы ни хотелось сделать это.

«Каждый ведь чувствовал: сорваться ничего не стоит, ещё стопка – и пиздец, пойду крушить всё вокруг», – сказал мне потом Генка Клетчатый.

: И каждый сдержался.

* * *

... меня, Ларису и Змея связывало множество общих знакомых. О ком-то я уже поведал на страницах своего не слишком весёлого повествования; о ком-то придётся умолчать, ибо такова их воля.

Но два имени навсегда связались для меня с именами Ларисы и Андрея — а потому не сказать о них, пусть и несколько разрозненных слов, я не вправе.

Гена Клетчатый – первое имя.

Второе – Толя Колокольчик.

Знаю: для многих в Никитском Кругу эти имена значили (и значат до сих пор!) очень много. Каждого из нас связали с ними свои отношения – оттого, не пытаясь претендовать хоть на какую-то “общность”, постараюсь быть макси-

мально кратким.

* * *

И Гена, и Толик были знакомы со Змеем много лет. Конечно, у Андрея было много друзей (именно друзей, и он был действительно счастлив своими друзьями,— хотя хватало и “товарищей”, и просто случайных знакомых) — как я уже сказал, судьба поставила эти два имени особняком против прочих. Так получилось: “почему, не наше дело; отчего — не нам судить”.

: С Геной Зелёный познакомился в середине восьмидесятых, в любимом многими никитянами знаменитом “таганском пивняке” — Гена числился там чем-то вроде вышибалы/охранника. По специальности Гена — минералог, геолог-полевик и замечательный камнерез,— но в паузах меж экспедиций где-то нужно было кормиться...

— В общем-то, знакомство Гены и Андреича было предопределено: Гена был близок к “Подольским Троглодитам” и к “Парабеллуму” Пети Крота,— в своё время ходил в Сьяны...

И так же близок к этим старым спелеогруппам был Толя Колокольчик. Удивительно мягкий и добрый человек,— как и Гена, геолог-полевик — но как же они различались, и внутренне и внешне!

: суровый, с резкими чертами лица, почти квадратный Генка Клетчатый — типичный геологический бич с будто из железа сделанными мышцами — и тонкий, почти хрупкий, худощавый интеллигентный Колокольчик... (Жена которого, Лена, в своё время с отличием закончила мехмат МГУ...)

* * *

— Вот одна из “геологических” (или “почти геологических”, как это станет видно) историй ‘от Клетчатого’:

: Разговор во время каких-то посиделок заходит о мутной неразличимости современных “спальных кварталов-выселок” Москвы — просыпаешься в таком квартале после предшествующей пьянки, и ни за что не сообразишь, куда попал, как выбираться отсюда, далеко-ли до ближайшей станции метро...

И как она называется.

: то-ли ты в Бусиново, то-ли в Митино — поди, разберись. Тем более, с похмелья.

— Я однажды так вообще чуть не умер,— говорит Клетчатый,— просыпаюсь на каком-то флэту и понимаю: ничего абсолютно не помню. Суток за двое, наверное. Да. В комнате пейзаж — типичная общага. На полу кореша мои геологические храпят, на спальниках и просто вповалку; в окно глянул — заснеженная пустыня, даже растительности никакой, только прутики какие-то

чахлые из сугробов едва выглядывают. По виду – Якутия.

И стал я с ужасом думать, в какую же партию – а главное, на какой срок и за какие деньги – я с дуру по пьяни завербовался. И как теперь до Москвы из этой жопы добраться.

Народ будить, само собой, не стал – ибо ясно: соображения у них не более моего.

Попил водички из крана; покурил бычок. Тут просыпается кто-то из лежащих на полу. “Где мы?” – вопрошает первым делом.

Подвожу его к окну и предлагаю самому определиться.

– Якутия, – обречённо выдыхает он, – значит, завербовались. Ур-роды...

– Ещё кто-то просыпается. И ещё. Все понимают, что мы без пяти минут в поле – сейчас явится бугор, раздадут ватники и прочую поебень. И погонят на маршрут...

И тут просыпается самый последний. Говорим ему, что случилось.

– Погодите, ребята, – отвечает он, – я ведь почти всё вчера помню. Как добавляли, как потом в общагу ночевать поехали... Но когда мы успели завербоваться – ума не приложу. Факт, в пивняке трендили об этом — но ведь похерили идею, ясно помню. Так что не гоните. А главное: что же это никто не помнит, как на самолёте летели? И прочее?..

– А ты в окно посмотри, – говорят ему.

: Некоторое время он вглядывается в пейзаж. Затем оборачивается — и произносит:

– Ну вы и козлы... Это же Ново-Косино – вон за тем домом ларёк стоит, куда мы сейчас и отправимся!

* * *

– Слушай, Ген, а какое самое тяжёлое испытание было в твоей жизни?

– А зачем тебе?

– Ну, ты ведь знаешь: я сейчас о всех наших большую документальную вещь пишу. О Змее, о Крысе и о тебе тоже.

: Генка прошёл и зону, и армию, и всевозможные “геологические поля” – наверное, только в Антарктиде не был. Впрочем, может, и был.

– Самое тяжёлое... – Клетчатый вздыхает. Действительно очень тяжело. Приготовляюсь запоминать.

– Самое тяжёлое — это когда я спирт сухим молоком закусывал. И дело даже не в том, что спирт был химозным до полного неприятия организмом — а в этом самом молоке, чтоб ему пусто было!.. Чего смеёшься? А ты попробуй, закуси спиртягу ложкой сухого молока! Причём столовой, полной. Попробуй. А потом обязательно напиши об этом.

* * *

— а вот о Колокольчике:

: В Старице, гуляя ‘по приколу’ по лесу, Колокольчик углядел на берёзе роскошный кап. Тем летом, когда мы, не снимая палаток, прожили на нашей Лисьей стоянке до “белых осенних мух”,— готовя приближение своей профессиональной спелестологической работы.

— Меня, может, специально и понесло туда: его углядеть,— сообщил он — и вооружившись топором, умчался отскребать от ствола увиденное.

: Полдня, не меньше, сражался с деревом, не желавшим расставаться с явно онкологическим заболеванием. Вторую половину дня очищал добытое от струьев коры. Затем водрузил то, что обнажилось, на письменный стол, что я соорудил меж костром и обрывом из подвернувшихся на деревенской свалке досок. По виду один-в-один: не кап — кора головного мозга. Те же извилины, формы... Действительно — уникальная вещь.

— Завтра же возьму в городе морилки, лака...

— И на другой день ушёл в город.

: Я, как обычно, остался в лагере один. Работал со складывающимися в картинку словами и картинками, что являли слова,— время от времени отвлекаясь на созерцание толиной находки. В обед приезжает жена Колокольчика, Ленка — и первый вопрос:

— Ой, что э т о ?

— Это мозг твоего Колокольчика,— отвечаю я, не вполне отрываясь от рукописи.

* * *

: Осенью 1992 года многие из нас оказались без работы. Совок летел в пропасть, в тартарары, и тянул за собой всё. Геологического поля просто не было; городские камнерезочные мастерские не знали, куда девать товар.

Как и Гена, Толя — прекрасный резчик по камню. И дереву. И помимо прочего — замечательный строительный рабочий-отделочник. Из тех, что не просто рабочие: архитектор и дизайнер в одном лице,—

: Конечно, при строительстве наших коттеджей планировалось, что он и Юра Кирин будут заведовать отделкой наших домов — как наружной, так и внутренней. Но строительство затягивалось, денег на его продолжение не было, и к стадии отделочных работ мы никак не могли приблизиться.

Я обещал Толе эту работу — но дать её так и не смог. И он, и я понимали: моей вины в этом нет.

Легче обоим от такого понимания не становилось.

* * *

Последний раз мы виделись на “шагале” 1996 года. У Толи уже была раздроблена челюсть — кость не желала срастаться, он ходил в специальной сеточной повязке. На встречу памяти Виктора не прийти не мог. У вечернего костра я зачитывал свежесотворённые “спелеомаразматические незадачи”, написанные в подражание Остеру.

: Народ от смеха в судорогах катался по поляне,— кто-то упал с пентагонного бревна спиной назад, прямо на склон обрыва... [Когда зачитывается вторая по счёту “незадача” про спелеовертикальщиков, кто-то из апологетов “вертикального образа жизни” недовольно восклицает: — Да за что ж ты нас так не любишь?! — на что незамедлительно получает мощный хоровой вопль остальных присутствующих: — А нас он что — разве любит?!]

— Смеяться Колокольчику было очень больно. Несколько раз специально спрашивал его: может, хватит? «Читай дальше!» — показывал он жестом.

Потому что говорить не мог.

* * *

... О том, почему у него была сломана челюсть, и о смерти Толи, я рассказывал в повести “Где дольше Света Длится Тьма”. Повторяться тяжело и больно. Даже процитировать, боюсь, не хватит сил. Да и не за чем.

: Там всё правда, от первого до последнего слова. Разве повествование должно вестись не от лица Пита — на его месте в реальной жизни был Генка Клетчатый.

: Он дал на похороны Колокольчика все деньги, что у него были. Все сбережения, с которыми вернулся с зоны.

На которые собирался жить.

Потом, как мог, пытался поддержать Ленку, вдову Толика. И его сына.

Ленка села на “винт”. С рефреном «лишь бы скорее всё кончилось, лишь бы быстрее оказаться там».

О том, что было дальше с ней и её ребёнком, писать нет смысла.

— Поверьте: ничего хорошего не было.

Ибо быть не могло.

* * *

Потом Гена жил с Ларисой, воспитывал сына Змея. Очередного Андрея Андреича...

Лариска работает парикмахером в модном салоне, и парикмахер она от-

менный.

Генка трудился в камнерезочной мастерской. Штучные изделия из самоцветов.

Последний пёс Змея – названный им в честь Ромки-Президента Рома – жил у них во Внуково и до самой своей собачьей старости норовил разорвать в клочья любого гостя. Но Генку слушался. Ибо “ослушаться Клетчатого...”

И внешне, наверное, всё походило на некую среднечеловеческую “норму”.

Но это только внешне. Ибо наше прошлое живёт в нас, обступает нас и диктует нам наши поступки.

Как и все возможные Мировые Линии будущего — сколько бы их ни было. И как бы мы их ни “выбирали”.

* * *

Говорят: славно, когда после человека остаются дети, продолжающие его.

Славно так же, коль остаются друзья.

Когда остаются слова и рисунки, и какие-то дела,—

: Возможно, всё это так. Да только я предпочёл бы, чтоб остался Андреич. Чтобы быть с ним.

Или – быстрее оказаться там. Все-таки *вместе*.

* * *

... везём тело Андрея из морга в дом. Для последнего прощания с друзьями. Разговор, естественно – о Мамонте и Колокольчике, Обжоре и Моке, Лещине и Лёньке Круглове. И прочих наших потерях. Кто-то замечает, что Андреича там встречает не столь и плохая компания, и Мамонт наверняка уже ведёт его “в одно славное место, где можно на халяву хлебнуть прекрасно перегнанного нектара...”

На Каширке, на разделительной полосе – огромный плакат-баннер:

«ВСЕ НАШИ УЖЕ ТАМ — А ТЫ???»

: чувство вины за “неприезжание в Чехов”
сродни чувству вины *пережившего*.

* * *

Клетчатый умер на Пасху 2009 года. Как и Андрей.

Можно долго говорить о парадигме, судьбе и всяческих кодах,— припомнить Клода Франсуа и Джо Дассена, и Анну Павлову –

Но лучше поставить точку.

МАСТЕР ДИМА

“Мы проиграли нашу войну...”

: С. Лещина

Осенняя горечь

Жухлой травы

диктует печаль,

С которой не спорит

Предсмертный багрянец осин,

Возвращающих листья земле —

: умирать лучшие летом.

Небо становится ниже осенью —

Ближе и пасмурней,

Дожди затмевают зовущую даль,

Ноги мучает слякоть дорог —

: уходить лучшие в летнюю сушь,

в летнюю синеву чистого неба.

Зима моей страны — ледяной белый лист

Загрунтованных временем текстов

: Кто знает, что напишут там далее, — кто?..

: уходить определённое летом.

Холода превращают землю в камень,

Могилу не вырубить топором, —

: Жалко могильщиков.

: Хоронить легче летом.

Грязь весенней распутицы,

Зелень рождения нового мира,

Гормоны зачатий в кипящей крови

Исключают само понятие

Смерти.

: Умереть невозможно весной —

В предчувствии летних костров экспедиций и слётов,

Новых песен и новых открытий,

Томных взглядов подруг и объятий,

В ощущении летних купаний,

Новых встреч и пленительных далей

(Что само по себе – отрицание смерти!)

: можно жить; умереть — невозможно.

: Однокомнатный окоём твоей жизни

Никогда не вместит всех желающих

В час разлуки проститься с тобой.

— Мастер Слова!

Лесные поляны

Благосклонны потокам друзей,

Так желающих молвить последнюю дань

О деяньях твоих, достижениях и строфах,—

Не сжимающий морок покуранных стен городских,

Но зелёное лето лесов

Растворит в этот день

Прозвучавшие песни, стихи, анекдоты и были —

: Разве в осень, весну или зиму

Возможно такое?...

— Друг мой!

Я заклинаю тебя:

Не умирай ни весной, ни зимой, ни осенью.

Только лето – воистину создано для жизни,

Для всех наших пьянок, концертов, костров,

Экспедиций, открытий и слётов,

Для весёлых и грешных приколов —

А потому – заклинаю Тебя:

НЕ УМИРАЙ НИКОГДА!!!

... и не думай о смерти

здесь, в сверкающем мире листвы

облаков, звёзд и солнца

только там — в сталактитовом мраке пещеры

в бездонной тиши

кристаллических вечных цветов

вечной ночи стен белого камня

и застывших натёчных потоков

очевиден резон рассуждений о смерти

под краткое пламя свечи.

Но лик вечности

в мире подземного космоса

ярче, сильнее и ближе —

рассуждая о тлене, ты со-
прикасаешься с ним
ощущая всем духом своим:
ВЕЧНО ВСЁ.
Даже эти банальные строфы –

: МЫ БУДЕМ ЖИТЬ ВЕЧНО.

* * *

— Сценарий, эпизод первый:

Звуковой ряд – открывающая композиция группы “Pink Floyd” из фильма Алана Паркера “Стена”.

Первые секунды кадр заливают чернота – для большей неопределённости знатоков, чей же фильм они-таки смотрят. На фоне черноты – паркеровский титр «THE WALL», оканчивающийся запятой. Затем экран светлеет, – точнее, сереет. На нём становится различима некая структура непонятного вида. По мере осветления кадра и отъезда камеры зритель догадывается, что это – пятно кострового пепла. В кадр попадает нечто; по мере отъезда камеры становится видно: это тесёмочка от мехового треуха. Камера следует за тесёмочкой, треух попадает в центр кадра; постепенно становится видна голова человека в ватнике, лежащего мордой в костровом пепелище.

Камера под музыку “Pink Floyd” удаляется ввысь, плавно охватывая поляну вокруг костра: брёвна ‘пентагона’, характерный бардак раннего воскресного часа [разбросанные пустые бутылки, кружки, миски с макаронами и прочим, – в одной из мисок армейский ботинок; на костровой перекладине полуистлевший носок], – вокруг лес поры Золотой Осени. Около одного из брёвен лежит каска с надетым на неё налобником “тикка”. Камера наезжает на налобник – видно, что он включён, – свет светодиодов заполняет экран...

: На фоне мигающего налобника — чёрные и красные титры: «... или Особенности Национальной Спелестологии».

* * *

– Фильм планировался к производству Никитской студией документальных фильмов в 2003/2004 гг. Сюжет, в общем-то, не нов [что звукоряд фильма, что реплики героев, что сцены планировались намерено-компилятивными, в духе ‘переводов от Гоблина’] и сводился к тому, что некий эстонский буржуин-кладоискатель (роль которого должен был играть “никитский эстонец” Мичман) всё мечтает посетить таинственную подмосковную пещеру, где покоится библиотека Ивана Грозного. Да за пьянством проводников-спелестологов никак не может до неё добраться. [Подобно

видеоряду сцен русской зимней охоты в фильме Рогожкина, рефреном через фильм должны были следовать видеосъёмки толстых старинных фолиантов,— под конец фильмов сплетающиеся с белогорячечным бредом и образами Дзуликой, Белого, шубина... Иной раз, впрочем, должны были демонстрироваться кадры, снятые в красивых вертикальных пещерах.⁴⁰]

: Роль-аналог Кузьмича в этом фильме должен был исполнять Дима Мастер. По единодушному заключению всего Никитского Круга, это был не просто аналог персонажа Рогожкина,— Димка настолько соответствовал данной роли и настолько превосходил прототип, что в сокрушительном успехе нашего фильма мы не сомневались.

: Именно он должен был лежать в первом эпизоде фильма головой в костровом пепле.

Димка — потрясающий актёр. Автор замечательных “готических” стихов (“Король и Шут” — жалкие панковские потуги на готику по сравнению с его, именно *мастерски* сделанными ‘ужастиковыми’ балладами),— естественно, по ходу фильма он должен был их исполнять, запугивая в моменты редкого протрезвления эстонского додика-библиофила. Как, якобы, прочитанные в старинных фолиантах, находящихся в этой самой библиотеке. И вообще, по нашему сценарию (добрую часть которого написал сам Дима), он был центральной фигурой в этом фильме. Символизируя что своим пьянством, что “некоторой интеллигентностью” под острым соусом распиздяйства отечественную спелестологию.

Рассчитывалось, что ряд эпизодов будет сниматься “скрытой камерой” на реальных наших сейшенах.

— Учтите: трезвым я сниматься не собираюсь,— сразу заявил Мастер.

Все знали, что в амплуа вечно полупьяного героя ему нет надобности входить — он постоянно пребывал в нём. По крайней мере, в последние годы.

Даже переодеваться для съёмок и как-то гримироваться нужды не было — внешний вид Димки прекрасно соответствовал заявленному в сценарии Образу Катакомбного Алкоголика...

* * *

Мы познакомились в Сянах, в 1989 году. Сразу крепко сдружились. Как-то раз, загостевавшись у Димы Мастера и Андрея Маркшейдера в отстроенном их усилиями гроте Генрих в Пятой системе, понимаю: сил добраться до своего грота осталось маловато. То есть добраться можно без проблем — но очень не хочется.

— Гавно вопрос, Ком! Есть спальник и пенка.

⁴⁰ Планировалось также, используя современные компьютерные технологии, “перерисовать” мультипликацию из паркеровского фильма, заменив кирпичи на пустую стеклотару; звукоряд должен был при этом остаться без изменений.

: Грех отказываться. Остаюсь. Кроме меня, Маркшейдера и Мастера в гроте пара ребят из их команды и медсестричка из зеленоградской больницы Таня-Клещик, недавно пришедшая в Систему. *Существо в высшей степени удивительное: казалось, нет такой болезни, которой она бы не страдала (честно: персонажу Дж. Кл. Джерома до Тани было ох, как далеко) – при этом ходила под землю, закутанная в десяток одежек, как капуста – и все были какие-то засаленные, грязные...Бр-р!.. Не завидую я клиентам зеленоградской больницы.*

– среди ночи просыпаюсь от жутковатых стонов, совмещаемых с явным “чейн-стоксом”. И прочими характерными звуками.

Толкаю в ужасе Мастера: – Дима, человеку плохо...

– А, ерунда. Это Клещик умирает...

: Редкой невозмутимости и спокойствия человек. Очень мягкий и добрый. Наверное, мухи не обидел в своей жизни, – в данном случае это не просто “фигура речи”.

— Констатация факта.

В Сьянах он близко подружился с Андреем Парфёновым, профессиональным маркшейдером, преподающим в Горном институте маркшейдерское дело — и замечательным при том спелестологом.

Затем женился на его сестре.

С Андреем вместе они оттопосъёмили столько пещер, что суммарная длина этой съёмки, наверное, могла бы сомкнуться на экваторе нашей планеты.

: “Вот такие дела. Вот такие картинки”, –

— Предупреждаю: не смогу рассказать связно. Не получится за оторопью случившегося. Потому что боль ещё не ушла — и не знаю, уйдёт-ли. «Скоро, Постум, друг твой, любящий сложенье...»

: Казалось, должен привыкнуть к постоянному вычитанию друзей, – ан, нет.

: НЕ МОГУ.

: НЕ МОГУ.

: НЕ МОГУ.

* * *

И наверно, не смогу говорить – то есть писать – длинно.

* * *

: С Димой, живущем в Балашихе (в Сьяны он попал неизбежно, ибо был одним из воспитанников Игоря Всеволодыча Черныша), мы вместе рассекали

по окружавшим Балашиху лесам, подыскивая место для задуманного постоянного летнего лесного лагеря-коммуны. Году в 1990.

* * *

С лагерем – не вышло. Как и со многими красивыми проектами тех лет. Как, впрочем, и лет предидущих. А также последующих.

* * *

Вышло – со спелестологией. С пониманием Подземли, – Диме было даровано такое *ощущение Системы*, – такое чувство её — к которому иные спелестологи (полагающие себя многоопытными и сведущими во всех подземных вопросах) не в силах прийти и за десятки лет подземного хождения.

* * *

– Впрочем, столь же дивное очувствование Подземли было дано и его другу, партнёру и родственнику Андрею Парфёнову.

: Неудивительно, что 12 лет они были не просто рядом — *вместе* во всех своих подземных экспедициях.

* * *

Острое чувствование мира нередко приводит к алкоголю.

Дима во многом повторил судьбу Серёжи Лещины – наверное, по другому и не могло случиться в нашей стране.

* * *

Кто желает сказать, что пьянство – атрибут лишь опустившихся личностей... Могу поговорить на эту тему, пожалуйста. Публично и тет-на-тет. Но лишь после того, как заявитель данного ‘лозгунга’ продемонстрирует мне хотя бы пару написанных им строк, что могли бы сравниться со стихами Серёжи или Димы.

– После того, как знающие Лещину и Мастера скажут мне: этот человек столь же важен нашему миру, как ему были важны Серёжа и Дима.

* * *

: Оттого и слил их образы в один в своей прозе. Ещё при их жизни. Не думая, что нагадал, напроорочил...

В очередной раз.

* * *

Какой-то из наших старицких выездов. В команде Миши Сохина – Юра Долотов, Андрей Парфёнов, замечательный питерский спелестолог Максус (создатель наиболее красивого спелеосайта «Виртуальная пещера» и официального сайта РОСИ), Чудовище, – и естественно, Дима-Мастер. Со своей женой Аней и приятелем Маклаутом.

– Из воспоминаний Чудовища: *«На Ленинградский вокзал Мастер явился со страшным опозданием, буквально к самому отходу электрички, и вдобавок с почти пустым рюкзаком-колобком – как оказалось в последствии, там было детское одеяло в клеточку, кружка и ложка, – зато в руках 10-литровая канистра со спиртом. Доехал он до места и как занял позицию на пенке у костра в обнимку с Канистрой, так за неделю от неё не отрывался!»*

Пока признанные лидеры московской спелестологии рассекают под землёй, лагерь не остаётся без охраны.

– А что, – замечает Сохин, уходя на подземную съёмку, – очень даже удобно иметь в лагере постоянного сторожа. Точно знаешь, что от костра он никуда не денется... А то при нашей вольнице одному одно надо, другому – другое. И всем под землю, срочно, – а в лагере кто в таком случае остаётся?..

: Мастер. Периодически проходя через лагерь Сохина, видим его тело в бревенчатой околостростровой пентаграмме — положение тела день ото дня не меняется, меняется уровень спирта в канистре.

: Кажется, это был его самый алкогольный выезд. Своего рода рекорд.

* * *

В один из дней, пока группа Сохина работала под землёй, сторож пригодился. Лагерь посетила пара местных — возможно, у них и в мыслях не было ничего плохого... Но кто знает эти мысли? На первый взгляд, Мастер производил абсолютно беспомощное впечатление. Местные присели на пентагон у тлеющего после завтрака костерка. И были вынуждены остаться в этом положении до возвращения из-под земли группы — ибо при каждой их попытке

пошевелиться Мастер, не открывая глаз, рычал хриплым басом Барри Уайта: “Падонки, однозначно!!!”

... даже питерский Максус, услышав этот рык на подходе к лагерю, сильно испугался.

* * *

— однако всё приедается. И химически чистое пойло — тоже. На пятый день спелестологического выездного запоя Мастеру опротивел “безвкусный”, по его выражению, спирт — и он в сопровождении Чудовища пополз в деревню “за вкусненьким”. То есть за самогоном.

— лагерь остался без охраны.

: Слава Богу, ничего не случилось. Однако переполох имел место — когда топосьёмящие и фотосьёмящие главы экспедиции поднялись наверх, к заслуженному вечернему костру — и не обнаружили на привычном месте тела, о которое спотыкались.

* * *

Самогоном оказался на редкость противным. Чудовище и Маклаут — обычные вечерние собутыльники Мастера, способные выпить спиртного столько, сколько его есть, какого бы качества оно ни было, и тем не менее на следующий день заниматься намеченной экспедиционной работой — пить его не смогли. Максус был единственным, кто нашёл, что деревенское пойло приятно на вкус, и даже увёз в Питер (очевидно, на память об этой совместной экспедиции) грамм 200.

* * *

... ещё один “алкогольный эпизод” — тоже в Старице, тоже с участием Димы. Помимо спелеоорлов, на выезде присутствует пара чайниц, взятых запасливым Долотовым. Для готовки у костра и ночного сугрева. Поскольку девицы — явные чайницы, во время серьёзной подземной работы под землю не допускаются. Чтoб не путались под ногами, не задавали идиотских вопросов — и вообще не отвлекали топосьёмящую группу на спасаловки.

: Мастер приходит в себя после сильного предидущего возлияния. Длинной в пару экспедиционных дней.

И с истошным рыком — «Знаю!! Ты мне сейчас дашь!!!» устремляется в палатку, где шхерится от непогоды одна из этих девочек.

Девочка от страха забивается в дальний угол палатки.

«Знаю, у тебя есть!» – орёт Мастер, наваливаясь на неё.

: он имел в виду бутылку водки, заначенную в этой палатке в первый день выезда. Что подумала девица, догадаться не сложно.

* * *

— Конечно же, актёрский прикол. Роль.

По крайней мере, больше, чем на половину.

: Аналогичную маску “пожизненного алкоголика” носил Мамонт. Когда – маскировка, когда – игра. Когда – почти волшебная палочка-выручалочка, помогающая закрыться от серой окружающей оторопи, боли потерь...

“И всё же” —

* * *

: Он пытался кодироваться разными способами. Завязывал пить, уповав на свою волю. И в общем-то, ему это почти удавалось.

: На “звёздном выезде современных светил спелестологии”, который устроил Миша Сохин в только что вскрытой Володей Министром пещере Солнечная – в качестве её как бы презентации спелестологическому сообществу Москвы – мы с Димой всю ночь просидели у костра. До холодного утреннего рассвета. Я уговорил под нашу беседу, стихи и песни фляжечку “кристаллической Зубровки”. Дима – полуторалитровую бутылку пива. К водке моей не притронулся.

* * *

Часть нашей долгой ночной беседы не включала ни стихов, ни песен. Ибо мы говорили о нелепой смерти Морковки – давнего друга Мастера, с которым он пришёл в Сьяны.

* * *

... Идёт Мастер по Сьянам. Сзади на поводке ‘на четырёх костях’ семенит Морковка. И поет:

– Дим... ну Дим... ну сбавь темп, давай перекурим...

: Мастер, не обращая на морковкины стоны, ломится по штреку, как танк.

– Дим... Ну Дим... Я же устал... Все локотки и коленки сбил об эти подлые камни... Не могу я так — как собака, на поводке...

– Ну чего ты там стонешь? Если нам в Млечнике не нальют — ТЫ ЖЕ
 ВООБЩЕ ИСЧЕЗНЕШЬ!!!

* * *

: Они сидели дома у Димы,— как обычно, употребляли. Под всякие “извечно философские темы” [“кто виноват” — “что делать” — “и как об этом писать”]. Точнее — употреблял Вовка-Морковка, потому что у Мастера был период воздержания. Так что Морковка пил практически один. И напился. Стал “нехорошо себя вести”, укоряя Мастера его “завязкой”: мол, не желаешь выпить со мной — значит, не уважаешь. Как водится у пьяных. Ну и прочие претензии, что пьяный в жопу Поэт обычно высказывает — пусть и случайно, но более трезвому — собрату.

: Мастер указал ему на дверь, чтобы избежать скандала.

Морковка покинул дом Мастера и попал на улице под машину.

: *Мастер считал, что виноват в его смерти.*

* * *

У Лещины был Леша Круглов. У Мастера...

— И здесь горькая параллель.

* * *

После очередного периода воздержания следовало очередное “развязывание”. Во время которого Дима мог выйти из электрички, забыв в вагоне рюкзак,— мог напиться на выезде так, что его приходилось оставлять одного в пустом лагере. Ибо даже на машине везти в Москву было проблематично.

: Так случилось, например, после “шагала” в 2002 году.

* * *

Осенью 2002 года Мастер вновь “завязал”,— точнее, прижал своё пьянство. На моём дне рождения, что традиционно отмечается в Никитском лесу 7 октября и собирает гостей не меньше, чем иной слёт, Дима пил столько же, сколько прочие.

Возможно, даже меньше.

Развлекал присутствующих своими актёрскими приколами,— о, его безумно-дивный рык, исполняемый на весь Никитский лес — «НЕГОДЯИ! ЛОБОТЯСЫ!! МЕРЗАВЦЫ!!!»

: дня три эхо этого мастерского вопля стояло у всех в ушах...

: тогда и родилась идея снять спелестологическую версию “национальных особенностей”.

С Мастером в главной роли. Начали готовиться к съёмкам. Написали сценарий. Подобрали исполнителей, звукоряд. Оснастились потихоньку необходимой аппаратурой,— Саша Никольский как раз купил замечательную цифровую камеру... Думали прибегнуть к помощи наших останкинских друзей, Стасу де Витте и его команде.

Да только снять — не удалось. Не успели. Может, оно и к лучшему — ибо как бы мы теперь смотрели его?..

* * *

... а может, и смотрели. Даже с радостью. Ибо хоть что-то осталось после Димки — доделанное, доведённое до конца.

: МЫ НЕ УСПЕЛИ.

* * *

Мастер очень любил Сьяны. Не уходил оттуда, как бы ни менялся ходящий туда народ. И в общем-то, хороших людей в Сьянах всегда было в достатке.

В феврале 2003 он отметил там своё сорокалетие.

После не вернулся домой.

Поиски ничего не дали — “пропал без вести”.

Гадали, что могло случиться. На всякий случай обыскали Систему,— да только он вышел из неё, и была соответствующая запись в Журнале.

Ане в милиции сказали: алкоголика искать не будем.

: Мастер не был алкоголиком. То, что поведано мной в этой главе — игровой прикол. А что жизнь переплеталась с игрой, в которую он уходил от мерзкой серой действительности ведущего назад настоящего,—

— но пусть бы и так. Пусть. Сегодня они отказывают в праве на защиту тем, кто пьёт. Завтра чей настанет черёд — хиппи, людей с рюкзаками, пенсионеров?..

: Риторический вопрос.

* * *

... ладно — фильм.

Мастер ходил в Сьяны более десяти лет. Тамошней молодёжью заслужен-

но почитался, как ветеран Системы.

В 1988 году мы оборудовали в Сьянах грот Млечный путь. В качестве элемента декора Юра Кирин нарисовал на его стене замечательную картину — ведьма, летящая в ночи на помеле. Народ тут же назвал изображённое “Маргарита”.

— так вот:

: за 12 лет хождения Мастера в Сьяны ни один из обитателей этой Системы не догадался сделать фото: “Мастер и Маргарита”.

А ведь фотография могла получиться просто культовой...

* * *

В марте на Тринадцатой парковой из сугроба вытаяло тело. Было сочтено за тело бомжа — ни документов, ни тёплой одежды,— и кремировано, как “не опознанное”.

: Он был избит и ограблен. Раздет, закопан в снег.

Человек, никого не обидевший в своей жизни. Ни на кого никогда не повысивший голоса, не поднявший руки.

: На Тринадцатой парковой жил Андрей Парфёнов. И Мастер шёл к нему домой.

* * *

“Мы — не успели. Нам — повезло?..”

* * *

: Уголовное дело возбуждено не было. Менты вообще отказались его искать,— когда ещё можно было найти. И хотя бы похоронить по-человечески.

Лишь в мае, в очередной раз разглядывая снимки “неопознанных тел”, отец Димы опознал его. Хотя опознать было практически невозможно.

“Погребение пето не было”.

И снова не было поминок.

Проститься, проводить,—

— помянуть...

: Помянуть можно и сейчас.

“Можно лишь перед собой оправдаться —

— тем, что мы сделали всё. Что смогли.”

ЧАСТНЫЙ МАРТИРОЛОГ

“Всё меньше, меньше, меньше – нас!..”

: В. Молодняков

Эта глава моего повествования – самая короткая и печальная.

Потому что за каждой строкой этой главы – жизнь.

“Целая жизнь”, – как сказал Б. Пильняк.

Что заведомо больше любых слов и текстов:

Морозов Александр Игоревич – погиб во сне, застигнутый снежной лавиной.

Жданов Леонард Николаевич – инфаркт.

Брянкин Сергей Михайлович – инфаркт.

: мои Учителя и старшие товарищи.

Ира Гусакова: моя дочь.

Далее – поколение:

Витя Шагал погиб под обвалом в пещере.

Ваню Шкварина убили под землёй.

Виталик Марченко (Вет) разбился в безымянном колодце в Крыму.

Света Дементьева (Тараторка) разбилась на мотоцикле.

Митя Валюс не вернулся из поля в Магаданском крае.

Лёшу Круглова убили в Особом отделе Черноморского флота.

Арапов Серёжа (Мока) умер от менингита – врачи отказались лечить без страхового полиса.

Толя Колокольчик умер от пневмонии по той же причине.

Саша Тихонов – актёр ТЮЗа, – в антракте выбежал на улицу за сигаретами, попал под машину.

Дима Каштанов (Похмел) погиб в Каунасской экспедиции.

Колю Никитина отравили под землёй.

Надю Ставровскую (Ставрида; Надя-Крэйзи) убили.

Паша Пятнистый повесился в КПЗ.

Лёша Савушкин (Крэйзи III) погиб в автомобильной катастрофе.

Лёша Граховский (Граф) пропал без вести.

Саша Русаков не вернулся из Афганистана.

Витя Матросов отравился спиртом.

Миша Рыкунов (Обжора) вскрыл вены.

Саша Мишин (Гном) сбит машиной скорой помощи.

Ваню Ростиславова (Мамонта) убили.

Виталий Котов (Вит) – синдром помрачнения рассудка.

Саша Токарев и Саша Орлов — по официальной версии суицид, с чем не согласны многие из близких.

Максим Пучков умер от туберкулёза, отказавшись от врачебной помощи.

Серёжа Вальков (Лещина) умер в больнице после операции на поджелудочной железе.

Саша Кантор (Кант) умер от сердечного приступа.

Ионкин Андрей (Зелёный Змей) – сердечный приступ на фоне асфиксии после перенесённого инсульта.

Саша Макаренков (Сэм) – цирроз печени, смерть обнаружена только через полгода.

Саша Никитин – от множественных внутренних кровоизлияний. То есть — был забит “родными и близкими”...

Юра Рыбин (Белый) – Чечня.

Игорь Редлих (Рэд) – суицид.

Серёжа Зюзин (Негатив) – скоропостижное развитие злокачественного образования поджелудочной железы на фоне врождённого диабета; умер по дороге на Грушинский фестиваль.

Дима Зыкин (Мастер) – убит.

Сергей (Самурай) Жо Сан – утонул в октябре месяце в Карелии (остановка сердца в результате внезапного переохлаждения).

Володя Болотин – инфаркт.

Саша Литвинов (Веня Дркин) – “лечили от одного, умер от другого”.

Коля Пустовойтов – инфаркт.

Лёша Иванов – инфаркт.

Саша Казанский – инфаркт.

Юра Зуйков (Государь) – инфаркт.

Алексей Рассолов (Алёна) – инфаркт.

Андрей Романенко (Ромашика) – инфаркт.

Владимир Розанов (Большедворский) – инфаркт.

Наумов Алексей (Наумыч) – инфаркт.

Бродский Илья – инфаркт.

Света Русова – убита.

Гена Жуков – инсульт.

Юра Кирик – рак лёгких.

Гена Ахапкин (Клетчатый) – скоротечный туберкулёз.

Витя Камышов (Кэм Младший) – злокачественная опухоль.

Женя Богданов (Кис) – сахарный диабет.

Валентин Саломатов (Малыш) – ДТП.

Лёня Сохнин (Лёнчик) – инсульт.

Толик Берёзкин (Румата) – инфаркт.

Марина и Володя Байдан – ДТП.

Лина Строрь (Дымка) – инсульт.

: это лишь те, кто был рядом. О ком не сказать не мог.

Наверное, “мартиролог” – не вполне подходящее название для этой главы. “РЕКВИЕМ ПО НЕУБИТЫМ?” подходит гораздо больше.

С обязательным вопросительным знаком.

ПРИТОКИ ОДИНОЧЕСТВА

*“Одиночество – не главная беда.
Только, Бога ради, не сорвись на крик...”*
: С. Лещина

Тринадцатый месяц придется на зиму.
Что хочешь – то делай. Как хочешь живи.
Жди выстрела в спину. Жги в печке осину.
Повесь на облезлую стену картину,
Картину прошедшей любви.

Тринадцатый месяц придется на совесть.
Тринадцатый месяц удастся на стыд.
Не бойся. Дописывай чёрную повесть.
Едва ли удастся себя успокоить.
Теперь уже поздно. Болит и болит.

– Оставьте меня. Я не буду смеяться:
Не хватит души, не позволят года.
Лишь тусклое солнце улыбкой паяца
Придвинется ближе. Секунды всё длятся...
: Зима. Завершается путь в никуда –

— ибо *личное* к середине девяностых “вы-
глядело примерно так”:

Красивая идея о сочетании коммерческого спелеотуризма и спелеонавтических исследований накрылась медным тазом. В глаза друзей, что разделили эту мою идею, было больно смотреть.

Переезд подвёл черту под “прекрасной эпохой Новослободской” – двенадцатилетним звёздным циклом Никитского Круга, – отсутствие телефона на новой квартире вдвойне подчеркнуло/усилило Одиночество Времени. Казалось, каждый ныне занимается лишь своими личными проблемами — “не до жиру, быть бы живу” — и на то, что прежде складывало нас в общее, не остаётся сил. Ни духовных, ни физических. Былые друзья и партнёры по Миру Подземли оставались интересны лишь постольку, поскольку общение с ними гарантировало какую-то возможность работы — высотной, компьютерной, автосервисной, книжноторговой или иной – без разницы.

Изданные “под перестройку на халяву” немногочисленные рассказы и общение с коммерческими директорами новых издательств однозначно говорили: хочешь, чтоб печатали — пиши о другом. И иначе. «Я поэт, я хочу – *о том*, а

мне приходится *об этом...*», — из Гены Жукова. Как и Гена, “об этом” я не хотел и не мог. «Ваш язык слишком элитен, ваши темы слишком камерны», — стало стандартным редакционным отзывом. Спорить с которым, как с инспектором ГАИ. И бессмысленно, и глупо.

: *Что общего между промальпами и проститутками? И те и другие занялись этим ненадолго для того, чтобы заработать много денег. И те и другие остались навсегда, а так ни хрена и не разбогатели.*

: Высотные работы, в которые мы окунулись “как бы на время” — пережить эпоху перемен, не умереть с голоду и не разменяться на голодное полупрофессиональное асканье (подобно остающимся ‘форейторам науки’ в совковых НИИ — с нищенскими деревянными окладами и свёрнутыми темами научных исследований), — эти работы всеми нами принимались, как нечто временное. По определению лишённое будущего — то есть какого-либо профессионально-карьерного смысла, перспективы. Понимали: труд высотника не компенсируют никакие в принципе заработки. Ибо не только “нервные клетки не восстанавливаются” — со здоровьем складывается в общем аналогичная картина. Каждый считал, что промалып в нашей жизни — на год, на два. От силы — на пять лет. Затем неизбежно следует переходить к какой-то *настоящей работе* —

— но любая попытка ‘откосить от промалыпа’ неизбежно возвращала бегущего на “проклятые верёвки”.

Эта карма, лишённая хоть какой-то разумной перспективы, ни душевного здоровья, ни физического не добавляла. И денег почему-то — тоже. Всё уходило в распыл. В инфляцию и паузы меж заказами. В постоянно нужную новую снарягу... Да, увы, в неизбежное российское “кидалово”.

Смерть дочери — предсказанная/увиденная во сне во время моего Пребывания 1985 года — окончательно осадила в омут тяжелейшей депрессии.

И умирал мой друг и Соавтор Серёжа Лещина.

: Это — личный, персональный киот времени.

На который вполне унисонно накладывалось то, что можно назвать *общественной жизнью*:

— Об алкоголе под землёй было написано и сказано столь много, что повторяться бессмысленно. Исполненная сарказма фраза «каждый спелестолог в душе алкоголик, но не каждый алкоголик — спелестолог, даже в душе» говорит сама за себя. Алкоголь дарит нам кайф открытого, не задавленного городскими проблемами и суетливой ‘вербалкой’, радостного ощущения Подземли. Праздника общения с друзьями.

И он же калечит наши спелеосудьбы: когда из всего, что складывает наше общение с Подземлёй и нашего подземного общения друг с другом — выходит на первое место. Можно сколь угодно сетовать на “продажно-ламбадное время”, на “период застоя и стагнации”, диктующий не откровения от мира — но тупики, — можно причитать о том, что сука-власть не дала нам реализоваться в полную меру, но чтоб сделать наше бытие по возможности более скверным, приложила немеренные усилия, и что в такой ситуации для многих оставалась одна “утешалочка” — бутылка с поднимающим настроение веществом...

: ничего от этого не изменится. Как бы ни было худо, кто не хотел спиться — не спился.

Но таких оказалось меньшинство.

Иные — что предпочитали “сами ковать свою судьбу” — уехали “на Запад и на Юг”. Имена других переходили из записных книжек в “небесные реестры”.

Что радости в жизни не прибавляло.

— Кто-то отошёл от занятий спелестологией: случившиеся в конце восьмидесятых перестроечные перемены предоставили многим возможность организовать своё дело и начать зарабатывать реальные деньги, не завися при этом от “милости власти”; компьютеры, видео, автосервис, торговля или промальпинизм “оттягивали от пещер”, не оставляя времени на их посещения. Фактически жизнь нашего поколения спелестологов окончилась естественным путём: к середине девяностых годов остались лишь немногие из моих друзей и ровесников, кому по-прежнему был интересен мир рукотворных подземелий. И не случайно окончание нашего хождения под землю совпало с очередными изменениями в жизни страны, — в социологических ритмах нет случайностей: ритмика социальных изменений равно действует как на макро-социальном, так и на личностном, индивидуальном уровне.

: Новое спелестологическое поколение, что пришло нам на смену, не представляло собой монолитного, ярко выраженного этноса, каким были первые поколения спелестологов; численность тех, кто посещал подмосковные каменоломни в конце восьмидесятых / начале девяностых годов, была на порядок меньше. Конечно, во многом это было связано с тем, что исчез прессинг совка, что изгонял нас прежде из городов — жизнь НАВЕРХУ стала интересней и появилась возможность (а для многих необходимость) не только активно участвовать в ней, но делать самому свою судьбу. А это, конечно, много важнее, чем театральная имитация жизни в окоёмах изолированной от Мира пещеры.

Что характерно, не только спелестология в эти годы “сильно потеряла в массовости” — аналогичный урон понесли практически все виды и формы российского туризма.

Кто “оставался в хождении”, предпочитал закукливаться в собственном мирке ностальгически тёплых воспоминаний. От былых компаний и групп оставалось по два-три человека, чьё подземное общение вершилось с рефреном “а помнишь...” — и уже не нацеливалось на поиск чего-то нового: как в силу неизбежно случившейся усталости от героического периода копания, топосъёмки и прочих подземных геройств, так и по более простой причине: а ради кого, или ради чего, стоит курочить непроходимые завалы и бегать с лозой по поверхности?..

: Встречи “старых спелестологов” всё больше напоминали *поминки по жанру*.

Поминки по своей подземной судьбе и по ушедшим в прошлое весёлым подземным деяниям.

«Вот такая мрачная эпоха — не горим в огне и тонем в луже...»

* * *

Этим временем – и его похоронным ощущением – продиктованы почти все мои тогдашние строки. По крайней мере те из них, что обращены к Подземле: “Свободный Поиск”, “Долгая Ночь у Костра”, “Последняя Капля Сталактита”, “Белый Камень – Чёрная Ночь”.

Но особенно, конечно, – “Где дольше Света длится Тьма”.

По написании которой — под землёй, во время полуторамесячного Пребывания в Никитах со Склизским Змеем – самому стало казаться: *всё, пиздец*.

: Больше ни о чём подземном писать нет смысла. Эпоха закончилась, и завершено её описание.

Как и не за чем, в принципе, ходить под землю.

: Что хотел увидеть, пройти, открыть и узнать в вертикальных пещерах — увидел, открыл, прошёл и узнал. Что смог взять под землёй от биоритмических откровений – взял с лихвой. < “И что теперь с этим прикажете делать?..” С равным успехом все мои параметрические таблицы можно было выбросить в мусоропровод, спустить в унитаз, свернуть в трубочку и засунуть в собственную задницу – или послать по почте в редакцию какого-нибудь физиологического вестника. >

: Что хотел узнать о каменоломнях и очувствовать в них – узнал и очувствовал. [Чувств было выше крыши – но толку?..]

: Что манило в загадке САЯ – стало, вроде бы, ясным. Большого понимания/приближения — НЕ ДАНО.

— А что сотворило весь, испытанный мной кайф Подземли, – мои друзья, приколы и увлечения, – стихи/песенки и рисунки из наших газет-маразматок, – “рассеялось в пространстве”.

«И скоро уж и мне – пора...»

Так что надо со всем этим как-то завязывать. И так – последние, остающиеся в хождении – *просозидались*. И нам явно печальнее, чем тем, кто ‘завязал’ с Подземлёй на взлёте нашего общего хождения.

: Они-то хоть сохранили в памяти своей радостные, светлые эмоции. Какую-то даже тоску по тому славному Нашему Времени, –

А мы — что сохраняем мы, зажигая поминальную Свечу Жанру?..

* * *

Теперь – странно того давешнего ощущения всеобщего конца, умирания.

Потому что впереди была Старицкая спелестологическая конференция. Которая собрала нас всех, было похоронивших жанр, вместе – из разных городов и разных стран — и все увидели: *Жанр только начинается*. “Никто не умер”, как “никто никуда не ушёл”, “не исчерпался” – и перед затупиковавши-

мися в камерном каменоломенном туризме распахнулись подлинные его горизонты и перспективы.

Ибо лабиринты горных выработок – лишь малая часть поистине всеобъемлющего Мира Подземли. Причём, как это ни странно – не самая важная. Хотя бы потому, что “более” и “менее” важных пещер не бывает по определению.

За открытием (не тем, что направлено от нас миру – но тем, что вершится лишь внутри нас) спелестологической значимости подземных культовых сооружений последовало осознание духовной, социальной и культурологической значимости Подземли в происхождении и развитии нашей цивилизации.

За этим осознанием явился ответ на “вопрос вопросов”: что же зовёт нас под землю, что не отпускает от неё?

: Ответ, что не финальной точкой удовлетворяет твоё любопытство и объявляет – “тема закрыта, вопрос исчерпан, теперь обратимся к чему-нибудь принципиально иному”, – в том смысле, что коль он получен, так ходить под землю больше не для чего — но наоборот: узнавшие его получили мощнейший стимул к продолжению своего общения с Миром Подземли. Так обучившийся искусству письма и чтения открывает мир не просто Слова – но Литературы; постигшему Музыку вместо попсовых мелодий открываются истинные бездны и высоты арт-рока, джаза, психодела и классики.

И выяснилось: мои опыты по изучению САЯ – как и опыты моих коллег – не только *и близко не подошли* к некоему “пределу познания” спелеоаномальных явлений — были лишь первыми шагами по дороге, конца и края которой пока не видно.

Что же до любимой мной спелеонавтики – точнее, приборному снятию параметрической информации во время длительных подземных Пребываний — развитие компьютерной техники и средств связи *только теперь* позволило напрямую подойти к тому, чтобы задать несколько самых сокровенных физиологических вопросов нашей природе. И получить на них достаточно внятный ответ. Причём не следует думать, что все прошедшие Пребывания прошли впустую: по сути, они были серьёзнейшей и абсолютно необходимой стадией накопления того самого опыта и тех самых знаний, что позволяют не только грамотно сформировать наши вопросы к Природе — но и понять полученные ответы.

И пришло под землю новое поколение: вначале понемногу, по чуть-чуть, малыми ручейками и отдельными капельками, — совсем, как в конце пятидесятых / начале шестидесятых годов приходили под землю, не разделяя её на искусственную и естественную, первые спелеологи, —

: на стыке тысячелетий это уже был поток, не уступающий аналогичному в конце шестидесятых.

С новыми лидерами, новым стилем хождения, — новой техникой и новыми целями.

Историческое колесо завершило свой тридцатишестилетний оборот — цикл начался снова.

В вертикальной спелеологии это привело к естественному падению “пре-

дела глубины” – причём в тех пещерах, что спелеологами прежних генераций полагались изученными и неперспективными.

В спелестологии — к аналогичному расширению наших рукотворных подземных объёмов.

И к её обособлению уже не в разновидность туризма – но в самодостаточную и весьма разнообразную отрасль Знания.

: Так трудно было разглядеть этот прорыв нам в середине девяностых, – и таким неизбежным он кажется теперь, спустя десять лет...

* * *

Католическое рождество перед новым, 1992 годом, встречаем в Сапфире втроём: я, Сап и Гарри. Что примечательно: для Гарри этот день праздничный в двойне, ибо 25 декабря – его день рождения.

Сапиенс специально к этому дню делает партию своего замечательного домашнего вина.

Я записываю несколько сборных кассет, содержание которых вполне гармонирует с нашим ощущением Рождества Христова – и, конечно, дня рождения Гарри.

Продуктами закупаемся независимо друг от друга – хотя бы из соображений обязательной сюрпризности праздничного стола – но, конечно, Гарри, как реальный именинник, несёт большую долю продовольственных расходов.

Я, как звукооператор выезда, помимо намикшированных кассет, несу в одном из двух своих трансов “подземный звук” – плэер, специальный усилитель, колонки – и неизбежный аккумуляторный запас их питания.

Что несёт в одном из двух своих трансов Сапиенс, догадаться не трудно.

У Гарри трансов тоже два.

Плюс пятилитровая канистра бензина для примуса и гитара – болгарский “Орфей”, упакованный должным образом.

Из-за городских проблем выехать под землю получается у нас около десяти часов вечера.

В полночь мы в Домодедово. Поскольку 33-й автобус довозит нас лишь до половины пути (последний 21-й ушёл в сторону Никитского каких-то пять часов назад) и ждать его, по меньшей мере, полчаса на лютой декабрьской холодрыге — не заморачиваясь автотранспортным сервисом, идём пешком.

: Ветер, как обычно в таких ситуациях, дует в морду. Подкрепляя своё превосходство над нами зарядами омерзительно-твёрдой, секущей крупы.

Тем не менее, через полтора часа хода мы в Никитском. Наученные трагическим опытом, переодеваться решаем не “где светлее” – то есть в деревне – а непосредственно перед входом в Систему. Последние 300 предвходовых метров преодолеваем по пояс в снегу, – отсутствие тропинки к пещере равно-

значно её практической непосещаемости...

— Которая естественно подтверждается последней записью в Журнале: две недели назад мы же, хорошие, вышли из неё. С Хмырём и Лещиной. И лещиновыми детьми-воспитанниками.

И всё. Придёт-ли кто в этот раз, кроме нас — тайна, покрытая пещерным мраком грядущего. Каждый задаёт этот вопрос вначале сам себе; потом, чуть-ли не хором, обществу. «Послезавтра я смогу тебе на него ответить», — следует хоровой же ответ.

: Переодеваемся — почти в комфортных условиях, ибо склон холма перед нами защищает от ветра, — и ныряем вниз. Внутрь. Выстраиваясь привычной цепочкой в привходовом вертикальном шкуродёре — зигзагообразном колодце пяти-с-половиной метров глубины...

: *Два белых транса, два чёрных и два жёлтых + канистра и Девушка*, — этот слоган по дороге к гроту повторяется раз, наверное, 150. По количеству таких цепочечно-вещевых передач. [Ну, сотню.]

Параллельно поступательно-передаточному движению подсознание насилует ВНД примитивной до убогости мыслью: ну почему никого нет в Системе! — как было бы славно, чтобы в КД < мимо которого мы неизбежно проходим, ибо путь в Сапфир от входа МЖД8М лежит через Четвёртый Подъезд; далее, поставив ритуальную Свечу В. Шагалу, мы ныряем со всеми своими трансами в Сейсмозону — и следующие *360 метров прописью* преодолеваем её шкуродёры, затем позволяющие вдохнуть полной грудью просторы Дальней >, — чтобы в КД хоть кто-нибудь стоял и в данный момент маялся бездельем, смешанным с готовностью помочь нам дотащить тяжёлые трансы [вариант с прекрасными чайницами, дрожащими от холода и загодя влюблёнными в нас, даже не рассматривается за явной обезлюдённостью Системы — впрочем, подсознательно каждый взывает и к оному: “взывать, так взывать”], —

Тем не менее, где-то в начале третьего мы в вожденной никитской подземной столице. В Сапфире — он же Обитаемый Остров.

: *Такой уютный и тёплый грот...*

Сразу ставлю вопрос: как насчёт Деревя? Ибо понятно — не принесём сейчас, завтра придётся ломать пусть и краткое, но всё же Общение с Подземлёй наземным ёлкозаготовительным процессом.

Краткость Пребывания под землёй служит дополнительным аргументом, опрокидывающим вполне логические соображения о времени суток и нашей очевидной усталости. А потому берём топор, репшнур и полиэтилен — возвращаемся к выходу. Где снова рассекаем по пояс в снегу, разыскивая в лесу на горе искомое. Найдя подходящих размеров и красоты ёлку, срубаем её и укутываем в транспортно-защитный полиэтилен. И волочём к гроту. В который окончательно прибываем в четыре часа утра.

«Поставить чаёк, слегка перекусить — и СПАТЬ!!!»: всеобщее резюме.

: Так и поступаем. А пока на примусе закипает чайник воды (слава Богу, в гроте мы всегда держим её десятилитровый запас — специально для таких случаев), я расчехляю свою аппаратуру. Состыковываю и настраиваю.

Сапиенс в это время нарежает сырок, колбаску и некое копчёное мясо; Гарри укутывает ёлку лампочными гирляндами.

К моменту закипания чайника “стол готов”. Аналогичное замечание о звуке. И ёлочной мигалке с гирляндами.

: Садимся перекусить,— я включаю первую из записанных кассет. Для большего уюта и кайфа. Ибо усталость множится тишиной.

Сап наливает по кружкам “дегустации ради” из своей первой фляги,— ну и потому, что алкоголь — известный борец с усталостью. Тосты “за Пещеру”, “за нас в Ней”, “за Христа” и “за Гарри” так же естественны, как и повторный постанов успешшего остыть чайника. И очевидный тост за наших погибших друзей.

: Первая сорокапятиминутная кассетная сторона пролетает так удивительно-быстро, что переворот кассеты неизбежен. Ибо почему-то мы не ощущаем желания встать из-за стола и направиться к трансам, в которых закуклены спальники.

Да и беседа за столом в полном *разгарри*.

Чтобы заполнить паузу “переворачивания звука”, Гарри берёт в руки гитару. Исполняет то, что в эту минуту просто невозможно не исполнить — ибо последняя, прозвучавшая с кассеты вещь, тянет за собой определённые ассоциации... Затем протягивает “Орфея” мне. Исполняю то, что отозвалось во мне на песенку Гарри.

Сап включает вторую сторону кассеты и выставляет на стол вторую флягу.

Гарри вынимает из продуктового трансa пару армейских канчиков с салатиками.

Я подрезаю хлеба и достаю упаковку с чамчёй, купленной на корейском рынке.

Вторая сторона первой кассеты пролетает столь же незаметно, как первая.

Следует естественная перемена блюд. Сопровождаемая чередованием гитарных аккордов от меня и Гарри. На стол выставляется третья фляга и новый набор салатов. Плюс баночка достаточно замечательных болгарских томатов.

После прослушивания первой стороны второй кассеты — неотделимого от замечательно увлекающей всех беседы (именно так, да: *неотделимого* — ибо музыка создаёт настроение и ведёт беседу, и каждый из нас принимает участие в тихо-неспешном разговоре ровно в той мере, в коей внимает колоночному звуку) — в паузе меж гитарными экзерсизами возникает вопрос, на который присутствующие в гроте дают положительно-однозначный ответ.

А потому вооружаемся ножами и под вторую сторону второй кассеты чистим картошку. Затем режем её ровными длинными ломтиками и жарим. С добавлением доступных на то время приправ — в основном лука и сала.

Поскольку все присутствующие в гроте в той или иной степени звукооператоры, процесс приготовления жареной картошки неизбежно окрашивается звуковыми нюансами:

Перемешав лопаточкой нарезанное, я закрываю сковородку крышкой.

— Сделай огонь чуть поменьше,— говорит Гарри,— не слышишь, что-ль, ка-

кой звук?..

Прислушиваюсь и соответственно уменьшаю пламя. Пока звуки из-под крышки не начинают соответствовать моему акустическому представлению об идеально поджариваемой картошке.

– Вот теперь в самый раз, – подтверждает Сап, – так она и должна звучать, когда жарится – но не подгорает.

– Да, – соглашается Гарри.

Когда блюдо готово, каждый из присутствующих выражает острое сожаление об отсутствующих с нами “здесь и сейчас” Хмыре, Лещине (без учеников, и это очень тонкая и распространённая мысль), – Длинном Кире, Кирине – и ещё ряде наших старых друзей по Никитам.

Не потому, что нам требуются какие-то их услуги иль помощь – нет! – и не потому, что нам без них скучно, –

— просто потому, что не знают, не видят и не ощущают нашей прекрасной радости такого славно-камерного никитского бытия, нашего славно-уютного, тихого застолья.

: всем нам так здорово от этого камерного уюта — и ощущения Пещеры, что буквально пропитывает каждого из нас, – пропитывает столь ощутимо, что нет никакой надобности выходить из тёплого грота и шляться в поисках неизвестно чего по наизусть, кажется, знакомым штрекам и гротам, –

: ощущения, слагающегося из кассетной музыки, и нашей беседы, и нашего уютно-неторопливого застолья, и созерцания каменных стен/сводов грота в мягком свете свечи —

– и того, что диктует наша память, и нить разговора (с неизбежным рефреном: – а помнишь, как...), –

... из-за стола встаём ровно через 14 часов после того, как за него сели. То есть в шесть часов вечера субботы.

Съедено и выпито просто угрожающее количество всего и всякого. При подсчёте пустых фляг каждый невольно вздрагивает: как можно было, употребив столько лиграрыл, – да ещё после столь капитальной усталости и недосыпа, остаться не только за столом — в полном, как кажется, сознании?..

: *такой замечательный кайф. Такой выход. Такой праздник на троих, –*

Впрочем, учитывая ещё одного виновника нашего спелеоторжества — на четверых.

А коль то, что вокруг нас, не учитывать просто-напросто невозможно — безусловно, на пятерых.

А потому, когда, проспав по завершении этого славного праздника положенные 18, как минимум, часов, мы естественно похериваем воскресное возвращение в город и отправляемся “немного погулять по Системе” – и естественно, к полному своему изумлению, открываем в ЖБК за лишь одним, отодвинутым по некому приколу, камушком неизвестную до того системку ходов –

: Метров 100, не более, в длину – но: пройденных/найденных нами и ни-

кем, кроме разработчиков, явно не посещавшихся,—

: Почти “на самом торном месте Системы”...

— Венчающий её грот так и называем: *НА ПЯТЕРЫХ*.

* * *

“В камерности спелестологического бытия есть свои безусловные плюсы” — слишком банальная мысль, чтобы распространять её комментариями и иными примерами.

* * *

Весной 1993 года на слёте КТП Серёнька Маленький — приёмный сын Зелёного Змея и Светика — знакомится с Аней-Малышом.

Трудно сказать, что могло сложить их беседу — ибо люди они совершенно разные. По темпераменту, образованию, внутренней психологии,—

: разные — и этим всё сказано.

Но Серёнька завёл разговор о пещерах (кто-то из присутствующе-трендящих у костра спел общеспелеологическую рычалку “про Белого”, и Серёнька с готовностью доложил, что лучше Никит нет и не может быть в мире никакой пещеры),— Аня-Малыш восторгалась и “сделала стойку”.

В такие минуты человек остро чувствует: вот он, узел Мировых Линий; твой Свободный Выбор — с этого момента всё будет иначе...

Так бывает, когда впервые видишь незнакомого ещё человека — но понимаешь: что-то важное свяжет, состыкует вас.

Так бывает при взгляде на обложку непрочитанной ещё книги. Смотришь — и понимаешь: *это — твоё*.

Так бывает, когда некто предлагает тебе совершить какое-то действие — и трепет пронзает тебя: с этой секунды всё повернётся, изменится...

: Серёнька наговорил Ане о Никитах бог знает что. Безусловно, только хорошее — в его представлении. Наверное, рассказал о Сумасшедшем Барабанщике и Острове Сокровищ, о наших новогодних сейшенах, подземных концертах и слётах памяти Шагала,— о Пребывании Зелёного Змея и Моки,— как и о том, чем оно кончилось по воле специалистов-спасателей из ГБ,— о Чёрной войне со стукачами и войне Зелёной...

: О трудностях преодоления шкурников и разбора завалов, никитской чертовщине и мистике — в общем, о всём, что нормального человека никак не привлекает под землёй. Ибо это был Серёнька Маленький.

А вот Аню — взяло, и привлекло.

И она с подружкой самостоятельно отправилась в Никиты на следующие же выходные. С каким-то, не вполне безнадёжным, светом и с гитарой.

У входа встретила меня с Лещиной.

: мы показали девчёнкам Систему. Привели их в Сапфир, ибо почувствовали: их интерес к Подземле не случаен.

За чаем неожиданно выяснилось: Аня живёт на Юго-Западе и училась в моей школе №43 — теперь ставшей колледжем... А сейчас учится на астрономическом отделении физфака МГУ.

– Спелеоастрономов в Никитах прибыло! – заключил Лещина.

– И ещё прибудет,– заверила МалышЬ,– у нас в группе такие замечательные ребята...

Чтоб научиться ориентироваться в Системе, Аня ходила в неё с диктофоном. В процессе гуляния надиктовывала описание каждого проходимого метра. Такое ноу-хау.

И рисовала схему.

Восторженно-неофитски она отнеслась ко всем нашим подземным чудесам,– настолько восторженно, что оставшиеся в хождении “ветераны Системы” озабоченно интересовались у меня (когда она была в отдалении):

– А ты уверен, Ком, что у неё всё нормально?

– Покажите мне хоть одного “нормального” никитянина! – парировал я.

* * *

Аня-МалышЬ и Серёнька — абсолютно разные люди. О чём я уже сказал.

: За всё время их одновременного посещения Никит ни разу не видел, чтобы они о чём-либо говорили. Хотя оба входят в Никитский Круг.

Но ведь тогда, на том самодеятельно-песенном слёте, разговор состоялся.

И Аня пришла в Никиты.

– Кстати: никогда за Серёнькой я не замечал тяги к посещению песенных слётов. Ни до того случая, ни после.

Никитский Круг состоит вообще из очень разных людей.

: *но так удивительно-славно складываются наши Притоки...*

Что возникает уверенность: это не просто так. Кто-то, незримый нам, подбирает с складывает наши подземные судьбы.

* * *

— ещё одно удивление: в восьмидесятые годы в Никиты приходили сотни людей. В хождении остались десятки. В девяностые годы пришедших под землю можно было пересчитать по пальцам (почти о каждом из них я скажу в этой главе) — *все они ходят под землю до сих пор.*

И ходят замечательно.

Наверное, дело в той самой “застойной мезопаузе”. Окончании исторического цикла.

Ибо, как известно, “20 % людей выпивают 80 % пива”, — то есть, как заметил один диванный философ, “80 % чего бы то ни было — абсолютный хлам”.

: Эти 20 % творят нашу науку и культуру, раздвигают наши горизонты и представление о Мира Здании.

Остальное — мещанский балласт посредственностей. По своему, конечно, нужный, — даже больше: весьма необходимый для стабилизации социума, и каждый из нас в одной области может относиться к 20 % “движителей прогресса” — и одновременно, в какой-то иной области, к 80 % потребителей.

При том есть Личности, безусловно *по своему отношению к Миру* входящие в 20 % прогрессоров — и те, что прозябают животноподобно во всех своих ипостасях.

Надеюсь, я выразился достаточно внятно.

: В годы взлёта, годы роста, годы движения — и годы, когда серая совковая пелена просто выжимала из города “всё разумное, доброе, вечное”, под землю приходили самые разные люди. Каждый из которых той или иной гранью своего бытия относился к 20 % Творящих Мир.

В годы непрухи и исчезновения совкового прессинга под землю шли лишь те 20 %, кто был создан для Подземли. Кто мгновенно и сразу угадывал за случайным разговором с малознакомым человеком, за прочитанной книжно-газетной фразой — *мне сюда, и здесь всё будет иначе*.

: Для кого Мир Подземли был тем единственно возможным резонатором души, что отзывался на Вселенский Камертон Бытия.

— В 1987 году в Никиты впервые пришли ребята из “теневого” турклуба “Башмаки”, что приютился в подвале жилого дома в Бибирево при одном из тамошних ЖЭКов.

Его организатор Батя впервые попал в Никиты в начале восьмидесятых, среди “северной генерации” никитян — то есть тех, кто жил в северных спальных районах Москвы (Коровино, Бусиновое, Лианозово, Алтуфьево, Бибирево, Отрадное, Медведково и т.п.). Надо сказать, что хотя Никитский Круг начался с Юго-Запада столицы, вторая волна, сложившая наш Круг, пришла с севера Москвы: районы тамошних выселок/новостроек не сильно отличались от Юго-Запада — не удивительно, что они генерировали не меньше славных спелеоличностей, чем воспетый мной Юго-Запад. В восьмидесятые годы Батя арендовал у местного ЖЭКа пару подвальных помещений и организовал в них детский турклуб, в котором ребята занимались водным туризмом, лыжным, лесным и спелеологией. В девяностые годы он выкупил эти помещения и создал фирму “Бивнивс” [названной так “в честь себя, хорошего, и своей замечательной команды — “Башмаки Иванов Николай Всеволодович”], которая (с естественной опорой на промальпинизм и изготовление туристического снаряжения) финансировала туристическую работу с детьми.

В славной команде Бати “Башмаки” был удивительно высокий процент людей, для кого подземный мир с первого же его посещения стал равноценен

Вселенной.

После нашей “эмиграции в Сьяны” только эта компания и ходила в Никиты, сменив Никитский Круг – подобно тому, как “Уэм” и “Вандерерс” сменили в Никитах предшествовавшее нам поколение. Никам Батя, Архип, Рамза, Крот, Хома, Трояк, Ксюха и Олич – и появившемуся после них следующему поколению “башмаков”, что пришли в Никиты в начале девяностых – наша любимая Система обязана случившейся *непрерывности хождения*; если бы не они – кто знает: поддерживался бы вскрытый Старьёвщик в рабочем состоянии (каждую весну его, как и МЖД8М, заливали потоки гавнозёма, стекающие со склона холма), – были бы заново вскрыты другие входы, сохранились бы жилые гроты в удобном для бытия виде?..

: ответ очевиден —

: то, что Никиты в конце восьмидесятых годов сохранили статус посещаемой пещеры — заслуга этих ребят. Именно они *сберегли наше хождение в Систему*.

Ибо, предоставленное само себе, любое дело неизбежно разваливается и гибнет.

Как и окружающие его вештающие киоты.

: Когда после сьяновской эмиграции мы *вернулись домой* — не застали обветшавшие, покрытые паутиной и грязью, стены.

Водокапы, разграбленные гэбэшными спасателями, были оборудованы заново. Пусть не все, что были нами когда-то созданы – но основные. То же можно сказать и о жилых гротах.

В начале девяностых башмаковский Трояк привёл в Никиты своих однокурсников – группу “Свалка” [в названии сплетены имена и ники участников].

Какое-то время мы ходили тремя дружными командами: остатки Никитского Круга восьмидесятых, “Башмаки” – и “Свалка”.

Затем армейский призыв проредил мужскую часть “Башмаков” – в “никитском хождении” остались только Олич и Ксюха. Ксюха вышла замуж за гранбарда Никитской Системы – Рашпиля. < К тому времени расставшегося со своей первой женой Татьяной [Bes(T)], – впрочем все “первые никитские браки” к началу девяностых распались. Причём как-то удивительно одновременно. Насколько это было следствием “веяния времени”, а насколько порождено “кризисами” нашего возраста — гадать бессмысленно. Но, подобно случившемуся в начале восьмидесятых “массовому никитскому кольцеванию”, процесс этот был достаточно синхронным. Как и наши новые свадьбы. >

“Очередную никитскую свадьбу гуляли все”.

* * *

Через 10 лет Олич стала моей женой, – к этому времени мой брак рухнул, оставив по себе столь сильное душевное опустошение, что лишь помощью

Ольги мне удалось без видимых потерь вынырнуть из него.

Нас подсознательно тянуло друг к другу все эти 10 лет – но желания заводить адюльтер ни у неё, ни у меня не было.

Ксюха ходила в Никиты вплоть до отъезда с супругом в Атланту.

Олич продолжает ходить до сих пор – не смотря на тяжелейшую операцию на позвоночнике.

Продолжает ходить Хома, хотя “по семейным обстоятельствам” ему пришлось прервать своё общение с Подземлёй почти на шесть лет.

И продолжает ходить “Свалка” – какие бы городские дела и проблемы ни занимали каждого из нас.

Ибо они пришли в Никиты в девяностые годы, в случившуюся “мезопаузу” — когда каждому из нас начало казаться, что весь спелестологический мир подошёл к своему логическому завершению.

А вот им так не казалось.

Как и ещё одной замечательной команде из МАИ, пришедшей также в середине девяностых.

: Две замечательные девочки, Дина и Наташа, сплотили вокруг себя славную спелестологическую группу.⁴¹ Их хождение в Никиты всегда было какое-то тихое, почти незаметное, – но в “тихости” и “неспешности” спелестологии как раз и заключается её подлинный кайф, подлинное Чудо общения с Белым Камнем нашей судьбы.

: Конечно, Дина и Наташа со своими друзьями ходят в Никиты до сих пор.

Как до сих пор ходит под землю Миша Светодиод — в 1997 году он впервые попал в Никиты, и сразу же озадачился идеей применить для подземного света относительно яркие, только что появившиеся в продаже, светодиоды.

: *Когда мы впервые увидели его под землёй, идущего на разноцветном, будто ёлочная гирлянда, свете, шок был весьма сильным. Ведь когда-то мы уже пробовали светодиоды в качестве подземного света – и общий Вердикт Испытателей был: бесполезняк.*

— оказались не правы. И Светодиод быстро доказал нам это.

Практически за месяц наши корифеи спелеоэлектроники разработали сразу несколько версий светодиодных налобников – и уже через полгода все Никиты ходили только на этом, столь экономичном для аккумуляторов и красивом для глаз, свете.

⁴¹ Неизменным участником этой команды был фокстерьер Норрис; помимо Дины и Наташи с собаками в Никиты постоянно ходили также Олич и Ксюха: у Олича была замечательная овчарка Багира, у Ксюхи – алабай Бассар. Ни одного подземного похода Олич, Ксюха, Наташа и Дина без своих собак не провели. Норрис, Багира и Бассар замечательно чувствовали себя под землёй; думаю, в области подземных ПСР они на несколько порядков превосходили даже “специально натренированных” эмчээсовских собачек. К сожалению, собачий век краток.

: Первые налобники “Тикка” появились в продаже через несколько лет – когда мы уже перешли в нашем оснащении на сверхмощные “барракуды”.

Миша – удивительно мягкий и спокойный в общении человек. Круг его литературных и музыкальных интересов столь широк, что с первой же встречи под землёй он вошёл в Никитский Круг абсолютно на равных с теми, кто пребывал в нём с начала восьмидесятых.

Впрочем, по-иному в Никитский Круг войти было невозможно.

Что удивительно – Миша, хоть и привнёс в нашу жизнь поистине прогрессивную светодиодную новацию, по профессии своей страшно далёк от электроники: он дипломированный агроном-садовод (недавно с отличием окончил ТСХА и теперь возглавляет ландшафтно-озеленительную фирму).

* * *

: Сказать, что наше хождение в Никиты в середине девяностых годов стало камерным = почти ничего не сказать.

Оно стало истинно спелеонавтическим.

Городские промальпинистские заработки нашей команды (подавляющее большинство из оставшихся в хождении никитян зарабатывало на жизнь этой нелёгкой профессией) не позволяли, как прежде, “отрываться под землёй” каждые воскресные выходные — зато, когда случалась пауза меж объектов...

: зарплата – точнее, гонорар, полученный за очередную высотную штукатурку, покраску, герметизацию или мытьё окошек, преобразовывался в набитые батарейками, аккумуляторами, свечами и едой трансы. В бензин для примусов, –

— и мы устремлялись под землю. Кто на неделю, кто на две.

Кто на большие сроки — коль был уверен: работы не последует.

Я провёл несколько Пребываний, дорабатывая свою биоритмологическую программу и эниологические разработки Димы Веселина, — поскольку об этом достаточно сказано в “Кейвлайвинге”, повторение излишне.

Кто-то погружался “просто под землю” — не ставя никаких “возвышенных целей”. Как, например, Склизский Змей и Олич — вернуться которых на поверхность заставило лишь “скончание белых никотиновых палочек”.

: Кайф, что даровала в прямом ощущении любимая нами Подземля — тот кайф, что недоступен погружающимся в неё на пару десятков часов стандартного воскресного похода — казался самодостаточным. И так органично сплетался с всеобщей камерностью нашего хождения...

На этих неспешных Пребываниях мы заново — плавно/медленно, не спеша — обходили все известные нам десятки лет штреки и гроты. Уже не с целью “проломиться в новые окоёмы” — но с целью понять, как разрабатывалась и развивалась Система. Как добывался в ней камень; почему — и как была остановлена выработка.

: *Интерес к истории Никит перевешивал былые ударно-копательные экзерсизы.*

И Система раскрылась перед нами – всей своей, казавшейся прежде загадочной топологией.

Ну и находками новых археологических сокровищ, новых проходов и гротов – там, где, казалось, каждый камень известен нам наощупь.

: Вслед за Ируканом – причём не более, чем за 20 минут работы обычной сапёрной лопаткой пройдя конус чёрной юрской глины – я вскрыл ещё один “недостающий никитский топографический фрагмент” — вскрыл без какого-либо специального предварительного настроя или топологического умствования (типа “здесь должен быть вход в новую систему Никит, и я обязательно пробьюсь в неё!”) – а просто потому, что путешествуя неспешно по Системе, остановился у этого конуса — и что-то изнутри позвало/сказало: копай здесь.

Система была названа ЗаппаДня в честь Фрэнка Заппы, умершего примерно в эти дни

Через некоторое время ещё два аналогичных приращения увеличили длину Никит в сумме почти на один километр.

Что было плохо — это неспешное постижение Системы, это плавно-тихое движение по ней – и уютно-камерное, на грани одиночества бытиё в гротах *ощущались, как последнее Никитское Движение.*

Вскрытые фрагменты ходов – как последние из возможных “никитских географических открытий”.

На фоне которых не одному мне – многим из нас всерьёз казалось, что далее, кроме оцувствованного в эту камерную эпоху, почти наркотического ощущения Подземли, *ничего больше не будет.*

: с каждым проведённым пребыванием, опытом, с каждой заполненной параметрической таблицей всё больше и больше зудел вопрос: – *а оно тебе надо?* И в тон ему зрело ощущение, переходящее в подломрачную уверенность: я доделываю то, что сам себе постановил сделать в 1991 году. Отыгрываю свой былой интерес. Свою счёты с несостоявшимся прошлым. И как доделаю, доиграю эту игру — смысл какой-либо подземной деятельности исчезнет окончательно и необратимо. Аминь.

: Вход МЖД8М по весне затянуло очередным глиняным оползнем, – после того, как brave подрывники в 1986 году разнесли своими погаными взрывами скальный козырёк над ним, оползни эти стали постоянным явлением. Перекрыло обрушившейся расслоёнкой Старьёвщик, – он был нижним относительно МЖД8М, и зимой в него просто фантастически дуло – замерзающая в плитах влага раскалывала их. Поделаться с этим никто из нас ничего не мог. Да, в общем, и не хотелось. Заново вскрытый Эгипед пока держался – что нас вполне устраивало. Ибо каждому казалось: через год, пусть даже через два или три — наше хождение “за три света” окончится.

— *И тут в Никитах появилась новая команда. Без вся-*

кого контакта с нами, без наших советов и “наводок” они вскрыли МЖД8М, назвав его Сказка.

А потом оборудовали стояночный грот в ЖБК – в дальней их части, на Футбольных Полях.

Грот назвали Подкидыш.

Размах строительства поражал: даже “Свалка” строилась скромнее. Ближе всего это было к кэмовской строительной эпопее с Зелёными штреками в Сьянах, – но ведь то: в Сьянах...

Когда же понял по Журналу, что постоянных участников этой удивительной команды всего двое, – так получалось, что почти полгода мы ходили в Никиты строго в разные выходные, не пересекаясь, – удивление моё впервые за всё это время пресилило душевную депрессию.

: Впрочем, чему удивляться? Ведь это были Сержант и Гонза.

* * *

Ещё в начале девяностых годов в Никиты стал выводить своих юных воспитанников один из руководителей Одинцовского клуба туристов. Имевший в спелеосреде тот же ник, что и башмаковский Батя. И один, и другой Бати были весьма габаритных размеров –

: на этом их сходство кончалось.

“Башмаковский Батя” привёл в Никиты две небольшие группы – все участники которых остались в “никитском хождении” сразу и навсегда.

“Одинцовский Батя” водил просто кошмарные толпы пионеров самого душевразрывающего возраста – как казалось нам, каждый раз новых и новых.

Возможно, мы ошибались. Возможно.

Их хождение было шумно-безалаберным, почти неуправляемым; ничего оно не давало Системе – ни новых, оборудованных для жилья, гротов, ни новых открытых ходов. Ни водокапов. В соответствии с классическим принципом туристов-шестидесятников, одинцовский Батя искренне полагал: кто первым пришёл на полянку, то есть в оборудованный грот – того и место.

Пару раз я имел на этой почве с ним самый настоящий конфликт, – слава Дзуликой, он всё-таки понял, что “крепко зашибается”. И обошлось без воспитательно-боевых действий.

Но хождение его в Никиты почти у всех никитян вызывало нечто вроде изжоги.

Несколько раз мы возвращали его пионеров, найденных в Системе практически без света.

До полномасштабных спасов оставалось полшага.

На одном из Пребываний, пока наши ребята работали в дальней части никитской системы УХА, они вломились в Сапфир – в своё удовольствие зажгли разом все свечи, что обнаружили в заначке (по уходу из грота естественно

оставили их догорать, и ребята лишились недельного запаса стояночного света),– запалили примуса. Израсходовали на чай всю, заготовленную в гроте воду (чай, ясное дело, они с собой не принесли – равно как сахар, хлеб и разные колбасно-сырно-и-прочие сожранные деликатесы),– когда в грот вернулись обитатели, они застали практически полный разгром.

Уставшим после шестичасовой работы в Системе, им снова пришлось идти на водокапы за водой. И подсчитывать, сколько дней Пребывания у них отняли эти юные туристические экспроприаторы.

Склизский Змей отправился в Геошизик, где квартировал Батя – «Ёбанный в рот, какие вы все здесь крохоборы! – с интонациями неподдельного удивления услышал он,– да мы через неделю вам хоть сто свечей принесём и десять трансов жратвы!...»

Бате было обещано, что если его ещё хоть раз увидят в Никитах без обещанного — спасов не будет.

За неделю до этого я пообещал ему “примерно тоже самое” — подкрепив угрозу некоторым физическим действием.

Ибо застал в гроте, где они тогда стояли, просто дивную картину: сам Батя, сражённый этанолом, дрых, сотрясая храпом воздух, в спальнике,– вокруг дрожали от холода мокрые и явно слишком легко одетые для Подземли дети.

“Что вы не спите в спальниках?”

“А у нас спальников нет...”

: Пинками поднял инструктора-руководителя и пожелал как можно более стремительной дороги на выход из Системы.

— Надо-ли говорить, что больше мы этих одинцовских туристов-спелеологов в Никитах не видели?

Как, впрочем, и обещанных припасов.

— Но всё в Природе уравнивается. Хотим мы того или нет – нас не спросят.

Не нравится вода притока — не пей. Но остановить поток ты не в силах. И кто знает: может, вода именно этого притока перенесёт твою лодку через пороги.

: Сержант был сыном одинцовского Бати. Он был в этих походах – и вынес из них вовсе не разгильдяйский образ жизни [здесь я, может быть, не нашёл точного слова – ибо все спелестологи по сути своей разгильдяи, и у Сержанта это свойство присутствует в количествах, вызывающих иной раз крупнокалиберную оторопь],–

– скажем так: Сержант и ещё несколько батиных воспитанников полюбили Никиты по-настоящему.

“Всерьёз и надолго”.

И когда достигли независимого от родительской воли возраста, вернулись в нашу Систему. В качестве первых же деяний оборудовав прекрасный стояночный грот в одной из самых дальних от входа частей Системы – и заново вскрыв старый/новый вход.

Они же сняли первый никитский видеофильм.

Ещё при открытии Футбольных Полей в 1981 году мы сообща решили: в этой части Системы никто не стоит, то есть не узурпирует её для личностяночных надобностей — Футбольные Поля если и будут использоваться, то в качестве общего места для каких-то, достаточно массовых, сейшенов. Уж больно впечатляли размеры тамошнего зала со всеми примыкающими гротами и ортами...

: идею эту реализовали Сержант и Гонза. Спустя 15 лет после её озвучки. Видимо, каждая идея должна быть реализована в своё время.

Они не просто “отстроились” в неимоверной, как нам всегда казалось, дали Никит,— да ещё с истинно “мегалитическим размахом”,— в полном соответствии с завещанной нами идеей, они организовали у себя в Подкидыше несколько славно-мощных подземных сейшенов (причём с завидного качества звуковой аппаратурой, в основе которой был впервые увиденный мной под землёй мини-дисковый проигрыватель) — вполне в стиле Никитского Круга середины восьмидесятых.

На счету Сержанта и Гонзы — “южное приращение Никит”, открытая ими АнтиСистема — каждый пройденный метр в которой “стоил десяти метров средненикитских шкурников” — ибо АнтиСистемой она была названа за то, что все её гроты были почти полностью заматы/засыпаны чёрной юрской глиной. Что копать эту вязкую суспензию, что идти сквозь монолит по абляционной расслоёнке — было без разницы. По крайней мере, для Сержанта. Исследуя в 1981 году Крайне Правые Командорские Острова, мы с Хмырём не вошли в АнтиСистему лишь потому, что посчитали один шкурник в гроте Доусон непроходимым. Сержант весит примерно вдвое больше меня — и габариты у него соответствующие. Так вот: *он его прошёл...*

И всем стало ясно: АнтиСистема — подземный ключ к соседней с Никитами каменоломне, называемой Звёздочка.

В 1996 году Сержант и Гонза поступили в военное училище ГРУ на кафедру прикладной математики. Как ни удивительно, военно-казарменное бытие не мешало им на выходные, хотя бы два раза в месяц, продолжать общение с Подземлёй. И каждый раз они приводили с собой ребят из Одинцовского турклуба — тех, кто по их мнению должен был полюбить пещеры.

Разгильдяев там хватало — но всё-таки в подземном хождении ребята оставались. Кто не принял Никиты — или кого не приняли в Никитах мы — избрали для посещения Съяны и Кисели.

Проработав по окончании училища по полученной военной специальности не более пары лет, вначале Сержант, а затем Гонза уволились из армии и основали промальпинистскую фирму. В которой работают, естественно, их спелеологические воспитанники.

: Военная служба вошла в противоречие с Зовом Подземли — они однозначно сделали выбор. Причём не только в сторону ставших почти домом Никит — в сторону вертикальной спелеологии тоже. Два-три выезда за год на Кавказ — на своих “узиках”, превращённых в самые настоящие вездеходы — норма в компании Сержанта.

Норма – участие в каждом нашем современном слёте памяти Виктора Шагала. В качестве мощной группы “технической поддержки”, –
С их приходом период “никитской депрессии” кончился.
 : Окончательно и бесповоротно.

ВЫСШАЯ МАТЕМАТИКА

*“Авраам родил Исаака,
 Исаак родил Иакова...”*
 : Пятикнижие

Зелёный Змей привёл в Никиты Змеёнышей – Колюню и Серёньку Маленького.

Серёнька Маленький привёл в Никиты Аню-Малыша.

: Малышь привела в Никиты Фёдора, своего однокурсника.

Не могу сказать, что Фёдор влился, как Аня, в Никитский Круг – чего не произошло, того не произошло. Бывает. Слишком мы разные люди.

Но Фёдор делил комнату в общежитии с Глебом Зыряновым – тогда ещё студентом мехмата.

И привёл его в нашу Систему.

Глеб – обычный гениальный математик и программист. Помимо этого прекрасный спелеофотограф. И как положено математику, закончившему без свиха мехмат МГУ – убеждённый реалист. Вдобавок ко всему он абсолютно не пьёт и не курит. И отличается крайней правдивостью – стоически веря при этом, что окружающие так же не расположены даже к малейшему искажению математически-точной действительности.

: *такова вертикальная подоплёка этой истории.*

* * *

– Мальцев с Вятчиным составили крайне лажовую карту Никит; выпускник 57-й физико-математической школы Рашпиль, одержимый творческим зудом, в минуту спелеоткровения от И. О. Музы вообразил, что все пересечения штреков в Никитах – строго перпендикулярны. И нарисовал соответствующую карту Системы, которая предсказывала несколько десятков новых штреков и примерно столько же старых ликвидировала, как мираж. Золушка передал фантастическое творение Рашпиля Вятчину – тот, “ничтоже сумняшеся”, совместил два картографических вымысла в одном. Когда я увидел у Миши Сохина этот шедевр приколлизма, меня невольно охватил смех. Миша попросил, чтобы я “внёс в карту Вятчина очередные

необходимые дополнения и изменения” – дабы она не так лажала. По определению свести бред с жизнью было немыслимо – а потому, где смог, я дорисовывал отсутствующие штреки и системы; где это было сделать физически невозможно, нарисовал их крайне приблизительно. Практически на уровне фантазии, которую правил. Просто для того, чтоб Миша понимал: в реальности длина Никит не заявленные Вятчиным 4,7 км – а в три раза больше. Миша вообразил, что теперь в его руках воистину уникальное творение: *самая полная и подлинная карта Никит в мире*. (На титульном листе, несмотря на очевидную компиляцию и “более, чем существенную переправку”, по-прежнему красовались имена Мальцева и Вятчина.) Какая сволочь выложила в Интернете сей фантастический документ, мне не ведомо. Но это точно сделал не Миша: к компьютеру он в эти годы не приближался и на пушечный выстрел. Возможно – и скорее всего – интернетному распространению безумной схемы предшествовало распространение народно-копировальным способом, – по крайней мере, уже в середине девяностых годов безумный картографический шедевр имел хождение в чайничьей среде, как взаправдашняя карта Никит. Правда, на ней север отклонялся от своего реального положения на 97° и дата выпуска почти совпадала с годом рождения В. А. Мальцева, – но ведь это смехотворные частности, верно?

: такова горизонтальная подоплёка этой истории.

Что в Никитском Кругу именуется ОТКРЫТИЕ МАРТИНГАЛА.

* * *

С 1997 года Глеб планомерно занимался собственным картографированием Никит, заодно исправляя огрехи народно-интернетной схемы. В Канун нового, 2000 года он добрался до никитской системы Бородинские Поля – и здесь, поскольку карту Мальцева/Вятчина свести с реальностью не позволяли уже никакие допущения, подумал: может, она потому так лажает, что случился некий обвал?

В качестве проверки он откатил от стены небольшой камушек: вдруг за явно обвальной осыпью – а именно так она выглядела “на самом деле по ряду причин” – скрываются нанесённые на карту штреки?..

: Штрек действительно открылся. То есть поначалу не штрек – шкурник. А штрек уже за ним. И не один. Глеб, работая в одиночку при помощи обычного туристического компаса, начал вершить магнитно-глазомерную съёмку открывшегося объёма. Чтобы проверить: совпадёт-ли он с нарисованным на карте?

: Объём не совпадал, так как просто не вмещался на поле карты – явно превосходя по своим размерам и её поля, и прочее, что уже было там нарисовано. Причём в несколько раз.

Тогда Глеб сделал единственно верное в данной ситуации допущение: все никитяне знают об этой системе – но никому о ней не говорят. Ибо лёгкость

вхождения в неё никак не укладывалась в его голове с тем фактом, что по утверждениям всех никитян, с кем он к этому моменту познакомился, Никитская Система ещё 10 лет назад была изучена “в три наката, вдоль и поперёк”. Да и разобранный им завал выглядел “слишком рукотворным”. Так как никто ему при этом о “секретной части Никит” по-прежнему не говорил, Глеб понял: все знают – и молчат, дабы клубные спелики и дикие чайники не затоптали, не разграбили и не запакоостили эту прекрасную систему.

На третьем километре оттопосъёменных ходов и залов Глеб задумался: а почему он, собственно, не видит на полу этой системы ни одного человеческого следа, кроме своих?

Страшное подозрение – не открыл-ли он нечто вреде никитского Нового Света – обрастало всё новыми и новыми доказательствами.

Около месяца Глеб ходил по этой огромной системе один – затем привёл в неё однокурсника Валентина.

Системе было дано чисто математическое название Мартингал; соответственно, все её гроты и штреки получили имена наиболее известных, с точки зрения Глеба, математиков и математических теорем. А также наиболее значимых терминов. Типа Аффинное Пространство, проезд Лебега, грот Римана, Уравнение Гаусса – и так далее. Названия гротов, дабы не навредить Природе, Глеб распечатал на принтере, заламинировал – и расположил в подходящих местах. Наиболее “зрительно выгодных” с его фотохудожественного взгляда.

Когда суммарная длина ходов, скрупулёзно подсчитанная Глебом, перевалила за три километра прописью, он доложил об открытии Фёдору.

Фёдор порадовал Малыша.

Малыш – меня и Сашу Никольского.

— Я, попав в эту грандиозную систему, просто обалдел. Ибо было, от чего: в Мартингале не только хватало более, чем объёмных гротов и залов – в изобилии было древнее железо и не вынесенные на поверхность заготовки каменных ступенек; стены украшали натёчные, светящиеся после фотовспышки, коры ярко-голубого цвета – и коры обычные; хватало сталактитов и гипсовых игольчатых кристаллов в несколько сантиметров длиной...

Были и настенные граффити – безусловно, древностью своей не уступающие этой системе.

Но, конечно, венец всего – Озеро. Реальным объёмом около 2.500 м^3 .

Жалко лишь, что демисезонное: вода прибывала весной, вслед за паводком на Рожайке – и к маю сходила на нет.

К марту 2001 года общая длина ходов Мартингала увеличилась до четырёх километров – и было видно, что это не предел.

Мы с Малышом и Никольским выполнили магнитно-инструментальную топосъёмку Системы Шкварина, Правой Магистралы, Бородинских Полей, Прохода в Мартингал – и центрально-откатного штрека Мартингала.

При камеральных работах выяснилось: система Шкварина практически накладывается на Мартингал как минимум, в двух местах. Бородинские Поля – в

трёх.

Пока мы снимали и камералили, Прохор “почти во весь рост свой”, даже не разбирая никаких завалов, прошёл в Мартингал из Бородинских Полей ещё одним путём.

А через месяц Фёдор, Глеб и Чудо-вообще, осматривая периметр Мартингала, граничащий с системой Шкварина, разобрал всего одну небольшую узость вышли почти к месту гибели Шкварина.

Точнее – к Голубому конусу.

Где мы за неделю до того в очередной безуспешный раз облазили, как нам казалось, все подозрительные щели и шкурники Периметра — и никакого прохода в Мартингал не нашли.

Потому что сбойка Мартингала и системы Шкварина была не на Периметре – *внутри системы Шкварина*. Метров за 20 до Периметра — и выходила в Мартингал в качестве где нижнего, а где верхнего или среднего шкурника в трёхмерном лабиринте Периметра. Удивительно точно не соединяясь с другими ходами,—

: «В Никитах и хуже бывает...» —

: Достаточно вспомнить, что проход во вскрытую Склизским Змеем УХА начинался метров за 50 до реального соединения ЖБК и УХА, и все эти метры шёл “нижним этажом” ЖБК, таким подвалом. Стоило вспомнить этот простой факт – чтоб не долбить безуспешно окоёмы Периметра, а “несколько разбежаться”...

Спустя год в качестве квиты за случившийся афронт мне удалось соединить Мартингал с системой Командорских Островов (причём – опять же! – не разбирая при этом ни одного серьёзного завала) и с открытой Сержантом и Гонзой Антисистемой. Двумя ходами в один день. После чего количество ходов, которыми в течение всех предидущих лет можно было, аки посуху – то есть без катастрофического напряжения сил войти в Мартингал, увеличилось до пяти.

А затем Чудо-вообще, к полному нашему стыду и ужасу, прибавил ещё одно соединение с системой Шкварина.

: все они были как-то удивительно точно проёбаны несколькими поколениями никитян. На протяжении двух десятков лет бродивших вокруг да около — без тени успеха. Но с настойчивостью идиотов перелопативших и переместивших при этом несколько десятков центнеров как обвального плитняка, так и монолита. А быть может — не центнеров, а тонн.

: НАД ЭТИМ СТОИТ ЗАДУМАТЬСЯ.

* * *

По оглашении Глебом открытия многие из “старых никитян” стали ворчать, что “им эта система была прекрасно известна ещё с начала восьмидеся-

тых” – мол, ходили в неё, да помалкивали себе в тряпочку... Как полагал я, в основе подобного ворчания были элементарные обида и зависть, что “некий чайник” столь простым образом присоединил к Системе целых четыре километра ходов, открыть которые в своё время мог каждый из ходящих в Никиты. Да только почему-то не удосужился.

У меня такой обиды не было – естественно, я с усмешкой отнёсся к разговорам о том, что кто-то мог ходить все эти годы в Мартингал, ни разу не проговорившись о том никому — да ещё не оставив никаких следов своих посещений... Однако, готовя никитские Журналы к данной публикации, натолкнулся на удивительную запись Бороды от 18.07.81, сделанную в 12.00. Конечно, Борода не мог спутать небольшую систему Бородинских Полей с «системой огромных ходов, выходящих к Доусону и к Шкварину», – начал разбираться. Хмырь подтвердил, что Борода, когда вылез на поверхность после этой записи и поднялся в верхний лагерь, просто светился от счастья, – только об этих открытых просторах и говорил, – Хмырь отправился “по следам Бороды” и тоже вышел в эти объёмы — но в те дни уже шла Зелёная война и мы начали перекрывать завалами Систему, отсекая от “левых демократов” все открытые нами в правой части Никит ходы. Шкуродёр, ведущий в новую часть, перекрыли вместе с прочими, оставив исследование открытых Бородой ходов на “послевоенное будущее”. О случившемся открытии, во избежании “утечки информации”, Борода и Хмырь никому ничего не сказали. По окончании боевых действий принялись искать заначенное открытие; разумеется – не нашли. Что ж: Бородинские Поля умеют “крутить” не хуже Сейсмозоны (познал это на личном горьком опыте, и не раз), – с потерей смирились. И предпочли не вспоминать. Тем более, что кроме Бороды и Хмыря внутри этой системы никто из нас не был; рассказов же такого рода хватало “выше крыши”: и о гораздо более модном в те годы неоднократно находимом и вновь теряемом Втором Ярусе (кстати: Борода полагал, что проник именно во Второй Ярус), и о Мокрых Галереях, и о Звёздочке. Как и о магните всех никитских спелестологов – Никитском Озере, местоположение коего тогда ошибочно соотносили со свежееоткрытым ЖБК. И на исследование которого бросились “всей Системой”...

Дабы поставить окончательную точку в этой истории, не так давно я позвонил Бороде — он подтвердил мне рассказанное Хмырём.

Ходили или нет иные никитяне в Мартингал до его вскрытия/открытия Глебом – не знаю. *Никаких следов пребывания там хоть одного человека (кроме разработчиков) нами найдено не было,* –

– Чего не скажешь о ЖБК: осенью 1981 года я обнаружил в одном из тамошних гротов остатки маркера SCO примерно десятилетней давности, – сама бумажка полностью сгнила, но на камне остался её контур и следы характерно стилизованной надписи. Вообще же следов предшествовавших нам посетителей в ЖБК было крайне мало – на глиняном полу Бродвея, например, даже оставались отпечатки лошадиных подков. Из чего следовал однозначный вывод: несмотря на то, что слухи об этой грандиозной системе

циркулировали в спелеосреде, ходило туда очень мало народу. И достаточно редко. Достоверно мне известно лишь о группе из МАДИ (в ней было четыре человека, и именно с ними посетил ЖБК в 1971 году ЮДА); ещё ЖБК посещала группа из SCO, в составе которой туда впервые попал Вова Цыганов в 1975 году. Остальным эта грандиозная система известна не была.

Что до легендарной, вскрытой Петей-Кротом Звёздочки – из которой «можно было пройти в правую часть Никит вначале через большие штреки, затем по очень узкому шкуродёру», и эти “большие штреки” могли быть *только Мартингалом*, –

– тут каждый волен думать, как хочет.

Сейчас мы знаем: дальняя часть Мартингала периодически затопляется при весенних паводках на Рожайке; знаем также, что “наводнение 1913 года” вообще затопило около 2/3 Никит. Включая Дальнюю систему, УХА, Зазеркалье, ЗаппаДню, ЖБК, систему Шкварина — и конечно же, Мартингал.

Нечто подобное могло случиться за 10 лет, прошедших после прохождения Петей-Кротом и ЮДА из Звёздочки в Никиты (например, в 1979 и в 1981 годах паводок на Рожайке был выше обычного почти на полтора метра; летом 1994 года рекордный по пролившимся осадкам ливень разрушил плотину в Мещерском – и по Рожайке прошло настоящее цунами высотой около трёх метров, причём высочайший уровень воды держался несколько часов). С тем фактом, что Мартингал и сейчас периодически затопляется водой, спорить трудно. А так же с тем, что весь его пол покрыт слоем намывного ила – разной высоты и, соответственно, разного возраста. Где-то слой водных наносов тонок и речного ила в нём почти нет; где-то его высота достигает одного метра. А кое-где и полутора. Но так или иначе — когда-то Мартингал затоплялся полностью.

Что, конечно, исключает пинкертоновское чтение следов на его полу и открывает простор для исторических спекуляций. Особенно – в отношении стоявших в Бородинских Полях Зелёного Змея и Моки.

: То, что Зелёный Змей в 1982 году оборудовал свой грот Три Охотника практически на входе из Бородинских Полей в Мартингал, может быть простым совпадением. Тем более, что он ушёл из этого грота после двух лет стояния в Сетку; стал бы он уходить оттуда, если б ему был известен Мартингал?.. По крайней мере Барсик, “тайно” посещавший ЖБК до его вскрытия Чёртом, ушёл из стратегически контролирующего подходы к ЖБК грота Че-Гевары лишь после его обвала. И не столь далеко – оборудовав новое место стоянки в системе Коммундизма, с ЖБК граничащей. самого Зелёного Змея и делящего с ним подземный уют Моку уже не спросишь: Сергей умер от менингита в 1992 году, Андрей от последствий перенесённого инсульта в 2000. < Что, возможно, и порождает современные “никитские исторические спекуляции”. >

Тем не менее – готов повторять это утверждение не раз и не два – даже запись Бороды нисколько не умаляет достижения Глеба: он сам вскрыл Мартингал, не руководствуясь (в отличие от нас при повторном открытии ЖБК) ничьими указаниями, – мы же не только не смогли найти в Бородинских Полях заначенный Бородой и Хмырём шкурник – профукали явный проход в Мартин-

гал из системы Шкварина.

И из Командорских Островов – тоже.

— Сейчас гадаем: *как такое могло случиться?..* Одно из возможных объяснений эзотерическое: на то время мы и так взяли у Системы достаточно. Большого было НЕ ДАНО. Объяснение вербальное: во время любых раскопок и поисков накапливаются усталость психологическая и физическая — вкупе с зашоренностью, заикленностью на *заранее распланированной работе* они просто не позволяют иной раз оценить перспективу “свежим взглядом”. И человек уходит из раскопа за метр-два до *своего несостоявшегося триумфа*. Потому что в какой-то момент внутренние установки забывают открытость внешнему миру, — той же интуиции. Что изначально повелела: **копай это место.**

: Так я не дошёл в будущем Чёртовом шкурнике до ЖБК; делаю сбойку УХА и ЖБК, не прошёл последние полметра. Как и бившиеся мне навстречу из ЖБК Асисяй, Борода и Хмырь. А прошёл через несколько лет Мичман.

Примерно так же из-за внезапного приступа страха я не вышел в Бородинские Поля, пустив вперёд не чувствовавшего никакого стрёма Бороду; вскрыв Ирукан и Западню, тщетно пытался их сбить с Дальней системой – в одном месте не дошёл до триумфальной сбойки полметра, в другом – два, в третьем – не более трёх, что представляли собой легко разгребаемую шнягу из смеси глины и мелкого щебня — причём с указующе-зовущим вперёд просветом под сводом...

: С той же самой, влекущей вперёд, тягой воздуха.

Примеров таких – масса.

В связи с чем возникает очевидный философско-этический вопрос: допустим, некий ход последовательно раскапывало несколько команд. Первую привели интуиция и расчёт; покопали – и в силу каких-то причин бросили. Пусть даже причины тому были крайне уважительные: недостаток времени, травма, крупные неприятности в городе. Кому-то они говорят о том, что место перспективное (как сказал я Чёрту), — человек приходит, работает, ломается от усталости перед очередной тупиковой непоняткой – и уходит спать. “На шум” в раскоп заползает “почти случайный” чайник. Видит: рукотворный ход уходит вперёд и как бы кончается ничем. Любопытства ради отваливает от стены одну глыбу – последнюю, что закрывала проход.

– *Кому должна принадлежать “пальма первенства”?..*

Вопрос этот не надуманный, — в своё время из-за него в спелеологии было немало скандалов и споров. Потому как может быть и такое: люди вскрыли пещеру, затем вновь закрыли её. Пришёл кто-то со стороны, прослышав об их раскопках – и разобрал завал. Ибо завал рукотворный разобрать легче, чем естественный. В общем случае. “Открыл” пещеру, назвал своим именем. Прославился, —

Вот, например, эпизод, случившийся на Чимганском фестивале. Сидим у костра ашхабадских спелеологов, к которому подошли случайно – услышав исполняемые спелеопесенки. Естественно, через какое-то время мы с Рашпилем просим гитары – и показываем в ответ свои. Никитские. Ребята слушают, замирая от восторга; крутится кассета в “фиксирующем на нужной скорости” магнитофоне. В неизбежно случающуюся паузу хозяева интересуются: «откуда вы?»

: Отвечаем. И народ, до того в течение часа *жадно общавшийся*, по одному отходит от своего же костра. Нам – печально и стыдно; хоть и непонятно, чего. Еле уговариваем последнего оставшегося объяснить. «Понимаете,– говорит,– мы *слово дали*: с москвичами даже в нужнике рядом не располагаться. А уж у одного костра...»

– ПОЧЕМУ???

– Вам фамилия Мальцев знакома?

– Ещё бы,– хмыкает Рашпиль,–

– и пересказывает историю с никитскими сталактитами из грота Первомайский. А так же ряд непикуантных моментов в поисковке нами тела И. Шкварина. И как вышла “комсомольская статья” «Лабиринт» – и что мы огребли за тем на своих работах, учёбах...

– Ребята! Возвращайтесь!! – орёт этот парень,– ЭТО И ЕГО ВРАГИ!!!

: естественно, после фестиваля мы вместе с новыми знакомыми неделю отрываемся в “кугитангских закромах родины”. *С такими добрыми и замечательными проводниками...* И они в красках и лицах ведают нам подлинную историю открытия пещеры Каменный Цветок.

... В книге «Пещера мечты, пещера судьбы» Мальцев рассказывает нам, что пещеру открыли под его руководством. Дескать, получив “секретную инфу” от геологов-геодезистов, что работали на плато (о том, что они видели какой-то пещерный вход в одном из каньонов), В.М. организовал прочёсывание этого места силами школьников из экспедиции Черныша. (Что не своими силами, а силами чужой экспедиции – оставим на совести В.М.) Школьники, обнаружив завал на месте входа, вскрыли его – и вошли в красивейшую пещеру. Которую назвали Геодезической — в честь наводчиков.

А на ашхабадском вокзале, якобы, встретились случайно с местными спелеками – и в радости сообщили им о своём открытии.

Ашхабадские “спелеостервятники” устремились по “школьным следам и крокам” — и когда поезд с первооткрывателями приехал в Москву, местные, а затем и центральные газеты и журналы заполняли репортажи о “спелеологическом открытии века”... Отнятом бессовестными дядями-спелеологами у несчастных пионеров.

...: Вообще-то любой здравомыслящий человек, прочитав версию Мальцева, недоверчиво хмыкнет: *ну разве возможно было по советским временам за “три дня следования поезда”*

показать журналистам неизвестную, якобы, до того Систему, – кстати: ещё отыскать её по ‘привязкам’ школьников (учтите: не в подмосковном лесочке в склоне холма, где возможных вариантов входа – на пару часов не слишком пытливого поиска!), – затем вернуться в Ашхабад и подготовить нужные материалы – для прессы, ТВ и радио, если верить Мальцеву, – да ещё в тот же трёхдневный срок пройти цензурные и просто редакционные согласования, обогнав-нарушив все мыслимые сроки прохождения материалов?.. Во времена, когда номер ежемесячного журнала верстался за месяц до его выхода, готовился за два и планировался за три, – ежедневная газета, конечно, делалась быстрее – но в любом случае, кроме самых “горячих” политических новостей наиболее рекордный срок прохождения материала был — НЕДЕЛЯ. Не верите мне – проанализируйте строки кичащегося собственной сверхлогичностью Мальцева. Желательно, в каждом описанном им эпизоде. Ибо ‘ворошила в мешке – не утаить’:

На самом деле пещера за некоторое время до того была вскрыта ашхабадской группой, прошедшей действительно трудный завал, – после вскрытия в первом же большом зале была оставлена записка в консервной банке с названием пещеры и именами первооткрывателей – после чего группа вернулась в город, закрыв вход простым маскировочным завалом. Заметили школьники их записку или нет – вопрос, по-видимому, не решаемый в принципе. Но вопрос, могли-ли они практически голыми руками разобрать заваленный “естественным образом” вход в пещеру – а о трудностях подобного рода кугитангских вскрытий Мальцев поведал весьма красиво – даже не вопрос. Как не вопрос, почему геофизики так точно “навели” чернышовских ребят именно на ту щель с воздушной тягой (из сотен подобных), за которой действительно скрывался вход в пещеру: с геофизиками у ашхабадцев были не менее тёплые отношения, чем у москвичей или красноярцев, – к тому же постоянно работавшим в этой местности людям всегда было известно, в каком каньоне копают спелеологи.

: Через три года после описанных событий чернышовские ребята, с которыми я познакомился в Сьянах, полностью подтвердили эту версию.

* * *

Оставим в покое далёкие и не имеющие отношения к нашему Подземному Мэйнстриму события – привёл эту историю лишь для того, чтоб показать: к каким неприятным последствиям приводит иной раз похеривание чьего-то приоритета.

Или хотя бы участия во вскрытии.

Потому что во многих наших спелестологических открытиях всё происходит точно так же. Почти на каждую вскрытую заброшенную каменоломню, или иную подземную систему-полость обязательно находится тот, кто скажет: «ничего нового нам не открыли, я там был, мёд-пиво пил... ещё в одна тысяча затёртом году...»

: Может, и был. Примерно, как в Ебазаре. Кто знает? А может – брешет из зависти.

: Безусловно, в случае с ЖБК лавры принадлежат Грише Чёрту. Что бы он сам ни говорил о том, что без меня, якобы, никогда не полез “ковыряться” в этот шкурник. Как и в случае Мартингала – стопроцентно Глебу Зырянову. Но вопрос: смог бы Мичман пробиться из УХА в ЖБК, если б мы с Бородой, Асисяем и Хмырём не прошли из разделявшего их завала 15 метров, оставив непройденным один последний? Безусловно – нет. Но ведь мы не добились успеха. И без завершения нашей работы Мичманом прохода бы не было. Так что, по-видимому, в таких случаях самое разумное – помнить имена всех участников раскопок. Кстати, когда шурфом вскрывается какая-то Система, конечный результат зависит не только от тех, кто трудится в раскопе – но и от тех, кто готовит им еду, обеспечивает должную психологическую разгрузку и прочее. А потому, рассказывая о каком-либо вскрытии, стараюсь назвать ВСЕХ участников выезда.

* * *

– Глеб по праву стал “человеком 2000 года” в Никитах.

Между прочим, Глеб происходит из славного города Ташкента – родины любимого в Никитах Чимганского фестиваля.

Это ещё одна стаяжка данной истории — на этот раз исторически-творческая. Или, если угодно, — её Приток. Давший нам не только вертикальные первопрохождения Акбулака, но и открывший дорогу на Кугитанг.

А ещё – закономерно, что Глеб предпочитает ходить под землю один. Потому что Глеб – лучший подземный фотограф из всех, кого я встречал в своей жизни.

: данный вид спелеотворчества требует абсолютного уединения, абсолютно персонального соотношения с тем, что мы называем Подземлёй. Но такого рода связь не может не быть взаимной –

: не удивительно, что именно Глеб открыл Мартингал.

Ибо каким бы упёртым материалистом при этом ни был — ему было дано.

Прочим – нет. Как ни тужься.

С открытием Мартингала и инспирированными этим открытием нашими историко-архивными изысканиями прояснились последние “тёмные пятна” никитской истории. Исчезли её последние топологические загадки –

– из этой моей фразы, конечно, не следует, что эпоха великих географических открытий (а также отрывов) в Никитах подошла к концу. Наоборот: судя по всему, суммарная длина никитских ходов должна быть около 55 км. Это независимая оценка М. Сохина, моя и ряда других спелестологов.

Сейчас её длина не достигает 20 км.

Так что всё настоящее – впереди. Даже если допустить, что более половины штреков не сохранились “по историческим и геологическим причинам” —

: Последние топологические исследования Никитской Системы (и открытие очередных приращений Никит – Зазеркалья и Калифорнии) убедительно показывают: как бы ни взрывали власти Периметр нашей Системы, приложив вполне оцениваемые усилия, вполне реально пройти из Никит и в Ебазар, и в соседнюю Редькинскую Систему.

По крайней мере, попытки эти следует предпринимать до тех пор, пока линия не тронутого разработчиками монолита не только не сомкнётся в единый периметр Системы – в этом периметре “от старого пола до нового свода” не останется никаких, подходящих для раскопок, мест. Типа тектонических трещин или горизонтальных расслоений породы. А также древних карстовых коллекторов, заполненных глиной в позднее время.

И если к идее воссоединения Ебазара и Никит я, как и многие современные никитяне, отношусь крайне отрицательно — то соединение Никит с Редькинскими каменоломнями может дать более, чем двукратное приращение суммарной длины нашего лабиринта.

Примерно столько же может дать прохождение нескольких завалов на правой границе Мартингала – то есть завалов, разделяющих Мартингал и недоступную в наше время с поверхности Систему Звёздочка. Что разрабатывалась Мартьяновым одновременно с Мартингалом.

И судя по всему, как минимум в двух местах соединялась с ним.

* * *

– Что есть притоки мэйнстрима никитской спелестологии?

Конечно, в первую очередь – Люди. Капля за каплей, человек за человеком, приходящие в нашу Систему — и остающиеся в ней. Какими бы разными они ни были. Приводящие таких же, как сами – и совсем иных, — творящие антураж наших гротов, запечатлевающие их на фотографиях и открывающие новые продолжения Системы. Открывающие в архивах её Историю – и подталкивающие других к аналогичным поискам. Устраивающие концерты и пьянки, выигрывающие спасы, похеривающие старые истины — и ставящие вопросы, на которые ни у кого не находится ответа.

Ещё – не вскрытые нами Никитские Продолжения. Что подобно грунтовыми водам текут неспешно-незримо где-то рядом — ждут своего часа, своего места: выйти на освоенный нами простор, слиться с ним в едином течении.

– И, как ни удивительно, даже самая лажовая и никчемная схема может стать притоком нашего мэйнстрима, — при должно-психоделическом к ней отношении.

“НИЧТО НЕ ЗРЯ” — ни бредовая статья в газете, ни случайно спетая на слёте спелеопесня, ни топографический анекдот забытого времени. Всё слива-

ется в нашем Подземном Мэйнстриме —

: *Такова мораль этой главы, такова высшая математика нашей истории.*

ПРАВДА О ЕБАЗАРЕ

“А сколько есть ещё пещер, не найденных пока?..”

: хороший вопрос

Летом 1980 года мы с Хмырём попёрлись от станции до Никит “нетрадиционной дорогой” — пешком от Рабочей улицы через поле⁴² и лес. За которым путь нам преградил овраг, никитскими называемый Домодедовским; домодедовскими — Никитским. В левом борту оврага мы увидели проржавевший рельс, торчащий из склона. В том году наши исследования в Никитах только начинались, и на находку, сделанную в полутора километрах от полюбившейся Системы, не обратили внимания. Копать глинисто-песчаный склон оврага с неизбежным крепежом шурфа желания не возникло: в Никитах в то время открытия новых штреков следовали одно за другим, Система резко “пошла” вправо и влево от известных всем ходов, как и вглубь холма — достаточно было вскрыть любой из завалов на периметре, чтоб за день работы увеличить длину пещеры на несколько сотен метров,—

: ясно, что такая работа казалась нам более продуктивной. По-своему время подтвердило правильность этой позиции — за два последующих года общая длина ходов, прибавленных нами к пещере, составила около десяти километров. Что против этого было копанье наугад в грозящем неизбежным обвалом борте оврага, где и выходов известнякового пласта не просматривалось?..

Однако, что-то не давало покоя — с одной стороны мы, начиная своё хождение, слышали много легенд об “обводнённой” части Никит, находящейся левее наших самых левых ходов,— находящейся, якобы, даже *ниже общего уровня Никит, разрабатывавшихся в одной плоскости*,— легенды эти пересекались с рассказами о “втором уровне” в Никитах, что лежит ниже общеизвестного... С другой стороны, несмотря на многочисленные разговоры об очередном “открытии” второго уровня в Никитах, найдено его-таки не было. А все наши самые левые, прокопанные в завалах ходы, упирались если не в монолит, которого не касалась рука человека, то в “спекшиеся” карстовыми натёками неподдающиеся разбору навалы необычайно прочного, звонкого, как металл, камня. К тому же пропитанного сочащейся сверху водой... Что не добавляло энтузиазма даже самым экстремальным никитским “завалоразборщикам”. Косвенно это подтвердило разговоры о наличии в левой части Никит более

⁴² Теперь застроено новорусскими хибарками “евробарачного” типа.

влажных участков — возможных предвестников желанной “обводнёнки”, как и обещанного слухами развитого карста,— но одновременно поставило крест на “ручном” расширении Системы влево.

А потом наступили известные события, связанные с противостоянием Никитского Круга и “всесильного КГБ”. Некоторые, правда удивлялись: *если б за “диссидентчину” боролась с нами власть — не проще было бы отмудохать в городской подворотне, или прямо вызвать в “контору” пару-тройку антисоветствующих лидеров, да хорошенько промыть им мозги,— или, на худой конец, просто переехать машиной, как неоднократно делалось в те годы, коль до суда дело довести было невозможно?* И взорвали-то вход в Никиты не в самый разгар борьбы с инакомыслием — чтоб не ходили, да не организовывали нечто социально вредное,— а 10 декабря 1986 года, когда не бороться с диссидентами нужно было — следы заметать...

«И ведь замечали, Ком! Как ты своей дурьей диссидентской башкой не можешь понять: *нечто такое* связано с нашими Никитами, о чём мы и сами не знаем, не подозреваем. Отсюда все наши беды и внимание этих козлов... Такое характерненькое: как бы не нашли мы под землёй *нечто недозволенное...*»⁴³

“НЕДОЗВОЛЕННОЕ”. Но что? Ответа никто не знал. Так или иначе, входы в Систему были взорваны — и хоть один из них удалось “отстоять от власти”, мы обратили своё внимание к другим каменоломням. Ибо, как я уже писал, в конце восьмидесятых нам стало казаться, что “Никиты заткнулись”,— что можно было вскрыть “ручным трудом”, было вскрыто. Исследовано и пройдено.⁴⁴

: Вскрытие Съян и их повторное освоение “оттянуло” нас от Никит на два года; старицкие пещеры подарили километры “нетоптанных ногой спелестолога” красивейших ходов и гротов,—

Но “съяновский период” закономерно завершился возвращением в родные подземные окоёмы. Старица далеко; каждые выходные ездить не сподручно. Хотелось же не просто “новенького” — желательно, находящегося рядом, под боком.

— И тут вспомнили о рельсе, торчащем из склона оврага. Но оползнем его закрыло землёй, и точно это место мы опознать не смогли. Пришлось активно расспрашивать местных жителей,— а также выискивать из старых спелестологов тех, кто *действительно ходил левее наших самых левых ходов, ибо то, что мы узнали от местных...*

⁴³ Цитата из моего последнего разговора с Ванькой Мамонтом на слёте памяти В. Шагала в 1993 году.

⁴⁴ Как мы были, мягко говоря, не правы!.. Не прошло десяти лет, как все завалы, где мы “безоговорочно затупиковались”, были пройдены пришедшими нам на смену — и к Системе прибавились очередные 5 км.

* * *

Вот одно интересное свидетельство: *«То, куда вы лазаете — это не пещера, а так, фигня. Это Мартьянов в начале века разрабатывал, да наводнение в тринадцатом году все его разработки затопило, и они обрушились. А вот настоящую пещеру здесь зэки копали, перед войной. Года три работали, наверное. Их на машинах привозили, смену за сменой, а работали они вот в том овраге... И под этим полем, стало быть, бились — до самой горы, в которой мартьяновские каменоломни, где вы лазаете. [Расстояние по прямой — полтора километра; ширина разработок, как жестом показал нам этот человек — около одного километра. Было, над чем задуматься... Для сравнения: площадь, которую занимают на поверхности самые большие подмосковные каменоломни — Бяки в окрестностях Венёва — раза в три меньше. Длина Бяк около 100 км.] А перед войной входы взорвали вместе со всеми, кто работал там. Наших не спрашивайте, всё равно путного, если кто и помнит что, не скажут. Там зона была, охрана стреляла, если подходил кто. Потому помалкивали и не интересовались: жить-то каждому хочется...»*

И ещё одно — ему в тон: *«Да, под этим полем перед войной зэки работали. Не знаю, долго или нет — мальчишкой был, не помню. Никто их не взрывал, зэков ваших, иначе б знали все. А лагерь в лесочке выше по оврагу был, только маленький: кухня да охрана, да управление по добыче камня этого. Зэков издалека возили, из-под Серпухова. На месте лагеря в лесу до сих пор поляна, столбы видно бетонные от колючей проволоки. Там у огородников участки теперь, и копать вам никто не даст.»*

: Такие удалось найти свидетельства. Не подтверждённые иными местными. А потому кто верил им, а кто нет. Копать наугад песчано-глинистый склон оврага добровольцев не было. Сам я с головой ушёл в спелеонавтические экспериментальные пребывания; казалось — что мне новые копательно-вскрышные подвиги, когда суть Подземного Зова совсем в ином?..

Но пришло в Никиты новое поколение — и почерпнуло от нас рассказ “о рельсе в овраге” так же, как мы в своё время от предшественников легенду о Никитском Озере. Миша-Светодиод со своим приятелем Пашей не поленились прошурфить склон оврага. И обнаружили, что *пещера точно была — ибо отвалов буттового камня там было больше, чем пред какой-либо из известных нам пещер*. К тому же осенью 98-ого года, перед тем, как лёг снег, в склоне оврага внезапно вскрылась явно провальная воронка — *первая на месте предполагаемой пещеры* — а значит, случился разрыв до того монолитной кровли каменоломни, куда и ушла земля. Признаться, дожидаться весны было довольно трудно. Пробные раскопки наметили на майские праздники, но перед ними выяснилось, что многих спелестологов из РОССа Старицкий район притягивает сильнее; у кого-то нашлись неотложные дела в городе или на дачах...

Тем не менее 30 апреля мы выехали на вскрышные работы — за неделю до того заложив в воронке пробный шурф. “Молодое поколение” было представ-

лено Пашей и Мишей, применяющими в качестве источника света мощные светодиоды (новое поколение — новые технологии), а также Романом [он же Надфиль, сын Рашпиля], и абсолютным новичком Робертом — это был его первый выезд с нашей командой. Из “старых никитян”, кроме меня, были Прохор, Глаша и Кис-Кисыч. Кроме того довольно большая компания наших друзей расположилась на традиционной стоянке над Никитской Системой для “официальных проводов” уезжающего в Атланту на ПМЖ Рашпиля — одного из “отцов-основателей” никитского спелеоэтноса и автора доброй доли известных всем никитских стихов и песен, решившего в эти дни проститься с любимой Системой. Точная дата его отъезда в США ещё не известна — но поскольку вызов от эмигрировавших туда родителей может прийти в любой из ближайших месяцев, — а главное, решение об отъезде принято “окончательно и бесповоротно” — проводы назначаются на эти дни.

Собравшиеся на проводы Юлика никитяне по причине плохой погоды (или ещё по какой причине) участия в раскопках участия не принимали. Хотя и снимали наши труды на видео.

Мы приняли участие и в проводах, и в раскопках.

* * *

30 апреля за два часа до выезда мне позвонил ЮДА и сообщил весьма интересную информацию. В Никиты он попал на несколько лет раньше меня, в 1971 году, — тогда же познакомился с группой весьма опытных спелестологов из МАДИ. *Оказывается, эта группа водила Юру с собой через все Никиты и в том месте, где мы позже наткнулись на непреодолимый закарстованный завал, был проход в следующую, совсем иную по морфологии Систему. Отличающуюся от остальных Никит и размерами, и внешним видом штреков, и сохранившимся крепежом — вкупе с обильной закарстованностью и обводнёностью... Причём выясняется, что до конца той исполинской каменоломни никто не доходил — даже те, что показали ЮДА этот проход.* К слову, и я вспомнил, как в первый год моего никитского хождения некие группы уходили в Никитах куда-то влево на восемь-десять часов, именуя цель своих проходок “Мокрыми Галереями”, — но единственный проход, ведущий туда, был то-ли взорван, то-ль осыпался сам. То есть всё так замечательно сходилось... Удивительно одно: как можно было, зная столь ценную информацию столько лет, *ни разу не попытаться ей воспользоваться?*

Видимо, в нашем мире есть нечто, что направляет человеческие дела и поступки.

Что бы проверить информацию от ЮДА, я позвонил Цыганову, приведшему меня в Никиты. Потому что точно знал о его постоянных визитах в Мокрые Галереи. Вовка подтвердил всё, что поведал мне ЮДА, но никаких точных привязок “за прошествием времени” сообщить не смог. Подтвердил лишь, что «ЖБК — это одно, а Мокрые Галереи — совсем другое дело, они лежат

дальше ЖБК, за оврагом, и ему просто удивительно, как это я за столько лет хождения в Никиты не сподобился пройти по их следам,— хотя кое-кто, прекрасно мне известный, это сделал».

: Речь шла о Виталике Марченко. Погибшем в Крыму 10 марта 1980 года.

* * *

И вот 30. 04. 99 мы на месте. Почти полночь; вместо звёздно-лунного света небо представляют обильно низвергающиеся водяные потоки. Пополам со шквалистым ветром. Но на месте будущего лагеря горит яркий костёр — “светодиоды” встречают нашу команду. Костёр разожжён в неудобном месте на склоне оврага,— зато видно его было издалека, что, конечно, прибавило сил на последних ста метрах пути. Под почти сорокакилограммовыми шмотниками, гружёными спелеожелезом, специально приспособленным для вскрышных работ.

Первым делом натягиваем над разведочным шурфом реп, закрываем яму от осадков полиэтиленовым тентом.

Затем ставим лагерь; ужинаем,— заодно отмечая “противонепогодными граммами” наступившую Вальпургиеву ночь. И с утра приступаем к работе: пока готовится завтрак, над раскопом под тентом устанавливается бревно с блоком, подъёмные верёвки, штурмовая тросовая шестиметровая лестница. Если её не хватит, есть ещё полутораметровый отрезок,— но я наивно полагаю, что свод пещеры не глубже, чем в шести метрах под нами. (Приятнее, конечно, было бы ошибиться в иную сторону — но...)

: Начинаем работать. Расширяю шурф и выравниваю его стены, доводя диаметр до полутора метров. Ребята вынимают баки и вёдра с землёй — пока так быстро, что я едва успеваю их наполнять. Плавномедленно погружаюсь вглубь. Под тентом над моей головой плэер с четырьмя колоночками наигрывает Маккартни,— “Band on the Run”, сменяемый через 45 минут “Ram”ом — что придаёт работе оттенок не просто удовольствия, но некоторого ностальгического кайфа. *Когда-то точно также под магнитофон,— под чимганские записи Миши Басина, мы вскрывали изнутри Эгипед...* Углубляюсь до трёх метров; меня сменяет Кис-Кисыч. Прохора и Роберта на вытягивании тяжёлых вёдер меняют Светодиоды и Глаша, а Маккартни — Марек-и-Вячек: в соответствии с музыкальными пристрастиями “второй смены”. С неба то льёт, то просто пасмурно и противно. Ветер творит с дымом костра, что хочет, но настроение всё равно замечательное. Раздражает только, что костёр на склоне, а не в удобной естественной низинке по соседству — но костровой тент уже натянут (как и сложен бревенчатый “пентагон”), и по крайней мере *сейчас* заниматься переустройством лагеря никому не хочется.

Пока Прохор борется с ошалевшим ветром, осадками, мокрыми дровами и обедом, мы с Робертом, вооружась рамками, выходим на поле над Системой.

Выясняю направление ходов, заодно обучая этой методике Роберта. Хожу с завязанными глазами под его “управлением” таким луноходом — бустрофедоном вправо-влево,— незаметно проходим две трети расстояния до Никит. И выясняется, что как минимум один штрек шириной около четырёх метров идёт в сторону Никит, не собираясь кончаться. Параллельно ему ещё несколько. И они пересекаются поперечными через каждые пять — десять метров. Некая странность: приблизительно в центре поля прямоугольную сетку ходов пересекают две диагонали — одна идёт от стыка устья оврага с долиной Рожайки у нижнего края деревни,— другая начинается в верховьях оврага, метрах в 100 выше нашего лагеря. В этом месте в овраг “впадает” весьма примечательной формы овражек — плоское дно, незначительная длина, и боковое ответвление — явный “точильник”. С соответствующим надвходным обрушением...

Аналогичный подковообразный провал — только более плоский и больший по размерам — венчает начало другой диагонали в устье нашего оврага. Вывод делается однозначный: это две “централки”, по которым вывозился на поверхность добываемый камень. А что? Схема добычи, хоть и не известная нам до того — но вполне логичная: диагонали под углом в 45° пересекают все штреки, что уходят дальше под поле — а значит, удобно организовать рельсовые развилки.

— К обедужину возвращаемся в лагерь; сравниваем результаты моего лозоходства с теми, что независимо были получены неделю назад двумя нашими товарищами. Совпадение стопроцентное, и выявленная с помощью рамок *сетка ходов* настолько не походит на обычные грунтовые водотоки, что всем в лагере ясно: *под полем действительно находится искусственная Система, размеры которой не просто трудно — невозможно вообразить.*

Выпиваем за грядущий Успех очередные “противонепогодные 250 грамм на рыло”,— ужинаем.

Быстро темнеет; освещаем раскоп моим коногоном, от которого питается звучащий почти непрерывно плэер, и работаем ещё около часа. На отметке –4,5 метра останавливаемся. Ребята уходят на провода Рашпиля,— мне выпадает жребий остаться в лагере. Хотя, конечно, не пойти туда мне не просто невежливо... Однако, жребий есть жребий. “*А значит, так надо*”.

После ухода ребят ставлю на плэер кассету с записями Чимганского Фестиваля, разогнанного коммунагами ровно в этот день семнадцать лет назад — Фестиваля, что почитался нами тогда как самый лучший в стране,— под звучащие с кассеты голоса уехавших “на Запад и на Юг” друзей погружаюсь в Прошлое. Неожиданно появляется сам “виновник торжества”, разминувшийся в темноте с ушедшей к нему командой. Посидеть у костра вдвоём — вне суетной толпы вновь внимая той музыке, что крепче цемента скрепила наши сердца на любимом на всю жизнь Фестивале — *пусть и в последний раз так: рядом у одного костра* — жребий не самый плохой. Вместе слушаем стародавние песни,— под голоса Люси Печёнкиной, Стрижа и Миши Басина вполголоса вспоминая “время оно”. В памяти всплывает забытое было название участка

Никит, что лежал *левее наших самых левых изученных ходов* и назывался “Метрополитен”. Якобы оттого, что два просторных штрека – один, ограничивший разработку пласта в никитской системе ЖБК, другой – подошедший параллельно к нему *со стороны некой иной Системы* и, соответственно, замыкавший её, *соединялись через естественную сбойку — тектоническую трещину, к тому ж обильно раскарстованную...* Похоже, в своё время именно эту сбойку – то-ли рухнувшую “сама по себе”, то-ли взорванную кем-то – мы с Бароном и пытались копать в надежде “пробиться влево”, – да “нашла пластилиновая коса на раскарстованный камень”. Вспоминаем известные нам рассказы тех, кто якобы бывал в этой левой заникитской Системе, и становится ясно, что до конца, или хоть какого-то зримого *края разработок* никто из них не доходил.

: Иначе б рассказов о ней было несколько больше, чем нам известно. *Как-то удивительно быстро закрылся единственный проход, ведущий в ту Систему, – а вслед за ним тот, что вёл из освоенной нами части Никит в ЖБК.* И симптоматично, что вслед за повторным вскрытием прохода из Никит в ЖБК власти начали сильно осложнять наше хождение в Никиты –

: Тут есть, над чем подумать.

Юлик уходит к ожидающим его ребятам; я ложусь спать.

Перед сном в голове возникают слова Мамонта: «мы и сами не знаем, на какой тайне сидим в своих Никитах».

Мне кажется, что теперь я понимаю, на какой. Всё падает одно в одно, одно в одно...

— С этой мыслью засыпаю.

* * *

И просыпаюсь с ней же.

: невозможно спать, когда до раскрытия *главной никитской тайны* осталось столь немного...

Ребята спят и поднять их возможным не представляется, – разжигаю костёр на новом, более удобном для этого месте; переносу пентагон. Затем перетягиваю костровой тент.

: Всё ещё спят.

Шуметь “топорной деятельностью” не хочется, – беру каны и марширую к устью оврага за водой. “Тоже дело”.

Затем варганю макароны с тушёнкой; пока более-менее сухие дрова горят, новая их партия прогревается под тентом поблизости. Заодно закрывая пламя от залетающего даже в эту низинку ветра.

: Что творится наверху на поле – не описать, не представить. Не белые мухи – белые осы, шершни несутся параллельно земле, – жалят в лицо...

“Доннерветер”. Очень точное слово.

Но в раскопе тихо и по-своему уютно. Жалко лишь, что в одиночку работать невозможно.

Тем не менее спускаюсь по тросовой лестнице вниз — некоторое время, рассредоточившись, сижу в яме. Очень сильное ощущение *присутствия Системы — чуть впереди и ниже. Под полем. Но, к сожалению, не под нами.*

: Что делать — “переносить шурф” на несколько метров вверх по склону? На несколько добавочных метров работы. И прошлый день — псу под хвост. К тому же прососная воронка была именно в этом месте, — может, удастся пройти по некой тектонике бортового отпора под склон?..

— По сути, надежда только на это. Ведь ушла же земля в Систему именно отсюда...

Голоса наверху прерывают мои размышления. Ребята проснулись.

Вылезаю, завтракаем. Никому не говорю о своём камлании и его итогах. Настроение портить не хочется.

: Ошибка?

Как посмотреть. Скорее, идиотская надежда на русское “авось”. Что ни на один язык в мире однозначно, как известно, не переводится.

— После завтрака возобновляем работы в шурфе. Вниз продвигаемся крайне медленно: вёдра и баки с землёй теперь приходится поднимать с большей глубины, — сказывается и усталость от непогоды и вчерашних трудовых подвигов. Сильно сожалеем, что силы наши так ограничены: по сути, лишь три человека могут трудиться со зримой отдачей, остальные гораздо полезнее в неизбежных работах по лагерю. Мысль, что пока мы пашем тут, Саша Никольский отсиживается в нашем уютном никитском лесу, и там же “водку пьянствует” провожающая Рашпиля компания, ни настроения, ни сил не добавляет. Как и то, что трендили об этом историческом вскрытии все подряд — но как дошло до реальной работы, разбежались: кто на дачи, кто сказался больным, — кто “вдруг резко” отправился в Старицу с экспедицией Сохина (немало слов говорится в нашем лагере о том, что первый, кто примчится топосъёмить вскрытое нами, будет именно он — и что наверняка Миша заявит, что “в годы былые” если и не хаживал сюда, то уж точно знал тех, кто это делал чуть-ли не ежедневно — а значит, никакие мы не первопроходцы...), —

Однако, под продолжающееся музыкальное сопровождение из плэерных колоночек < программа на день: “Эксэпшен”, Шаов, “Собака Павлова”, “ДжетроТалл”, “Натянутый канат” В.С.В. > погружаемся всё глубже и глубже. На стене шурфа, как в учебном разрезе, геологические слои; отчётливо видно, что в ближней к полю — то есть к вожделенной Системе стене они зримо втянуты вниз; искривление около метра. Примерно такая же глубина была у провальной воронки на поверхности, — значит, столько глины под нашими ногами ушло в Систему.

На отметке “–5 метров” из этой искривлённой прогибом стены начинает сочиться мокрый песок — не полноценный плывун, но всё же весьма неприятное “явление породы”. Понимаю, что именно он, просачиваясь сквозь пласты,

прорвался в ближний к нам штрек — утянув за собой землю с поверхности, а значит, по его “руслу” и нужно пробиваться... Только предварительно закрепив стену шурфа от возможной усадки. Прошу наверху как можно быстрее готовить брёвна и колья для крепежа стены шурфа, — пока же забиваю отверстие плавунца плотной бело-серой глиной. В качестве временной меры. Подошедшие друзья Юлика снимают эту часть наших работ на видеокамеру; Миша-Светодиод ведёт фотосъёмку.

В антрактах меж смен мы с Прохором внимательно изучаем дно оврага с явным руслом точильника, надвходовое обрушение которого венчает наш раскоп. Прохор высказывает пессимистическое мнение, что наблюдаемый нами точильник может представлять собой обрушившийся горизонтальный штрек — на самом деле лежащий на несколько метров ниже...

: Мерзопакостное предположение. Пытаясь как-то опровергнуть его, вместо вожеленного межраскопочного отдыха прочёсываю весь склон оврага до реки, — прочёсывание даёт лишь одну информацию: это действительно точильные рвы, причём они идут параллельно с “шагом” в пять метров... Среди навалов бута. К сожалению, единственные, доступные созерцанию, выходы известняка обнаруживаются ниже этих точильников на три метра. Практически на дне оврага. Но что значат эти пласты? Если вдуматься — ничего. Ибо не факт, что разрабатывали именно их.

— Так что копаем. Пока есть силы. И оборотень надежды гонит нас вперёд и вниз, —

Прерываемся на ужин. Команда Юлика, пасуя пред продолжающимся разгулом стихий, возвращается в город — вместе с ними нас покидают Глаша и Паша. Прохор, раздосадованный уменьшением наших сил вместо ожидаемой помощи, спускается в шурф с двухметровой арматуриной и начинает методично и злобно забивать её в грунт под ногами. Нигде не встречая ожидаемого сопротивления каменных плит — из чего следует, что “копать нам ещё и копать...” Но без капитальных работ по креплению шурфа копать дальше просто-напросто опасно. И сил у нас практически нет. Оставшиеся два дня выезда уйдут на добротный, но необходимый крепёж — после чего приедут те, кто до сих пор отсиживался в сторонке и ждал “появления известняка”, то есть непосредственных признаков каменоломни...

— И получится, как уже было десятки раз: самую тяжёлую и нудную работу (с неизвестным к тому ж результатом) делают два-три человека, — на “торжественное вскрытие” слетается толпа и празднует победу.

: Ужинаем в мрачном настроении, исполненные соответствующих предчувствий. *Твёрдо зная, что Система в этом месте есть, и что крепить шурф и проходить оставшиеся до каменоломни два или три метра придётся нам самим, — как и разделить потом славу первопрохождения с толпой “спелеогероев”...*

Не выдерживая мрачных сентенций Прохора, буквально сорвавшего себе руки на вытягивании бесконечных вёдер с землёй, слетаю по лестнице на дно

шурфа (достигнутая отметка “–8 метров”: моя шестиметровая тросовая лестница кончилась, и к ней уже подвязана полутораметровая “трёхступенька”, окончание которой находится где-то у моего пояса) — загоняю арматуру не прямо под собой, а под наклоном: правее и левее. Туда, в сторону Системы. В сторону поля. Кажется, натыкаюсь на камень.

: Что, в общем, закономерно — в полутора метрах пред нами за слоем глины и песка должен находиться известняковый монолит,— по-вдоль которого и следовало первоначально вести шурф...

— *Господи, тогда и крепить его было бы легче, и не сомневались бы в направлении...*

— Пробую под таким же углом вбить прут перед собой, по руслу плывунца — и такое ощущение, что он проваливается в пустоту. Вылезаю из раскопа; принимаем очередные противонепогодные граммы и выкуриваем по сигарете. Настроение в лагере на грани полного раздрая — усталость, злость на отсиживающихся в стороне и выжидающих окончания наших работ,— злость друг на друга, провоцируемая бесконечным, как уже кажется всем, раскопом — без видимого результата, без следствия,—

Но ведь, если вдуматься — всего второй день работ. Пусть и с учётом предшествовавшего на прошлой неделе “разведочного дня” — третий. Но кто обещал, что в Систему удастся войти ‘с пол-пинка’??? Одна очевидная глубина залегания каменоломни (или что они здесь копали?...) должна быть не меньше 10 метров. Как ни крути.

Проход оглашает, что по его прикидкам, до тальвега оврага — на котором находится дно ведущего прямо к нашему раскопу “точильника” — копать ещё три метра. Ребята понимают, что это значит: мы и так превысили все мыслимые нормы безопасности для безкрепёжного шурфа в смеси глины и песка,— даже четырёхметровый шурф в подобных породах без соответствующего закрепления стен в мае вести *категорически запрещено, и все это знают* —

— *а тут ещё этот, сочащийся грязью из стены, плывунец,—*

: Получается, что я призываю всех к самоубийству. Понимаю это и сам — но настаиваю на том, что нужно пройти ещё хоть один метр: вперёд и вниз. А завтра — при свете дня — валить стволы и крепить содеянное.

— А если тебя именно сейчас завалит к ёбаной матери?

— Я чувствую, что не завалит.

Склоняю ребят к решению, что несмотря на усталость можем позволить себе ещё немного пройти вперёд: не глубже, чем на метр.

Затем врубаю кассету “SLADE” (1974/76 г.г.) и фару налобника — уже стемнело, и от аккумуляторов требуется не только Звук, поддерживающий силы, но и Свет, без которого немыслимо всё остальное — и под рёв лужённой глотки Холдера в свете горящей на краю ямы фары углубляюсь вперёд и вниз. По “руслу” песчано-глинистой суспензии, приличное слово для точного обозначения которой мне неизвестно. За зримой усталостью ребят только каждое третье ведро поднимается наверх — два других вываливаю тут же, на

просторной площадке шурфа. Одновременно сузив копаемый наклонно ход до полуметра — что, конечно, резко увеличивает скорость проходки. Как и уменьшает обвалоопасность. Сорок пять минут первой стороны иссякают,— требую перевернуть кассету и включить вторую сторону, не сообщая при этом, что погрузился ниже заявленного метра.

: Нижняя ступенька дополнительной лесенки болтается на уровне моей головы. Мерзопакостное сочетание воды, песка и глины в пробиваемом наклонно ходе начинает поддаваться вперёд,— ложусь на спину и с силой трамбую эту дрянь сапогами. Ноги вроде бы проваливаются в пустоту,— чуть выше которой явно твёрдый упор. Скальный козырёк? Пробую очистить его — нет, просто очень плотная глина. Но плотная глина держит стену шурфа не хуже камня; прохожу под ней головой вниз, лёжа в луже грязи, некоторое расстояние. Кажется, за этой глиной уже — настоящий камень. И грязь удаётся всё больше и больше проталкивать под него — жаль лишь, что копаю на ощупь. Свет, что мог бы проникать из шурфа за моей спиной, затыкаю своим телом. Попросить, чтоб ребята спустили коногон вниз, не могу: тогда они увидят, насколько я уже углубился под стену шурфа в нарушение всяких конвенций.

Но конечно, они всё равно видят — мои ноги. И начинают орать, чтоб я прекратил это безумие.

Со стены отваливается здоровенный шмат глины; почти припечатывает меня,—

С матом покидаю раскоп. Кажется, осталось совсем чуть-чуть...

— Вылезая наверх, докладываю результат. Вполне, в общем-то, обнадеживающий,—

А потому на фотографии, сделанной Светодиодом в этот момент, лица у всех нас такие радостно-светлые. Кто-то потом скажет: если б не этот снимок, никогда не поверил бы, что вы *там* были...

Этот снимок Миша сделал в наивысший наш эмоциональный подъём. В ту минуту всем казалось: *почти* прошли, *почти* пробились. Остался пустяк: закрепить шурф и завтра — уже, наверное, к вечеру! — войдём в Систему своей мечты.

: Такое настроение.

Неожиданно стихает ветер и кончается дождь. Кажется, что и Природа — за нас.

Всё — за нас: *почти прорвались*...

: Сами, без помощи и советов “сторонне отсиживающихся”,—

— Переодеваюсь в сухое и чистое; ребята разжигают костёр и небольшую печку для сушки одежды, что устроил Миша-Светодиод из обломков жестяных водосточных труб. Извлекаются заначки колбасно-сырных деликатесов, бутылка водки. Заваривается чай. Пока трапезничаем — в состоянии не то улёта, не то сна-оторопи от того, что предстоит увидеть уже, наверное, завтра — от входа доносится громкое «УХ-Х...». Подбегаем к раскопу, светим фонарями и коногонами. И видим: около “кубика”

песчано-глиняной слизи, вывороченной пливунцом из стены шурфа. В аккурат на месте пробитого мной лаза.

Проход произносит прочувственную речь о своей интуиции. Мудаком меня называет трижды.

Меня, конечно, трясёт — но стараюсь не показать виду. Ладно. “Кубик” породы — не смертельно. Вынесем “на ура” завтра; вынесем, когда закрепим стволами осин стены шурфа — а теперь: СПАТЬ!!!

* * *

... проваливаюсь в теплоту спальника, теплоту сна, которой сразу не ощущаю,— руки продолжают копать,— впереди песчано-глиняная стена,— отгребая её частью назад, частью вперёд,— продавливаюсь куда-то вниз,— разворачиваюсь ногами *туда* и молочу ими —

: ноги проваливаются в пустоту; не удержавшись на скользком склоне, лечу следом — и по пояс погружаюсь в...

Совсем не в сухую, как хотелось бы, штольню. И даже не в прозрачно-голубоватую дымчатую пещерную воду. А в то — чему, как уже сказал, доброго слова в своём лексиконе не имею. И нет в таком вхождении в вожаемую Систему ни пафоса, ни кайфа. То, что я ору наверх, не процитирует никакая пресса — но представить может каждый.

Всё настолько реально, что реальней не бывает. Мысли, что это сон, даже не может прийти в голову. Я вижу всё это яснее, чем какой-либо пережитый эпизод,— даже сейчас, когда пишу эти поздние строки, продолжаю до дрожи ощущать ту холодную грязь,— слышу все те же звуки,— чувствую камень под левым боком...

— такой, очень характерный, иззубрено-округлый известняк...

: Отматерившись, требую свой коногон вместе с плэером, заряженным кассетой “ZOOLOOK’a” Жана-Мишеля: известно, что на данное музыкальное произведение Подземля реагирует столь неадекватно, что...

От “проверки Системы на экстрасенсорную вшивость” народ уклоняется (сопровождая сей отказ комментариями относительно моих умственных способностей),— но свет я получаю, а потому вновь устремляюсь вперёд. Впереди навал из камней; грязь доходит до половины его, по верху видна щель. И неровный свод далее. Перекатываю в мутной жиже несколько валунов к стене, чтоб остальным избежать моего купания в “обговнёнке” и лезу в щель. Мокрые острые камни под животом, мокрый корявый свод сверху. Но на сырость мне уже плевать. Через три-четыре метра кувыркания меж отслоившихся от свода булыганов открывается штрек, *и это такой штрек...* «Мама мия» — доносится из-за моего плеча. И несколько более энергичных выражений. Раздеваюсь, выжимаю одежду,— мысль вылезти наверх просто не прихо-

дит в голову. (Ага: я вылезу, а они ломанутся вперёд... И где их потом ТАМ искать?..) Одеваюсь, холод отступает пред эмоциями. Нарекаем Систему “ЁЛОЧНЫЙ БАЗАР” — ибо находится она на полпути меж Никитским и районом Домодедово с названием Ёлочки,— базар же об этой Системе тянулся двадцать лет без видимого результата.

: Перекрёсток. Ещё один. Меж перекрёстков в стенах штреков — комнатоподобные ниши. То-ли так добывали камень, то-ли заготовки под *действительно комнаты...* НИГДЕ В КАМЕНОЛОМНЯХ МЫ НЕ ВИДЕЛИ НИЧЕГО ПОДОБНОГО.

Бута нет — всё вывезено на поверхность дочиста, но на перекрёстках много “отслоёнки” высотой в метр. Перешагивается-переходится, как по лестнице, по ступеням упавших камней. Идём вперёд по компасу — строго на юг, в сторону Никит. Свод над головой на высоте от двух до трёх метров. На перекрёстках ставим пирамидки; перекрёстки следуют через каждые пять-шесть метров при ширине ходов в три-четыре метра — так что непонятно, это штреки или огромный колонник. Да ещё комнаты-ниши в стенах...

Потолок влажный; на полу следы замыва, уничтожившего возможные человеческие следы. Потом становится суше — но определить возраст вмятин в глине не представляется возможным. В общем-то, и не заморачиваемся такими проблемами. Просто стараемся не наступать на них, обходя по более сухому грунту у стен. Шествуем, как во сне. Сколько мы так идём — не знаю.

— Через какое-то время на полу в центре штрека начинают наблюдаться явные контуры шпал и рельсов. *Не удивляясь размерам Пещеры*, шествуем вперёд. Странно не удивляясь. Дальше и дальше — по прямой. Только внутри: оторопь-не-оторопь, страх-не-страх... Может из-за протяжённости пути, что так свободно, без помех, *идётся в этой катакомбе по прямой*,— где ещё, в каких каменоломнях видели *подобное*? И хоть “поверхностное лозоходство” в какой-то мере подготовило нас к тому, *что видим* — всё же... А может, напряжённое чувство внутри оттого, что где-то здесь, рядом, возможно находятся *останки* — и боязнь увидеть каждую минуту... Или от нашей физической усталости. И усталости эмоциональной: всё-таки *выбились, прокопались, чёрт возьми!*

Метров через триста прямого пути штрек под острым углом пересекает другой — зримо шире; похоже, что откатной. То есть тот, по которому вывозили на поверхность добытый камень. Рельсов в нём, тем не менее, не видно. Через некоторое время ещё один подобный штрек пересекает наш под тем же углом; за ним ещё один — и одновременно с противоположной стороны точно такой же. Перекрёсток, образованный этими пересечениями, называем ЗВЁЗДОЧКА — ибо восемь прямых просторных ходов идут из *просто фантастически огромного зала* точно по румбам компаса. Других названий пока не даём, ибо время названий придёт позже: когда возникнет ясное понимание не только топологии Системы, но и её характера. Что, конечно, определяется и нашими названиями... Ибо всё связано в этом мире.

Когда ставлю очередную пирамидку, обозначающую примерно *семисот*

пятидесяти метровый рубеж — при том, что штрек так и уходит дальше во тьму — аккумулятор мой, высосанный плэером при раскопках, начинает садиться. Перехожу на запасной и пытаюсь было идти дальше — но Прохор требует, чтоб мы немедленно повернули назад И БЕГОМ РВАНУЛИ В НАПРАВЛЕНИИ ВЫХОДА. Спорить бессмысленно — плывунец в незакреплённом входном шурфе, колотун, что пробирает меня до костей, да садящийся свет... Поворачиваем, так и не дойдя до конца Системы. И дошли-ли мы хоть до её середины???

... Возвратиться оказывается сложнее, чем ожидалось. Ибо второпях мы сворачиваем на одну из “диагоналей”, уводящую нас в сторону Никитского кладбища, — понимаем это по отсутствию своих маркировочных пирамидок и направлению штрека, что указывает компас, — но тут я в поисках нужного хода обнаруживаю необычайно красиво раскарстованную трещину, заполненную лимонно-прозрачными, мохнатыми игольчатыми сталактитами, и одновременно Прохор видит потолок, сплошь покрытый ожелезнёнными друзами кварцитов (или кальцитов); размеры кристаллов до сантиметра... Изумление, восторг — и в тоже время странное ощущение необходимости *срочного возвращения на поверхность*. Пытаемся вернуться назад, к своему штреку, что обозначили пирамидками — и только расходимся, расходимся, теряясь друг от друга, в этом страшном лабиринтовом наваждении. Тычемся в какие-то навалы глины, известняковые корявые колонны-останцы, навалы щебня, — тычемся, тычемся, как в слепую...

: Чувство ужаса, страха — реальней всего.

Затем я вижу какой-то свет — свет сквозь открывающиеся глаза, свет из входа в палатку, — не сразу понимаю, где я, что я, — что всё это сон...

* * *

: Наутро новый кусок стены шурфа обрушивается вниз. Уже кубика на три. Быть может, и на четыре. Мы оставляем стволы деревьев, заготовленные для крепежа: с нас — хватит. Пусть теперь те, кто предполагал явиться “к праздничной раздаче”, проявят хоть какие-то трудовые усилия.

: Кому первому приходит в голову разыграть всех дезинформацией, что мы, якобы, были внутри — не помню. Мысль прозвучала одновременно у меня, у Кис-Кисыча и ещё у кого-то, — вначале, как прикол, — но уже через пять минут оформилась вполне серьёзно. В этом “розыгрыше века” воплотилась вся наша злость на праздно отсиживающихся — и на тех, кто потом будет трендить, что чуть-ли не каждый день, вплоть до самого нашего вскрытия, хаживал сюда, — что такие спелеогерои появятся, сомнений ни у кого у нас нет. «Вот и проверим народ на гавнистость, — говорю я Кис-Кисычу, — а заодно узнаем, кто-таки посещал эту дырку до нас...»

— А не боишься скандала?

– Противней будет, коль мы-таки вскроем её – и те, что придут с минуты на минуту, будут потом на каждом углу расписывать своё геройское значение для этого вскрытия... А кое-кто – увидишь! – как только мы заявим, что были здесь, сразу начнёт трендить, что метраж этой Системы меньше того, что мы назовём — сколько бы ни сказали!

К тому же если мы хотим, чтоб эта Система была когда-либо вскрыта – нужно создать прецедент. Этакий манок – мол, вскрыть вполне возможно...

: Даже, собственно, не вскрыть – разобрать/расчистить уж вскрытое.

Противоположное – не менее важное соображение высказывается, кажется, Прохором:

– Ну хорошо, представьте, что мы вскрыли её сегодня. А вы понимаете, какая сюда ломанётся толпа — из тех же Съян?..

– Вот и увидим после публикации статьи – “Вольный Ветер” схавает, будьте уверены! – ломанётся толпа или нет. Хватит-ли у кого сил, кроме нас, даже после нашего “манка” вскрыть эту дыру.

– Зато потом, как обман раскроется, вскрывать её можно будет совершенно спокойно: хоть отсюда, хоть из Никит.

– Точно. Так что скандал нам на руку...

– И точно: едва мы принимаем такое решение, в лагере появляются те, кто до сих пор героически отсиживался в полутора километрах от нас на традиционной никитской стоянке. Совместно с ними устанавливаем деревянное перекрытие над шурфом, закрываем его полиэтиленом. Главное — чтоб осадки не размыли края шурфа, и чтоб какое-нибудь пришлое или местное “юное бездарование” не сигануло по дурости в восьмиметровую яму. Глубина которой за ночь, конечно, уменьшилась – но не настолько, чтоб не поломать при падении ног.

Пока работаем над сохранением шурфа, название Системы незаметно сокращается с Ёлочного Базара до Ебазара.

* * *

На другой день — по, естественно, совершенно-ясной погоде — возвращаемся в город. Усталость побеждает всё, даже разочарование от несостоявшегося “открытия века”.

Далее следует написание статьи о нашем “как бы вскрытии” – текст которой, прежде чем отправляется в “ВВ”, проходит согласование с каждым участником раскопок.

Затем над ним работает с красным карандашом Главный редактор газеты, С. В. Минделевич. Окончательный вариант можно назвать “коллективно-бессознательным бредом”, – радуюсь, что нет необходимости подписать его ни своей фамилией, ни ником-псевдонимом.

А как только выходит статья, начинаются телефонные звонки. Часть из

них с характерным рефреном “мы уже 30 лет знаем об этой Системе, ничего нового ты не открыл” была вполне ожидаема.

Что Миша Сохин, вернувшись из Старицы, заявил, что ему о существовании Ебазара уж много лет было персонально известно, и что длина его в десять раз меньше, чем говорю я – это было естественно.

Но вот что ЮДА и Цыганов заявили мне...

: Признаться, опешил. Ибо оба они в один голос подтвердили, что мы с ребятами *действительно были в Ебазаре – что они называли Мокрыми Галереями. Ибо про “комнатную выработку” тамошних ходов я ни от кого узнать не мог – они мне специально, проверки ради, не говорили об этом, – но говорили, что крепёж штреков делался крепями, установленными буквой “V”.*

В своём сне я не видел крепежа типа “V” – но увидел комнаты. А потому честно написал о них. И не писал о “V”-образном крепеже.

* * *

... А ещё ЮДА упорно говорил мне о необычно “кровавых”, коричнево-красных сталактитах. Которые, по его словам, украшали примыкающую к Никитам часть Мокрых Галерей.

: *Эти сталактиты мы обнаружили на августовском Пребывании 1999 года, когда в поисках “никитского прохода в Ебазар” проломились из легендарно граничащей с Ебазаром части ЖБК в систему, названную нами КРОССавицей.*

Да вот только подошли мы к ним, следуя не вдоль *левой стены* после “прорыва из ЖБК” – как описал маршрут Юра, – а *вдоль правой*.

: “Красные сталактиты” обязаны своим происхождением огромной охровой линзе, что лежит выше местного свода на пути подземного водотока. По своему составу они – феррумкальциты. Растут быстрее обычных, но очень хрупкие.

Горные рабочие называют такие образования “солъцы”. Вода с них капает минеральная, с паритетным обилием и железа, и кальция.

Однако, получается: в КРОССавице мы вышли к той же самой зоне, что и первые посетители Мокрых Галерей. Но не со стороны Ебазара, а со стороны Никит.

Столь мощные охровые линзы, да ещё формирующие натёчно-водокапную зону – достаточно редкое явление. Ни в Никитах, ни в других подмосковных каменоломнях их более не известно.

: И Цыганов, и ЮДА в один голос говорили, что такое место в Мокрых Галереях было всего одно. К нему и ходили – любоваться на Диво Дивное.

— Всё это значит, что монолитная стена меж Железным Водокапом КРОССавицы и аналогичной зоной Мокрых Галерей не такая уж толстая. С применением современных спелестопроходческих средств

вскрыть не проблема.

Но трижды стоит подумать: нужно-ли это???

Если в Ебазаре по окончании работ действительно были заживо погреблены хотя бы сотни рабочих — ничего хорошего такое “воссоединение Систем” не даст. Ибо в эниологическом смысле это примерно тоже самое, что соединить свой дом с кладбищем. Во всех прочих смыслах обещает не спелеославу, но Очень Большой Спелеогеморрой. Связанный, как минимум, с эксгумацией всех костных останков через Никиты для их надлежащего отождествления и захоронения,— и с очередным скандалом с МЧС и властями.

А ещё — с прессой и телевиденьем. Потому как ринутся писать и снимать... : оно нам надо?..

— Или думаете обойтись без скандала?

: Не получится — в нашей стране. Ни с первым, ни со вторым.

И уж подавно — с четвёртым и третьим.

СОЛНЕЧНАЯ СИСТЕМА

“Ты копай, копай...”

: призыв-утешение

Лето 2001 года проходит под знаком Солнечной.

Впервые этот массив, огибаемый левым притоком реки Моча⁴⁵ — ручьём Лубянка — привлёк внимание Миши Сохина в середине девяностых годов.

Миша — хранитель одного из самых важных спелестологических сокровищ: архива ГКС, переданного ему лично основателем ГКС И. Ю. Прокофьевым. Среди множества описаний и топосъёмок рукотворных пещер, исследованных ГКС, в этом архиве значилась двухкилометровая каменоломня, обследованная ГКС на левом берегу Лубянки в шестидесятых годах. Согласно сообщению Игоря Юрьевича, в семидесятые годы вход в эту каменоломню замыло оползнем со склона холма.

После старицкой спелестологической конференции Миша задумал заново её вскрыть. Ибо двухкилометровой пещере не было никакого резона пребывать “в спелестологических нетях”.

Собрал имеющуюся в наличии спелестологическую рать — и объявил Системе, точнее, похоронившему вход замыву, Бой. Спелестологический и беспоп-

⁴⁵ Что, в свою очередь, как и Рожайка, является притоком Пахры — основной “каменоломненесущей” водной артерии Подольского и Домодедовского районов Московской области. Река Моча (ударение на первом слоге, но спелестологи такое произношение известного всем слова считают противоестественным) в своей “каменоломенной части” протекает по Подольскому району.

щадный.

Гюрза с Крокодилем и Саша Баркан со своей группой несколько сезонов вели вскрытие Системы – в результате которого выяснилось: вся полость Лубянки замята ровным слоем нанесённого грунта с оставшимся до свода просветом от 1 до 5 см. Копался этот грунт легко – проблема возникала при транспортировке его на поверхность. То есть даже не проблема — а банальная очевидность: для полноценного вскрытия Системы нужно просто-напросто вынуть из неё весь заполнивший её грунт.

Систему окрестили в народе “Сделай сам!” — и отступились в изнеможении.

Но ничто не пропадает в нашем Жанре бесследно — как ничто не бывает зря.

: Саша Никольский, приняв участие в одном из последних “лубянских копаний” и ощутив “определённую бесперспективность оных”, решил в минуту отдыха прогуляться по склонам холма, что полукругом огибал ручей.

И выше по течению обнаружил пейзаж, который со всей определённой указывал: здесь тоже когда-то добывался белый камень. Причём в масштабах, вызывающих невольное уважение.

В архиве Прокофьева об этом месте ничего сказано не было.

Однако пейзаж выглядел до того классически – провальные воронки, точильные рвы и типичные привходовые обрушения – что удержаться от раскопок было трудно.

Саша попробовал вскрыть несколько “подозрительных мест” – но войти в Систему “с ходу” не получилось.

: Отступился, поведав о неудаче Мише Сохину.

В следующем выезде, помимо Миши, принимали участие Чудо-вообще и Володя Министр. А также Прохор.

Когда подобный состав с лопатами наперевес приближается к склону, скрывающему дыру, последствия достаточно очевидны.

: Прежде, чем начать раскопки, Володя очень вдумчиво исследовал склон. В одном из привходовых обрушений понял: ЗДЕСЬ.

Как приходит такое понимание, рассуждать можно долго.

Чудо подошёл к месту будущего раскопа – и подтвердил резюме Министра: да, здесь.

Прохор разделил общее мнение.

Никаких разговоров между собой, никаких споров (“а я думаю, что копать нужно в соседней воронке, потому что...”) они не вели.

: было без надобности.

Погода стояла отвратительная, полуморось, полутуман — но когда Володя Министр начал копать землю, тучи, как по мановению волшебной палочки, разошлись – и словно направленный луч солнца осветил раскоп.

... не более, чем через три часа работы ребята вошли в Систему.

Которую называли Солнечная.

Первое, что поразило их под землёй — в Системе не было и следа хоть ка-

кого-то спелестологического посещения. Казалось: как ушли каменотёсы из-под земли, так всё и осталось там. Зафиксировано, будто на фотографии.

Стиль разработки был “классически-подмосковный” – камерно-столбовая и лучевая выработки с забутовкой излишних объёмов пройденных штреков — но ряд признаков ясно указывал: древность этой разработки много выше, чем у прочих подобных Систем – Володарских, а также Киселей и Сьянов.

Сохранность пройденной в первый же день части пещеры была весьма высокая. Объяснялось это, по-видимому, хорошим водоупорным пластом глины, перекрывающим известняк — мощность пласта была такова, что неподалёку даже действовал глиняный карьер.

Отсутствие грунтовки, проникающей пласт известняка (как и разрывающих массив тектонических трещин) блокировало развитие карста – в результате чего кристаллическое и сталактитовое украшение Системы практически отсутствовало. Как отсутствовали и водокапы.

Но там, где через немногочисленные разрывы пласта вода в Систему проникла, развились столь редкие формы минеральных отложений, что у специалистов невольно перехватывало дух.

Достаточно много было также всевозможных ‘дохлостей’ – окаменевших представителей каменноугольной флоры и фауны.

Ландшафтные формы Солнечной вызывали невольный трепет у любителей спелеофотосъёмки.

Обтёсанные каменные блоки и остатки утвари разработчиков каменоломни – фрагменты железного и деревянного инструмента, керамика – вызывали аналогичный трепет у любителей подземной истории.

Один из найденных глиняных кувшинов был отдан Мишей в реставрационную лабораторию для исследования. Вердикт реставраторов гласил: XVI век.

: Получалось, что Солнечная — одна из самых древних подмосковных каменоломен.

Если не самая древняя.

Андрей Маркшейдер и Сохин начали её топосъёмку.

Министр – планомерную фотосъёмку.

Сопоставив площадь провальных воронок на поверхности, точильных рвов и суммарную длину отснятых ходов – до первых серьёзных завалов, приостановивших изучение Системы, Маркшейдер отснял около 3,5 км – Миша объявил: перед нами настоящий подмосковный гигант. Ибо экстраполированная длина Системы должна была составить не менее 35 километров.

С учётом безусловной древности разработки было ясно: вскрытие Солнечной — одно из самых выдающихся свершений в истории московской спелестологии.

Около месяца ребята держали это открытие в тайне; затем Миша устроил “официальную презентацию Солнечной” лидерам московской спелестологии.

Лидеры собрались — и кто-то не без иронии заметил, что такой состав участников выезда вполне можно назвать “московской спелестологической конференцией”.

На “совете вождей” у костра было решено: Систему нужно обживать – то есть привлечь к ней внимание тех, кто полюбит её и сделает пещерой своего постоянного подземного бытия, – подобно тому, как наша команда с группой Кэма в 1988 году создала новый съяновский спелеум.

– Ну так обживай, – сказал я Министру, – ты её вскрыл, тебе и карты в руки.

– Я не буду. Моё – Силикаты.⁴⁶ Мы сейчас там именно этим и занимаемся, – всех, кого я полагаю *настоящим*, в первую очередь привожу туда. Никитяне Солнечную вскрывали на равных со мной — вот вы своих и приводите.

– Знаешь, Вовка, у нас те же проблемы. Приезжать, конечно, будем. Но – иногда. Потому что у нас – Никиты. А ещё Старица. И в вертикалки никитский народ ездит постоянно... Может, “Летучие Мыши”?..

: “Летучие Мыши” в лице Долотова Юры только усмехнулись на это предложение. Во-первых, “Мыши” – группа традиционно замкнутая. Почти эзотерическая. Ни воспитательными акциями, ни социальным спелеопрогрессорством не занимающаяся. Во-вторых – у них мощный фронт вскрышных работ в Домодедовском районе. И именно сейчас вскрытая недавно Юбилейная III буквально попёрла со свистом в разные стороны сразу...

– Значит, нужно привести какую-нибудь хорошую команду из Съян.

– Из Съянов — что может быть хорошего? – отозвался Дима Мастер.

– Например, ты. Не все ж там водку пьянствуют и безобразия хулиганят...

– Поди, отличи... К тому же в Съянах мой дом. Я оттуда, ребята, никуда, ни в какую другую пещеру никогда в жизни не перейду. Вот, как Ком сказал: иногда приезжать можно. Как мы в Старицу ездим. Не более. А сказать о Солнечной в Съянах — кто ломанётся сюда в первую очередь? Та же пьянь голимая... Пока те, “кто поприличнее”, раскачиваться будут... Лучше из Киселей кого сагитировать.

– Те, кто “поприличнее” в Киселях — ходят и в Никиты. Как вот Прохор. И им хватает.

– А володарские спелики?

– Та же история.

: Возможно, конкретные реплики каждого из нас в этом разговоре были немного иными. Но суть свелась к тому, что я изложил.

: дальше “официального вердикта”, что Систему нужно осваивать – а значит, создавать в ней свой спелеосоциум, дело не пошло. Ибо у каждого из нас уже сложились свои пристрастия и подземные интересы.

По просьбе Министра я продолбил несколько перспективных, с его точки зрения, завалов – за которыми должно было скрываться искомое продолжение Солнечной.

: Приращение исчислялось десятками метров.

Чтобы *почувствовать Систему*, одной топосъёмки мало. Ибо не она – но ясно слышимый изнутри зов безошибочно укажут тебе: где копать. Особенно в

⁴⁶ Незадолго до того Министр вскрыл Силикаты после десятилетнего периода “торкомовской консервации”.

Системе, большая часть которой разрабатывалась хаотической камерно-столбовой выработкой.

Чтобы такое Чувство Системы пришло, в ней нужно жить. Не спускаться с поверхности на пять-шесть “топосъёмочных часов” (с разухабисто-удалым девизом: “ударим рулеткой и компасом по топологическим непоняткам!”), — *стоять подземным лагерем*. Оборудовать грот — в котором встретить какой-нибудь спелеопраздник... Ибо алкоголь, тормозящий суетливую вербалку и расслабляющий нас, открывающий наше подсознание миру — благо под землёй.

Естественно, “в определённых количествах”. С пьянством не имеющих ничего общего.

Пройденная часть Солнечной в плане напоминает полумесяц — и без сомнения, является левым краем Системы. Фактически, малой частью её периметра. Так что мнение Сохина о грядущих 35 “солнечных километрах” фантазией не было ни в малейшей степени.

: Миша уже много лет не ночует под землёй. Почему — его личное дело.

За прошедшие годы Солнечная не уступила ему ни метра из ожидаемых тысяч.

Так и стоит, полусостоявшимся Притоком нашего Подземного Мэйнстрима,—

— впрочем: почему “полу”?.. даже если б и не обещала своих тридцатикилометровых просторов, современная её длина вполне уважительна.

Уважительны красота и историческая значимость.

Кому нужно нечто большее — приходите в неё. Обживайте, обустраивайте.

И копайте —

— Там, где она сама однажды подскажет вам: “КОПАТЬ ЗДЕСЬ”.

НИКИТСКИЕ ХРОНИКИ

«Какова категорийность Никит?»

— Вообще-то это “единичка”. Но с элементами 7Б!»

: из никитского фольклёра 1982 года

... Теперь, однако, вовсе не “презренная единичка”. По существующим канонам Система столь изрядной протяжённости (минимальная суммарная длина ходов оценивается в 15 км, максимальная в 20), к тому же осложнённая шкурниками так, как не осложнена никакая другая искусственная Система,— да ещё с 20-метровой вертикальной амплитудой ходов и невероятно закрученной многоуровневой топологией,—

: Это не “единичка”. Как минимум – “2а”. Даже если отвлечься от того простого факта, что аналогов, по сути, нету. Разве гипсовые гиганты Подолии или Кап-Кутан. Или Большая Орешная.

В спелестологическом классе ПГВ ничего равного просто нет —

: Даже “официально самая большая Система Подмосковья” (коль под Подмосковьем понимать географическое, а не административное значение данного слова) – Бяки – при своей почти стокилометровой длине много проще. Ходятся в полный рост, и не смотря на вертикальные тектонические щели и обводнёнку, лежат в одном уровне. До топологической и ландшафтной сложности Никит им далеко.

А потому здесь уместно поведать её спелестологическую историю, ибо началось всё с такой малой малости...

* * *

В спелестологическом смысле Никиты были открыты ГКС под руководством И. Ю. Прокофьева 17 декабря 1961 года. Обнаружив в Никитском холме несколько “подозрительных щелей” с тягой воздуха, ГКС вскрыли одну из них и проникли в грот, поначалу показавшийся им тупиковым. Никакого хода далее не было — но тяга воздуха была. Следуя ей, ГКС попытались разобрать обвальное обрушение. В результате чего вышли в Никитскую Централку.

“И Система пошла”... Хотя поначалу – очень неспешными темпами.

Потому что если в прочих каменоломнях Подмосковья достаточно было раскопать вход и далее свободно гулять по всей Системе — в Никитах такого не получалось. Не получалось “гулять в полный рост”: лишь в отдельных сохранившихся фрагментах бывших штреков. Не получалось сразу пройти “всю Систему” – чтобы пройти очередные две-три новые сотни метров, вначале нужно было разобрать завал. Причём не бутовую кладку, характерную для прочих каменоломен — самое настоящее обрушение свода. Зачастую в не самых подходящих для подобной работы условиях. А потому раскопочные работы в никитских выездах ГКС занимали гораздо больше времени, чем топосъёмка вскрытых фрагментов Системы.

То же, что открывалось после разбора завалов, на каменоломню походило не более, чем послеураганный лесной бурелом на траву в лондонском Гайд-Парке. И желания “позагорать” вызывало соответствующее.

А потому в шестидесятые годы посетителей Никитской Системы было немного – достоверно можно сказать (помимо ГКС) лишь о группе “Улай” и группе из ТСХА, которую основали Старшина [С. Головин] и Сержант [С. Шадуро], – в 1977 году вошедшие вместе с Л. Дроновой из ГКС в группу “Летучие Мыши”, основанную В. Богдановым и А. Булатовым.

* * *

Выдержки из архива ГКС:*17 декабря 1961 г.*

"...На правом берегу в заброшенном карьере обнаружено три довольно крупных щели между камнями. Из этих щелей идёт тёплый воздух. На основании проведённого обследования, подземную полость, куда ведут три щели, можно назвать Никитской пещерой. Метрах в 150-и выше по течению зафиксированы небольшие обнажения известняка. Из отдельных трещин также выходит тёплый воздух. Здесь по-видимому под землёй также имеется значительная полость..."

*(Прокофьев И.)**1966 г.*

[...] Длинный, узкий извилистый лаз, первые 20 метров редко удаётся подняться на ноги, но вот неожиданно мы попадаем в коридор. Как видно здесь была каменоломня. Продолжая путь, мы то и дело натыкались на завалы и тупики. В Никитскую пещеру пока что известен только один вход. После долгой работы он был открыт группой краеведов-спелеологов г.Москвы. Ведутся работы по выявлению других ходов, обследуются подземные лабиринты...

*(Фомичёва Л.)**26 февраля 1967 г.*

Пещера опасна из-за ненадёжности сводов, которые почти на всём протяжении полостей грозят обвалами. Сохранившиеся многочисленные крепи в отличии от Съановских и Силикатских пещер сохранились значительно лучше, что может свидетельствовать о сравнительно "молодом" возрасте каменоломни.

29 сентября 1967 г.

При обследовании было найдено несколько новых штреков, расположенных перпендикулярно друг к другу в такой же закономерности как и предыдущие. Они находятся в левой стороне от "грома Спелеологов".

*(Ширяев Н.)**19 июля 1968 г.*

[...] Во время прохождения подземного маршрута, намеченного до выезда группы, было замечено большое количество новых обрушений каменных плит со сводов, отдельных штреков, что повышает опасность продвижения под землёй (результат длительных дождей)....

1969 г.

Одна из наиболее интересных каменоломен Подмосковья – общая протяжённость несколько километров. В настоящее время имеется план нескольких

сотен метров ходов. Большинство ходов обвалились, во многих вместо широких проходов образовались узкие, труднопроходимые вертикальные и горизонтальные щели. Хотя пещера горизонтальная, обвалы сводов в гротах придают ей своеобразный микрорельеф. Всё это в сочетании с небольшой высотой ходов затрудняет обследование пещеры, но в тоже время делает её более интересной. Сейчас имеются предположения, что пещера состоит из двух независимых частей, разрабатывавшихся независимо друг от друга и состыкованных случайным образом.

(Лямин Б.)

Решение совета ГСК от 15 октября 1969 г.:

В связи с отказом администрации Московского городского клуба туристов обещанного им финансирования работ по комплексному обследованию долин реки Пахра и Рожая, работы, связанные с обработкой и оформлением материалов по указанным объектам временно приостановить...

* * *

Фрагменты из первых походных дневников ЮДА:

«20/ V – 70. Группа 2 чел.: Л. С. Козлова, Ю. Агафонов.⁴⁷ Маршрут: ст. Востряково – р. Рожая – с. Никитское – г. Домодедово. (16 – 17 км) Цель: знакомство с р. Рожая и её окрестностями.

Поразились живописностью реки, её береговым рельефом, полянами. Напоминает горную речку. Перекатываясь через пороги, вода создаёт шум, похожий на шум горных потоков.

Нашли сетку, наловили рыбы и сварили уху. В речке обнаружили много ракушек. Был ливень, вымокли до нитки, но бодрости не потеряли.

< ... >

25/VII – 70. Группа 2 человека: Козлова Л. С. и Агафонов Ю. Маршрут: ст. Домодедово – с. Никитское – р. Рожая (8 – 9 км) и обратно. Цель: поиск и посещение пещеры, поиск кристаллов.

15/VIII – 70. Группа 3 человека: Козлова Л. С., Агафонов Юрий, Пузанков Саши⁴⁸. Маршрут: ст. Домодедово – Никитское – р. Рожая – каменоломни. Цель: поиск кристаллов, посещение пещеры, поход вдоль ручья (12 – 15 км).

23/VIII – 70. Группа – 3 человека: Козлова Л. С., Агафонов Юрий, Пузанков Саши. Маршрут тот же, что и 15/VIII. Цель: исследование пещер и поиск кристаллов в пещере.

⁴⁷ Л. С. Козлова – тётка Юры Агафопова; её рукой на этой странице Дневника сделана приписка: «Юре – 14 лет».

⁴⁸ Это был первый поход в Никиты Саши Пузанкова, позже прославившегося в Никитском Кругу под ником Завхоз. Саше тогда было 10 лет; с этих походов ведёт свой отсчёт группа “Wanderers”.

Познакомились с группой туристов – студентов института, лазили вместе с ними в пещеры.

Захватили с собой свечи, фонари для пещеры.

Вот мы уже в пещере. Темно. Саша боится лезть в дыру, но, пересилив страх, полез. Я – за ним. Нашли небольшую комнатушку. Сидим. Слева – дыра, справа дыра, в какую лезть – не знаем. Наверху чьи-то радостные вопли. Это студенты. Лезут к нам. Привязывают меня канатом за ногу – и я лезу вправо. Ничего особенного: тупик. Залезаю влево. Дальше – расширение, но проклятый камень: никак не пролезу, приходится сдавать назад, меня дёргают за ноги – и вот я уже наверху.

Лезем во вторую пещеру. Мы – пролезли, но студенты застревают. Вылезаем, идём дальше.

Находим ещё одну дырку. Узкая, похожа на треугольник. Пролезаю за Колей, кряхтя и охая. Вверху – ступенька; залезаю на неё и жду Сашку. Сзади что-то сопит, кряхтит, чертыхается. Вот и Сашка. Сидим, осматриваем потолок. Красота!! Почти везде блестят кристаллы, но трогать их нельзя: может быть обвал. Сашку кто-то подталкивает пинком – и он вылетает. Проклятый Сашка, всё норовит вперёд! Но я не пускаю. Лезем дальше, и вот – грот. Красота!!!

Ходов много, все широкие, можно идти во весь рост. Идём прямо, ставим первую свечку. Боря разматывает верёвку. Уже пройдено метров 200. Сзади объявляют: верёвка кончилась! Сашка умоляет пойти вперёд. Боря – ни в какую. Саша смотрит злобно на туриста: что ж ты трусишь! Вдруг позади послышался смех – аж в ушах звенит. Ну – понятно, спелеологи. Останавливаются около нас. Разговорились. Короткий перекур. Борис боится: “Вы нашу верёвку не взяли?”

– На что нам эта верёвка!

Сашка шепчет на ухо: “Уй, касочка – смак!” Я соглашаюсь.

У всех шахтёрские каски, фонари с прожектором, питание от аккумулятора на поясе.

Спелеологи пошли дальше. Мы сидим, отдыхаем. Коля чуть продвинулся вперёд, но Боря вытолкнул его назад: боится, что заблудимся, ведь первый раз в пещерах! Сашка шныряет под всеми глыбами: ищет сталактиты! Я тоже не прочь бы поискать, но их нет здесь.

Полезли назад. Но вот и белый свет. Шурик сидит на камне, пригорюнившись. Жарко. Мы приходим по приглашению студентов в их лагерь. Поели туристский обед. Ну и вкуснятина!

После обеда мы с Сашкой сбегали в пещеру. Нашли кристаллы и принесли студентам. Шурик загорелся достать себе кристаллы. Он решился лезть в пещеру.

Мы трое у входа в пещеру стоим, разматываем верёвку. Я обвязал вокруг руки, полез. Слышу вопли Шуры: не желает лезть последним. Вылезаю назад, помогаю Сашке уговаривать – ни в какую! Вот уже дошли до последнего.

Наконец Шурик согласился. Сашка лезет за мной. Сзади Сашки хрюкает объёмистый Шурик.

Вот мы в первом расширении. Шурик выламывает из стены жеоду с кристаллами, мы с Сашкой берём внизу на полу желваки (крупные камни овальной формы). Я захватываю обломок известняка и лезу назад за Шурой. Сашка уже успел вылезти. Кричит наверху, чтобы быстрее вылезали. Вдруг – грохот. Что это?

Шурик заслонил проход, орёт во всю глотку. “Что это было?” – говорю я.

– Глыба! – и показывает на неё. Смотрю и вижу: лежит глыбина с полцентнера весом. Шурик схватывает, как игрушку (глыба обвалилась с потолка) и выбрасывает с прохода в боковую щель.

Мы вернулись в лагерь. Шурик ликует: побывал в пещере!..

Мы показываем находки. Все одобряют.

Помыв в Рожайке кристаллы, мы двинулись в обратный путь.»

– Теперь, конечно, того наивного детского “собиранья кристаллов” стыдно. Но, полагаю я, беда спелеологии не те спелеологи, что относятся к пещере, как источнику пополнения своих минералогических коллекций — а спелеологи, что когда-то начинали своё знакомство с пещерами подобным образом – да якобы поумнев, всеми силами стараются ныне делать вид, что “ничего подобного с ними в детстве не было”. От подобных приукрашивающих биографию “маленьких хитростей” произрастает Большое Двуличие – ведущее к проступкам, переходящим в иную морально-этическую плоскость. Потому и привожу походные дневниковые записи Юры без купюр. По его же совету. Хотя то, что описано – “весьма не комильфо”: *где нынче эти покрытые кристаллами никитские (а также съановские, силикатовские и киселисткие) стены и своды?..* НЕТ, БУДТО НЕ БЫЛО. Разграблены, растащены романтиками первого поколения на сувениры. И когда **наше поколение** пришло в Никиты (ЮДА и Завхоз были из него первыми) — на нашу долю уже мало что осталось. Даже для любования. А потому *каждый найденный натёк или красивая друза, каких бы размеров они ни были, полагались Высшей Подземной Ценностью – за попытку выноса которых из пещеры можно было не просто “получить по морде”.* Думаю, столь трепетное отношение нашего поколения к пещерному убранству явилось следствием того, что предидущие поколения относились к подземным красотам иначе — из чего какой-нибудь философ может сделать своеобразный вывод о том, что “добро извечно перемогает зло”, — мало того: ему во многом обязано... Ибо без варварского разграбления пещер, мол, не было бы нашего бережного к ним отношения,—

: по-моему, для того, чтобы усвоить вполне очевидную истину, вовсе не обязательно наступать на грабли. Кстати: ребята “захабарились” кристаллами – и тут же чуть не получили на головы плиту. Какая тема для спелеоаномальных ассоциаций!..

– Цитирую дальше:

«Чтение книг о спелеологии, минералогии и туризме:

1. Кастере: *“30 лет под землёй”*.
2. Кастере: *“Зов бездны”*.
3. Смирнов: *“В мире вечного мрака”*.
4. Альманах *“Просторы зовут”*.
5. Подмосковье – путеводитель.
6. К. Аверкиев: *“Тайны Красных пещер”*.
7. Сифр: *“Один в глубинах земли”*.
8. Ферсман: *“Занимательная минералогия”*.
9. Ферсман: *“Путешествие за камнем”*.
10. *“В поход, друзья-туристы!”*

По прочтении книг изучение пещер становится основным увлечением.»

: Дальше у Юры и Завхоза были занятия в геологическом кружке и походы по иным подмосковным пещерам – их поиски и открытия, – что интересно: поход, в котором им приходилось отмаршировать по лесным и сельским дорогам менее 10 км, считался “несерьёзным” и подробной записи в дневнике не удостоивался. Какое бы время года или погода ни были.

В четырнадцати- и двенадцатилетнем возрасте они самостоятельно открыли для себя Кисели, Сьяны, Полушкинские и Тучковские пещеры, Силикаты, – но неизбежно возвращались в Никиты.

«8/XI – 70. Поход в Никитские пещеры. Цель – изучение Никитских пещер дальше, сбор минералов, изучение состава воды никитских источников.

Выпал снег. Идти было трудно, но группа, увязая по колено в снегу, шла. И наконец, долгожданное Никитское. Подходим к пещере. Скидываем рюкзаки, наскоро завтракаем и лезем в пещеру с Сашкой. Долезли до зала Спелеологов, но не нашли хода, ведущего к месту, где растут сталактиты. Повернули было к выходу, но тут встретились с группой спелеологов.

Попросили довести до сталактитов через зал Спелеологов. Нас провели по ходам в зал, в совсем другой.⁴⁹ < ... > После очень долгого подземного путешествия и блужданий вначале среди очень больших коридоров, затем пролезаний по узким щелям-шкуродёрам они показали нам дыру. Мы посмотрели в неё и увидели порядочные сталактиты до 25 см длиной. Сбросив с себя всё, чтобы поближе посмотреть сталактиты, я протиснулся с невероятным трудом в дыру и недалеко от места, где росли сталактиты, увидел маленькую щель среди натёков. Там я увидел, наверное, самый большой сталактит в пещере. Повернул голову и обомлел – прямо передо мной естественная трещи-

⁴⁹ По устному комментарию Юры – много дальше тех мест Никит, что он знал к тому времени. Чтобы запомнить дорогу до этого места, он сразу по возвращении домой нарисовал в дневнике примерную схему их маршрута. К сожалению, отождествить её с современной никитской топологией возможным не представляется.

на сплошь заросла натёками и сталактитами. Разделся до майки и опять протиснулся на выдохе. Трещина скрыта от взгляда людей из зала, но видна из дыры со сталактитами. Она идёт параллельно стенке зала. Потом расширяется в небольшую полость шириной 70 см, длиной в два метра. Дальше я не смог пролезть, но дальше была маленькая дырка, из которой тихо дуло. Я полез назад и почти вылез, но тут заметил вторую трещину, идущую вправо. Я не полез в неё и теперь жалею. В трещине я заметил порядочную колонну (сталагнат). Я вылез и мы пошли к выходу.

Это был мой двенадцатый поход.

< ... >

Февраль 1971 года. Поход прошёл с двумя спелеологами из института МАДИ. Опять в Никитскую пещеру. Чем она мне так понравилась? Наверное потому, что я очень увлёкся её карстовыми трещинами, натёчными и кристаллическими формами.

Мы решили поискать новые карстовые трещины, а заодно заняться сбором минералов в пещере. Добравшись до зала Спелеологов, мы пошли в левый ход к Сталактитовому залу.

Осмотрев трещину и собрав некоторые образцы, мы решили поискать другие трещины чуть дальше.

Трещины мы нашли, очень красивые. Одна с множеством кальцитовых ёжиков на стенке, хотя и маленьких, но всё же кристаллов кальцита.

Затем мы пошли дальше и вышли в очень большие штреки. Чтоб не заблудиться, шли всё время по левой стене. На каждом повороте сворачивали налево.

Под ногами было сыро, мои ботинки промокли.

Спелеологи из МАДИ сказали, что это место так и называется: Мокрые Галереи.

Но скоро мы увидели такую красоту, что мне стало не жаль промокнутой обуви. По стенам и с потолка свисали кроваво-красные сталактиты. Я никогда не видел таких, только читал в книге про Красную пещеру в Крыму.

Весь пол грота под сталактитами был залит водой, самым настоящим подземным озером...»

На этом я завершу цитирование первого юриного дневника – и обращусь к хронике последующих никитских событий.

* * *

В начале семидесятых годов на Никиты обратили внимание SCO и “Парабеллум” Пети-Крота; ими был вскрыт новый вход в Никиты – названный по установленной табличке «Вход на станцию вниз». Тогда же SCO и группа Дим-Димыча из МАДИ проникли вначале в ЖБК, а затем по тектонической трещине в лежащие дальше и левее ЖБК Мокрые Галереи, украшенные “замечательно

красными сталактитами”. Проход в ЖБК и Мокрые Галереи маскировался и держался в секрете, топосъёмка не проводилась – как и планомерные исследования открывшихся пространств. Соответственно, суммарная их длина никому не была известна. Даже “в первом приближении”.

В 1973 году SCO заводит в Системе Первый Никитский Журнал; “Парабеллум” вскрывает завал в тогдашнем конце Централки – чем увеличивает длину Никит практически вдвое.

В 1974 году (после уничтожения входа в Сьяны) вход ГКС взорван властями. «Вход на станцию вниз» уцелел, потому что был своевременно замаскирован и на топосъёмках ГКС не значился. В этом же году самостоятельное исследование Никит начинает группа “Wanderers” – основатели которой ЮДА [Юрий Дмитриевич Агафонов] и Завхоз [Пузанков Саша] пришли в Никиты на четыре года ранее.

Осенью 1974 года “Парабеллум” вскрывают с поверхности соседнюю с Никитами Систему Звёздочка и проходят из неё в Никиты через “промежуточную систему очень больших штреков”. К сожалению, шурф Крота весной 1975 года затягивает оползень склона; обвал сопровождается “капитальной просадкой” привходового штрека – вызванной зимней проморозкой влажных плит свода.

В 1975 году в Никиты приходит группа В. И. Борзова “РИФы” [“Романтики, Искатели, Фантазёры”]. К этому времени в Никитах общими усилиями вскрыто около 5 км ходов; отснято 4,7 км (без ЖБК, Мокрых Галерей и Звёздочки – проходы в которые держатся первооткрывателями “в секрете”); оборудованы стояночные гроты в Кабачке [SCO] и Африке [Петя-Крот]. До этого приходящие в Систему располагались на ночлег в единственном “обитаемом гроте” Хата, что находился неподалёку от «Входа на станцию вниз», и в примыкающем к нему уютном “аппендиксе на двоих” – Гроте Поэзии: естественного происхождения линзообразной каверне в стене пересекающей Хату тектонической трещины.⁵⁰

8 января 1976 года “с подачи SCO” в Никитах появляется группа “УМ” [“Союз Маразматиков”]; они оборудуют систему стояночных гротов Дворец (названа в честь родного МГДПиШ, то есть Дворца Пионеров и Школьников на Ленинских горах) со “столицей” в гроте Чаша.

В марте 1976 года пройден снизу вверх завал в конце Централки (получившийся шкурник назван “Руки вверх!”) [Comandor, Дизель и Мамонт – “УМ”] и открыто два новых штрека, – один назван Колокольней (о чём сделана соответствующая запись мелом на стене грота характерной колокольнеобразной формы).

27 июня 1976 года при попытке создать новый вход в Никиты [РИФы] гибнет Виктор Шагал – раскопки проводились вертикальным шурфом снизу вверх из Четвёртого Подъезда.

Осенью 1976 года ЮДА, Пиф и Завхоз [“Wanderers”], разобрав смешан-

⁵⁰ В 1985 году вывал чёрной глины в тектонике перекрыл этот замечательный гротик.

ный завал, вышли в обширный зал (тогда 20 X 4 X 3 м), названный ими Сапфир⁵¹. Чуть позже по их следам группа “SF” провела топосьёмку – символично переименовав грот в Зал Передовых Методов Топосьёмки.

В 1977/1978 гг. (точная дата неизвестна) грандиозный обвал положил часть Левой системы, перекрыв при этом найденный SCO и группой Дим-Димыча проход в ЖБК; анализ обрушений указывает на их эксплоссионное происхождение. Образовалась новая система Никит – Сейсмозона.

В эти же годы группа SF [“Каменный Цветок”] проводит свою топосьёмку Никит. На одной из карт SF того времени значится: “Общая длина ходов – 5,6 км”.

В 1979 году во время первого никитского двухнедельного пребывания [“UM”/“Wanderers”] было разобрано и пройдено около 10 завалов в Сейсмозоне; из них один, отнявший три дня работы, проходил сверху вниз в положении вниз головой — работа к ожидаемым результатам (проходу в ЖБК) не привела и после “закольцевания” была остановлена. Зато к Никитам присоединилась система Коммундизма общей длиной ходов около 200 м.

В апреле 1979 года от зимней проморозки свода начинает ложиться “Вход на станцию вниз” – к тому времени переименованный в “Подольск”.

27 июня 1979 года – первый слёт Памяти Виктора Шагала [организаторы “РИФы” и “UM”] с сооружением памятной пирамиды над местом гибели из бутового камня; в дальнейшем слёты Памяти Вити проводятся каждый год в последние выходные июня.

14 сентября 1979 года в Никитах гибнет Иван Шкварин; официальная причина гибели – “заблудился и остался без света”.

В октябре 1979 года во время ПСР по поиску и выемке тела И. Шкварина была создана Правая Магистраль – разобрано 5 завалов и расширено до нормального человеческого прохода столько же шкурников.

В декабре 1979 года оборудован ещё один стояночный грот – Русская Америка – а также первый никитский водокап, произведена цифровая маркировка Централки с одновременной её расчисткой от рухнувшего плитняка и обломков крепей и укреплением обвалоопасных участков свода [“UM”].

Общими усилиями “UM” и “Wanderers” к 1980 году добавили около полукилометра вскрытых, но не откартографированных ходов.

Зимой 1979/1980 гг. во входе Подольск – единственном на то время входе в Систему – продолжают обвалы.

В Никиты приходит три новых команды – “Madman”, “Последний Шанс” и “Дети Подземелья”.

8 марта 1980 года создан новый вход в Систему [“UM”, “Madman”, “Последний Шанс” и “Дети Подземелья”], названный МЖД8М. В апреле/мае за два выхода пробито два последовательных завала (смешанный и крупноглыбовый) в одном из штреков Ближней системы [Comandor и Хмырь]; к Системе

⁵¹ За несколько лет до того в этот грот вышли спелестологи ГКС и даже нанесли его на карту, не дав, впрочем, никакого названия, – однако ход, через который они прошли в него “во весь рост свой”, через некоторое время рухнул.

прибавлен удивительно красивый раскарстованный грот, названный в честь Чимганского фестиваля Первомайский, и пара штреков. Тот же состав продолжил работы в тупике штрека Колокольня – и проломив завал, вышел в небольшую систему, названную Командорские Острова. Осенью 1980 года завершено оборудование первого грота, целиком и полностью выдолбленного в монолите – КД (Кошкин Дом) [Comandor, Удав, Роден и Золушка].

На слёте Памяти Виктора Шагала разрушенная вандалами бутовая пирамида заменяется на современный памятник, в основе которого – известняк, поднятый из входа в Никиты.

Весной и осенью 1980 года продолжается пополнение никитян новыми командами и замечательными спелеоличностями; к зиме 1980 года количество постоянных посетителей Никит приближается к 100 человекам.

В октябре 1980 года Барсик при помощи Удава, Золушки и Comandor'a оборудует стояночный грот Че-Гевары.

В декабре 1980 года Барсик пробился из системы Коммундизма в ЖБК, но через 2 месяца проход, сделанный им меж плит и блоков циклопника, рухнул.

В том же декабре 1980 года в Никитах оборудованы новые стояночные гроты: Медвежий, Подарок, Гостинец, Сосед, Пьяная Берлога, Кальмар, Поэт, Геошизик и Ласточкино Гнездо; расчищен и оборудован для коллективной встречи предстоящего Нового года Сапфир – с новым, более коротким и удобным в него входом, сделанном в смешанном обрушении свода [Comandor, Удав, Золушка, Мамонт, Зелёный Змей, Хмырь и др.]⁵². Через Сейсмозону пробита Левая Транспортная Магистраль (ликвидировано около 15 обрушений и завалов); вскрыто три новых штрека в Ближней системе (общей длиной 120 м), для сбора воды оборудован второй водокап – Душевая [герои те же].

За зиму 1980/1981 гг. группой “In Vi. S”/ “UM” выполнена топосъёмка основных никитских магистралей и обрисовка прилегающих к ним ходов и гротов, ибо ни съёмка ГКС, ни SF никаким критериям точности не отвечали. Мамонт оборудует в Сейсмозоне стояночный грот Весёлый; после обвала в Че-Геварах Барсик оборудует новый грот Одиночество в системе Коммундизма.

В июне 1981 года Comandor и Динамитрий присоединили к Никитам её центральную часть, по какому-то недоразумению до того времени никому абсолютно неизвестную (грот Чайник и окрестности); Рашпиль (при незначительном моём участии) пишет спелеовальс “Мы под землю ушли раньше времени” – эта песня становится гимном Никит.

Слёт Памяти Виктора Шагала впервые проводится не только с выступлением приглашённых бардов, но и с памятными эмблемами.

В июле 1981 года “в одну и ту же ночь и час” было завершено вскрытие нового входа в Систему (назван Эгипед) [“UM” – Comandor, Борода, Динамитрий, Рашпиль и Хмырь] и группа “Левых Демократов” под командованием Гриши Чернякова (Чёрта), пройдя доломитизированную расслоёнку общей длиной в 12,5 метров, вышла в ЖБК. “Окончательно и бесповоротно”.

⁵² После встречи Нового года Сапфир рухнул в результате “объёмника”, поставленного Пифом.

: Суммарная длина ходов Никитской Системы выросла в эту ночь до 10 км.

Через две недели Comandor и Борода, пройдя тектоническую трещину в Колокольне, вышли в непосещавшуюся до того систему Бородинские Поля; через неделю она была соединена с остальной частью Никит проломленным в монолите ходом [Comandor, Борода]. К Системе прибавилось ещё 250 метров.

В августе Борода вывалился из Бородинских полей в Мартингал (тогда названия не имевший); по его следам прошёл Хмырь и “на всякий случай” по возвращении в Систему замаскировал вход лёгким завалом. Ни Борода, ни Хмырь отыскать потом это место не смогли.

Во время “Зелёной войны” 1981 года (август/сентябрь) группой “УМ” было поставлено 12 завалов, на месяц разделивших Никиты на две независимых Системы: Никиты Левые и Никиты Правые, каждая со своим независимым входом с поверхности. По окончании войны пять из них были разобраны для нормального прохода людей и Система воссоединилась в единое целое.

В ноябре 1981 года оборудованы для стоянки Акулий, Ландыш, Вупертот и Эрэтик (все в Правой системе близ Колокольни). Тогда же Хмырь и Борода, пройдя три завала в дальней левой части ЖБК, вышли в систему Сумасшедшего Барабанщика. Прибавив к Никитам не только новую сотню метров ходов, но и истинно Психоделическое Чудо.

В декабре 1981 года Хмырь начал оборудование “никитского культового места №2”: Острова Сокровищ.

В новогоднюю ночь зафиксировано обрушение Колонно-Крепяного зала в системе Шкварина (площадь обрушения около 100 м²).

Слёт Памяти Виктора Шагала впервые проводится, как междугородный – присутствуют барды и спелестологи из 12 городов СССР.

В 1982 году неоднократно делались попытки разбора завалов в правой дальней части ЖБК (пробиться пытались практически все, кто тогда ходил в Никиты), – из этих попыток ничего не вышло.

Летом 1982 года Хмырь раскопал вход в бывшую часть Никит, в данный момент отрезанную от неё карьером – Эльдорадо. (Вертикальный шурф с поверхности глубиной 3,5 м; суммарная длина трёх сохранившихся штреков Эльдорадо ~ 50 м.)

1 июля 1982 года в “Комсомольской правде” выходит скандальная статья “Лабиринт” – после чего все ходящие в Никиты группы объединяются в Никитский Круг с эмблемой в виде унитазного круга, совмещённого с лирой. “Ничто так не сплачивает народ, как общий враг”.

Осенью 1982 года оборудованы для стоянок: Девятка, “У Трёх Охотников”, Чайник (позже переименованный в Жопу), Кафе, Кагэбэйка и Ён; переоборудован Кабачок.

В 1983 году после прохождения завала и расфигачивания монолитной перегородки найден последний “недостающий парный штрек” в Ближней системе – Парашют [Сусанин, Вероника, Асисяй]. Comandor, Склизский Змей и Ваня-Крэйзи соединили двумя новыми ходами систему Шкварина с Правой в

районе Автомат Выключен (разобрано четыре сложных завала и несколько до того непроходимых шкуродёров); в циклопнике, совмещённом с рыхлым обрушением, прошли соединение меж Бородинскими Полями и Задевятичной системой. В дальнейшем это соединение несколько раз затыкалось новыми обвалами, но раскапывалось вновь – последняя попытка была предпринята в начале девяностых группой “Башмаки”; теперь этот проход называется Башмаковский Переулок.

В 1984 году во время двухнедельного пребывания Барон и Comandor пытались пробиться из ЖБК в Мокрые Галереи; было вскрыто около 5 метров кровельного доломитизированного обрушения, после чего работы были прекращены за явной суицидальной составляющей.

В январе/феврале 1985 года Comandor проводит одиночное месячное пребывание в Девятке.

На лето 1985 года суммарная длина Никит оценивается НК в 12,5 км.

В ноябре 1985 года Зелёный Змей и Мока начинают своё Бессрочное Пребывание в Жопе; в феврале 1986 года Пребывание прекращают незванные “спасатели в штацком”. Никиты объявляются закрытой для посторонних Системой. Часть никитян, не желающих принимать участие в новой подземой войне, переходят в Кисели [Прохор и к°] и Силикаты [Лещина и к°].

Слёт Памяти Виктора Шагала 1986 года впервые проводится, как международный – присутствуют наши чешские и немецкие друзья-спелестологи; помимо концерта, на слёте показывается слайд-фильм, снятый в Старицких пещерах.

В 1986 году “в предчувствии взрыва никитских входов” тайно выкопан “запасной вход” – Старьёвщик, до поры, до времени, замаскированный с соответствующей маскировкой [Comandor, Мамонт, Хмырь].

10 декабря 1986 года в Международный День Защиты Прав Человека домодеровский горком взорвал все входы в Никитскую Систему; через две недели для выемки оставленной под землёй аппаратуры был вскрыт запасной вход Старьёвщик, – окончательно Старьёвщик был открыт 25 января 1987 года в День рождения В. С. Высоцкого. Вскрытие прошло в торжественной и весёлой обстановке и заняло не более 20 минут.

В феврале 1987 года Склизский Змей в компании с Сомосой, Малым Хенком и Мамонтом, “разбежавшись в ЖБК аж за три поворота-перекрёстка”, прошёл под отслоёнкой около 45 метров шкуродёров и гротов, затем разобрал один циклопник 10-метровой длины и десяток разной сложности иных завалов. В результате чего вышел из Никит в новую систему, названную им УХА [суммарная длина ходов около 500 м], – она же, согласно проведённой топо съёмке, Синеглазка – точнее, её дальняя, смыкающаяся с Никитами, часть.

В 1988÷1990 гг. Никиты посещаются лишь командой “Башмаки” под руководством Бати – Никитский Круг занимается освоением Съян. Осенью 1990 года эмигрировавшие в Съяны, Кисели и Силикаты никитяне возвращаются в родную Систему.

В сентябре 1990 года повторно вскрыт вход МЖД8М [Сом, Водолаз,

Большой Леший, Склизский Змей] – павший в 1986 году жертвой горкомовских взрывов и глиняного оползня со склона.

В январе 1991 года Сом и Глаша восстановили и переоборудовали, рассчитав завал, грот Сапфир; по завершении работ гроту дано новое название – Обитаемый Остров. Они же оборудовали третий питьевой водокап – “Торговля аквариумными рыбками” – и произвели инструментальную съёмку граничных участков ЖБК и Дальней системы.

В 1991 году во время одиночного трёхмесячного пребывания Сом за 15 минут работы вскрыл систему Ирукан общей длиной ходов около 250 м; через некоторое время при помощи группы “Свалка” [Кожух Андрей – Новый Леший, Сергей Факир, Саша Карякин, Шурик Херург] и Гарри было пройдено четыре завала (смешанный, обрушение кровли, доломитизированная расслоёнка и вскрытие кровли) — в результате чего Ирукан был соединён с ЖБК.

29 июня 1991 года в Никитах гибнет Коля Никитин. Официальная причина смерти – “переохлаждение”.

Весной 1992 года вход Старьёвщик сел на протяжении 25 метров из-за зимнего расслоения замороженного тягой воздуха свода; окончательно вход закрыл оползень склона.

В Никитах снова остаётся лишь один вход – МЖД8М, каждую весну принимающий в свои объятия не только спелестологов, но и центнеры сползающей со склона холма грязи.

В 1992 году “Свалка” оборудует на месте циклопического обрушения грот Свалка – без сомнения, “хай-штиль” никитского зодчества. По крайней мере, по затраченным усилиям и масштабу работ. Одновременно Хмырь переоборудовал Геошизик с не меньшим успехом. Для сбора воды оборудован четвёртый водокап – Линза [Сом].

4 января 1993 года Сомом и “Свалкой” повторно вскрыт вход Эгипед < 10 декабря 1986 года взорванный по постановлению Домодедовского горкома >; в течение января в системе Шкварина пройдено около 20 метров кровельного обрушения – после чего работы в завале были остановлены, как бесперспективные.

В 1993 году Сом проводит одиночное месячное пребывание в Обитаемом Острове.

На слёте памяти В. Шагала в 1993 году в очередной раз вскрыт вход МЖД8М [Сом, Мефистофель, Ангел, Паникёр, Прохор и к°], по весне в очередной раз затянувшийся глиняной пробкой.

С 1991 по 1995 год Сом с помощниками из разных групп неоднократно пытался пробиться за периметр Никит из Дальней системы; несмотря на ряд успешно вскрытых завалов, эти усилия ни к чему не привели. Если не считать совсем незначительных продолжений.

В 1995 году в Обитаемом Острове проводится смешанное одиночно-групповое пребывание [Сом, Склизский Змей и Дэн] общей длиной в полтора месяца.

В 1996 году новая никитская команда “под управлением Сержанта” [Ав-

деев Сергей] отстроила на Футбольных Полях ЖБК грот Подкидыш (вошедший в число никитских архитектурных “хай-штилей”), после чего в очередной раз вскрыла затянувшийся весенним оползнем вход МЖД8М. В том же году Сом за 20 минут работы сапёрной лопатой прошёл в правой части ЖБК чёрный глиняный конус и вышел в систему Западня – суммарной длиной ходов около 300 м.

В 1996 году Сом и Херург прошли в ней два сложнейших завала – циклопник и смешанный, – в результате прибавив один незначительный грот и 20 метров шкурников. В том же году Сом и Шурик Карякин [КМС] прошли два завала у окончания Бродвея и соединили ЖБК с Лисьей системой, вход в которую с поверхности был взорван 10 декабря 1986 года. (Приращение ходов около 50 м; если б не взрыв входа в Лисью – было бы больше и увенчалось созданием ещё одного входа в Систему, ведущего прямо в ЖБК).

Произведена инструментальная съёмка ЖБК и Ирукана [Сом & Аннет].

В 1996/97 гг. Сом и “Свалка” безуспешно пытались пробиться из Западни в сторону Дальней системы; как выяснилось позже, в двух местах не доработали около 5 метров завала, ещё в двух – не более полуметра.

В 1995 и 1996 году Сом безрезультатно пытался пробиться из системы Уха в ЖБК новым перспективным ходом; работы пришлось прекратить из-за опасности одиночного прохождения завала (не дошёл до желаемого финиша-сбойки около двух метров, пройдя 15).

В 1997 году групповое пребывание в Обитаемом Острове проводят Склизский Змей и Олич; одиночное – Сом.

Зимой 1998 года группа Сержанта проходит десяток чёрных глиняных конусов за Крайне Правыми Командорскими островами, присоединив к ним открытую ими Антисистему (приращение ходов около 100 м).

В июле 1999 года Гриша Чёрт с добровольными помощниками из “внештатных спасателей” [Аспирин, Арчер и к^о] в очередной раз вскрывает севший вход МЖД8М – при этом “при помощи лома и эмчезовской матери” из входа вынимается не только глиняная пробка, но и известняковые глыбы весом до 200 кг.

В августе 1999 года во время двухнедельного пребывания [Сом, Аня-МалышЪ, Саша Никольский и Фёдор] были возобновлены попытки пробиться из ЖБК в Ебазар/Мокрые Галереи. Пройдено около десяти завалов различной степени сложности; цель достигнута не была – зато к Никитам прибавилась новая система КРОССавица (суммарная длина ходов около 250 м). Также во время этого пребывания была начата новая топосъёмка Никит [МалышЪ, Никольский, Сом, Фёдор].

В последних числах декабря 1999 года Глеб Зырянов прошёл “упущенное” Бородой соединение Бородинских Полей и Мартингала; он и дал новооткрытой системе такое название. Первоначальная длина обрисованных им ходов равнялась 2,5 километра; за следующий год она возросла ещё на 500 метров.⁵³

Таким образом, на начало нового тысячелетия длина Никитской Системы

⁵³ Современная длина Мартингала оценивается в 4,2 км.

составила от 14 до 16 км (точно определить из-за отсутствия подробной топоъёмки возможным не представляется).

Милениум встречается на Футбольных Полях ЖБК никитянами совместно с ЛСП (Ленинградская Спелестологическая Партия), ковровской группой Киса и прочими именитыми гостями; некоторые именуют это совместное мероприятие “Первой Подземной Спелестологической Конференцией”.

В марте 2000 г. Мичман присоединил к ЖБК грот Форт-Нокс. Тогда же Мичман в компании с Прохором, за отсутствием точной информации о вскрытом Глебом проходе за пять минут работы прошёл новым ходом из Бородинских Полей в Мартингал – всего лишь расширив *полузаваленный* (даже не погребённый целиком!) участок штрека с центрально-боковым обрушением. Почему это не было сделано никем раньше – Загадка.

На Астрономический Новый год Валентин вышел в новую часть Мартингала – его крайнее продолжение в сторону противоположного края плато и Синеглазки; Сом, Аня-МалышЪ и Никольский провели инструментальную съёмку системы Шкварина, Правой, Бородинских Полей и Мартингала.

В апреле 2000 года Мичман и Фёдор, убрав всего три мешавшихся камня, прошли чуть-ли не в полный рост из Мартингала в систему Шкварина.

В июле 2000 года Мичман, продолжив начатое Сомом вскрытие разделявшего ЖБК и УХА завала, осуществил долгожданную вторую сбойку ЖБК и УХА (проход был назван Сучий лаз в честь собаки, трудившейся на отгребании бута). Во время раскопок были найдены остатки кайла, расфигаченного Сомом при первоначальных попытках создания этого прохода.

6 октября 2000 года Мичман и Чудо-вообще соединили Западню и Дальнюю, завершив многолетние попытки никитян сбить эти системы. Поскольку на следующий день был день рожденья Сома, посвятившего этим попыткам не один год (“недорыл” всего 1,5 м!), сбойка под названием Протуберанец I была преподнесена оному в качестве долгожданного подарка. Поздравленный ответил тем, что вернулся к месту раскопок и в нескольких метрах от Протуберанца I продолжил работу в также не пройденном им до конца в 1991 году обрушении; через пару минут работы Западню и Дальняя системы Никит соединились Протуберанцем II — более широким и коротким, чем П.-I (недокопано в П.-II было не более полуметра).

В ноябре 2000 года Мичман и Чудо-вообще вышли в новую часть Западни – но поначалу не поняли этого, так как прошли в неё, практически не разбирая завалов. *Это после того, как вся Западню по периметру была “более, чем тщательно” обследована разными группами!..* Осознание, что открылась новая часть Никит (и довольно значительная по протяжённости ходов) пришло через пару месяцев, когда Глебом Зыряновым выполнялась её предварительная обрисовка. Во время которой Глеб “вывалился” из этой системы в УХА. После чего Мичман вернулся в систему, обнаружил, что её размеры не только весьма значительны, но и до них там никто никогда не был. Системе было дано название Лабиринт (современная суммарная длина ходов оценивается в $180 \div 200$ м).

В январе 2001 года Сом и Чудовище оборудуют новый стояночный грот – Некрополис.

На апрельском месячном пребывании 2001 года [Сом, Чудовище, Олич] была проведена перепланировка и переоборудование грота Обитаемый Остров с применением фиксирующей монтажной пены; пройдено две новых сбойки с ЖБК (из Ирукана и Сапфира), создана новая транспортная магистраль (ликвидировано пять завалов, укреплено и расширено около 100 м ходов); система Ирукан разделена и перепланирована искусственными завалами, в результате чего образовалась система Сапфир; чуть позже система Сапфир была соединена с Дальней системой и Западной пробитыми в 6 завалах ходами; в Западной оборудован новый водокап, рекордный по водопотоку (60 л/час, – причём вода течёт непрерывной струёй, так что “водокап” не самое подходящее слово). Также при участии присоединившегося в последний день работ Глеба Зырянова был пройден вертикальным 18-метровым шурфом снизу вверх обвальный конус чёрной юрской глины (пять дней суицидально-каторжного труда), в результате чего к Никитам была присоединена естественная пещера, возникающая, как САП (ОП) на границе раздела чёрной гипсовой юрской и серой лёссовой четвертичной глины (высота до трёх метров, диаметр округлого купольного зала до 5 м). Каверна оказалась заполнена практически чистым азотом, а потому её дальнейшее прохождение и изучение было остановлено. За время Пребывания к Никитам было присоединено в общей сложности около 100 метров новых ходов; также проведены работы по гидрогеологии и аэрологии Никит, измерено паводковое поступление в Мартингальную Обводнёнку и меняющийся объём этой Обводнёнки.

На майские праздники 2001 года был пробит новый вход в Систему ниже старого (МЖД8М; соответственно, назван МДСТ1М – “международный день солидарности трудящихся первое мая”; иной вариант названия – Даздраперма). В этом трёхдневном мероприятии принимали участие Фёдор, Глеб, Алхимик, МалышЪ, Никольский, местная молодежь и Мичман. Осенью Сом, Чудо-вообще, Светодиод и Метеор превратили спортивно-развлекательный трек имени Мичмана (собственно, развлекался только он – глядя, как стрянут другие) в нормальный вход в Систему.

26 августа 2001 года была вскрыта небольшая (30 ÷ 40 м) полость близ Никитской каменоломни, названная Лагуна. [Во вскрытии принимали участие Аспирин, Арчер, Саша Никольский, Мичман, Хмырь и Фёдор.]

В сентябре 2001 года Мичман, Птаха и Дрон, пройдя кровельное обрушение у привходовой части Бродвея (система ЖБК), обнаружили щель, ведущую вниз у дальнего края обрушения. Её раскопки привели к образованию нового входа в систему ЖБК. Первоначально он был назван Мичманом “Военно-Грузинская Дорога”; по мере применения стал называться “Тропа Горных Козлов”. Эта сбойка зримо доказала неверящим, что ЖБК действительно лежит ниже остальной части Никит.

4 ноября 2001 года после 10 лет попыток пробить завалы в дальней части системы УХА последняя попытка увенчалась успехом. Как оказалось в очеред-

ной раз, те, кто начал раскапывать этот проход, недорыли каких-то полметра [имена недорывших: Склизский Змей, Сомоса, Мамонт, Малый Хенк и Сом]. Открытая система названа Зазеркалье. Во вскрытии участвовали ТрехДюймовочка и Мичман; впоследствии присоединились Глеб с Валентином и Сом. [Современная длина Зазеркалья около 500 м.] Во время обследования Зазеркалья обнаружено: светильник, несколько головок от разного типа светильников, разбитая бутылка. Стенки этой бутылки в 2-3 раза тоньше современных бутылок. Также было обнаружено несколько изделий из белого камня: ступеньки и карниз для фасада здания.

В феврале 2002 года Чудовище, Сом, Данила (Короткий) и Склизский Змей, вскрыв три завала в ЗапаДне, соединили ЗапаДню и Дальнюю системы ещё двумя ходами – что позволяет теперь обхватывать при топосъёмке Систему более точными кольцевыми маршрутами.

В мае 2002 года вновь повторно вскрыт вход Эгипед [Аспирин и к°].

В течении весны/лета 2002 года Кирилл и Мефодий [НК] оборудовали близ ЧП новый грот на месте когда-то обитаемого Медвежьего Угла; перепланировка пространства и применённые новые подземные строительные технологии (в частности, обмазка чёрной глиной сложенной из деревянных крепей стенки) сделали новый грот очередным произведением никитского хай-арта.

В июне 2002 года Глеб Зырянов, Мичман и Валентин открывают новый фрагмент Антисистемы – длиной не более 100 метров, но с прекрасно сохранившимся забойным штреком, на редкость “вытянутом” относительно прочих орт (15 метров) — что подтвердило топологические воззрения автора данных строк о поэтапно-параллельной разработке Никит “в эпоху Мартьянова”.

В июле 2002 года Сом, Кирилл, Мефодий и Алхимик соединили новую часть Антисистемы с Мартингалом, причём сразу двумя ходами – опять же, не только не приложив изматывающих физических усилий, но и в месте, что до того, как казалось, было плотно обследовано с вердиктом “непроходимо”. При прохождении сбоек были найдены чугунная чашечка для обмазки венцов крепей смолой и метровый фрагмент рельса.

2003 год – на очередном пребывании [Сом и Олич] продолжены работы по гидрологии и аэрологии Никит, к системе Сапфир присоединено несколько новых гротов и завершена её изоляция от прочей Системы.

Слёт Памяти Виктора Шагала впервые проводится с участием рок-групп, работающих ‘в электричестве’. Присутствуют не только московские авторы и спелестологи из всех подмосковных Систем, но также наши друзья (спелестологи и музыканты) из Питера, Рязани, Владимира, Чехова, Зеленограда, Фрязино и Томска.

2004, осень – новое вскрытие МЖД8М и оборудование его полновесным защитным козырьком с одновременным оборудованием Эгипта. Продолжение топосъёмочных работ с применением лазерного дальномера и фотопикетирования [Никольский, Малыш, Сом]. Не входящая в НК группа “Чёрное Солнце” [рук. В. Тютюнов, он же Министр] начинает топосъёмить Никиты традиционным полуинструментальным способом.

Слёт Памяти В. Шагала 2004 года объединяется со спелестологической конференцией, предшествующей концерту.

2005 год – очередное пребывание в Сапфире [Сом и Олич]; работы по расширению систем Мартингал, Шкварина, Лабиринт и Зазеркалье [НК]. Участники группы “Чёрное Солнце” создают новый вход в ЖБК из Коммунизма; Сом и Длинный Кира завершают работы по его расширению и благоустройству.

2006 год, весна – после оползня склона и обвала из-за зимней проморозки свода падает и затыкается глиняной пробкой вход Эгипед; в июне заново вскрывается Сомом.

20 августа 2006 года в Никитах гибнет Женя Бутов; тело было найдено лишь через 5 месяцев. Причина смерти: переохлаждение.

2006 год, ноябрь – в Никитах проводится семинар спелестофотографов, организованный спелеоотрядом “Сова” [Модем и Кошка, НК].

2006, декабрь – перед встречей Нового года совместными усилиями НК в ЖБК создаётся новый празднично-гостевой зал – Зоопарк, а также надлежащая инфраструктура. Обитаемый Остров переоборудуется с применением современных строительных технологий – монтажная пена, пластиковые панели; “НГ в НП” встречают представители всех подмосковных Систем и наши гости из Одессы, Самары, Питера и Томска. [“Вторая Подземная Спелестологическая Конференция”.]

2007 год, февраль – НК завершает работы по вскрытию недостающего фрагмента Бродвея в сторону склона холма; вскрытое завальное безобразие называется Амазонка. В спелестологическом смысле значение этого раскопа неопределимо – оно доказывает взрывное закрытие ЖБК. Очередная весенняя ревизия входа Эгипед выявляет его крайне аварийное состояние, вызываемое, как и в случае Старьёвщика, зимней проморозкой свода. Вход приходится закрыть, дабы избежать его дальнейшего обрушения.

2008 год – долгожданное (хотя, как водится, случайное) прохождение сбойки Зазеркалье/Мартингал и вполне осознанное (трудоёмкость в шесть выходов) присоединение к Никитам системы Калифорния [все деяния – НК].

2009 год – плановая топографическая ревизия НК выявляет обрушение прохода в Звёздочку в Мартингале, сбойки Зазеркалье/Мартингал, осаднение и/или замыв глиной трещины-сбойки меж ЖБК и Ебазаром, сокращение Бородинских Полей на треть и окончательное обрушение Башмаковского Переулка.

Летом 2009 на сайте www.speleo.ru группа “Чёрное Солнце” официально заявляет, что по их топосъёмке суммарная длина отснятой части Никит достигает 14.015,70 м. Участники группы полагают, что неотснятая часть включает ~1,5 км; никитяне склонны прибавить к этой цифре приблизительно 1 км. < «Ну, два...» > Мичман начинает работы по вскрытию с поверхности Звёздочки; НК – Редькинской Системы.

Что будет дальше – покажет неумолимое время.

